

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСЛАМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИРАНЕ:

**ПРОШЛОЕ,
НАСТОЯЩЕЕ,
БУДУЩЕЕ**

Москва
ИВ РАН
1999

ББК 63,3(5 Ирн)
И 85

Ответственный редактор
Мамедова Н.М.

Рецензенты:

Цуканов В.П. – к.э.н., Ушаков Э.А. – к.и.н.

И 85 ИСЛАМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИРАНЕ: ПРОШЛОЕ,
НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ - Сборник статей, М., Институт
Востоковедения РАН, 1999, - 214 с.

ISBN 5- 89282-110-2

В предлагаемом читателю сборнике дается характеристика иранской революции и ее влияния на соседние регионы, а также рассматриваются проблемы 20-летнего развития Исламской республики Иран. В нем освещены вопросы политической, экономической и культурной жизни Ирана.

ББК 63,3 (5 Ирн)

ISBN 5-89282-110-2

©Коллектив авторов, 1999

©Институт востоковедения РАН, 1999.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
М. Сафари. Уникальные особенности Исламской революции в Иране в сравнении с революциями в других странах мира	6
М. Санаи. Исламская революция, международное право и диалог цивилизаций	12
С. С. Хагигат. Мотивы и корни исламской революции	22
В. Б. Кляшторина. Иран в мировом диалоге культур	25
А. З. Арабаджян. Россия, Иран и Армения: диалог цивилизаций	45
Н. М. Мамедова. Опыт социально-экономического развития Ирана в условиях исламского правления	52
С. Б. Дружиловский. Социальная политика в Исламской республике Иран после Исламской революции	66
В. И. Сажин. Военная мощь Ирана. Двадцать лет: от испла до алмаза	71
Л. М. Кулагина. Внешняя политика ИРИ – 90-е годы	94
С. В. Григорьев. Иран и Россия	105
Е. А. Орлов. Ирано-иракская война 1980-1988 гг. и позиции СССР, США и ООН	110
Е. В. Дунаева. Каспийский регион и Иран	129
Д. М. Анаркулова. Влияние иранской революции 1978-1979 гг. на Таджикистан	138
В. В. Хуторская. Атомная энергетика Ирана как одно из стратегических направлений сотрудничества России с ИРИ	144
Г. И. Старченков. Иран – новая газоэкспортирующая держава XXI в	156
МР. Арунова. Борьба с наркотиками в Исламской республике Иран	166
Ю. А. Рубинчик. Некоторые проблемы совершенствования персидского языка в конце XX в	173
М. С. Каменова. Двадцать лет ИРИ: итоги языковой политики	181
В. Л. Генис. Мирза Кучек-хан – защитник родины и ислама. К истории объединения исламских повстанцев в 1921 г.	188
ПРИЛОЖЕНИЕ	204
SUMMARY	212
CONTENTS	213

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иранская революция, приведшая в феврале 1979 г. к падению монархии и вслед за этим к провозглашению исламской республики, произвела ошеломляющее впечатление во всем мире. К этому времени Иран вот уже второе десятилетие проводил реформы, избавлялся от остатков феодализма, создавал высокотехнологические производства, удивлял мир высокими и устойчивыми темпами экономического роста. И буквально за год-полтора Иран, рассматривавшийся многими странами как образец для подражания, оказался охваченным массовым антишахским движением. Страна стремительно катилась к кризису. "Порог чувствительности" иранского общества для восприятия плодов вестернизации уже к концу 70-х годов был превышен, и это обеспечило успех исламской революции.

Падение шахского режима и приход к власти такого традиционного сословия как духовенство, никак не ассоциировавшегося со стремлением к прогрессу, явились как бы вызовом общемировым тенденциям развития. Установление исламской государственности в Иране можно рассматривать как стремление создать такую социально-экономическую модель, которая учитывала бы национальные и религиозные особенности, в комплексе складывающиеся в мощный цивилизационный фактор.

Исламская форма правления в Иране пытается привести в соответствие культурное наследие, исламские традиции и потребность в модернизации. После двадцати лет послереволюционного развития иранские правящие круги все больше воспринимают модернизацию как переход от традиционного общества к современному, что в целом совпадает с общепринятыми понятиями.

Локомотивом комплексной эволюции иранского общества стало проведение новой экономической политики. При этом оно не вступило в сколько-нибудь резкое противоречие с исламскими принципами. В результате проведенных в 90-е годы реформ тенденции либерализации общества, особенно в экономической сфере, стали отчетливо проследиваться. При этом в Иране значительная роль в экономике продол-

жает сохраняться за государством, которое стремится заменить административные методы управления рыночными.

Особенно впечатляющие изменения претерпела за 90-е годы внешняя политика, демонстрирующая стремление наладить связи с мировым сообществом на основе общепринятых правовых норм. Во многом это заслуга нынешнего президента страны – Мохаммада Хатами, который получил на выборах решительную поддержку молодого поколения страны. Правительство Хатами стремится сделать страну и политически, и экономически привлекательной для иностранного капитала и для мирового сообщества.

Внутренняя политика ИРИ также эволюционирует в сторону либерализации. Все большая роль придается поддержке правового порядка. Отчетлив прогресс в обеспечении прав женщин. Достаточно гибкой становится национальная и культурная политика. Апелляция нынешнего руководства страны к иранскому культурному наследию помогает преодолеть порог изоляции во внешнем мире и более успешно проводить внутреннюю модернизацию.

Исследование различных аспектов развития Ирана за последние 20 лет помогают объективно оценить уникальность и актуальность опыта Ирана с точки зрения поисков оптимальных для каждой страны вариантов развития, а также взаимосвязей с мировым сообществом.

Данный сборник статей составлен по материалам международной конференции "Исламская республика Иран: прошлое, настоящее и будущее", проведенной в Институте востоковедения РАН 3-4 марта 1999 г. В ней принимали участие ученые России, ИРИ и стран СНГ, а также представители высших государственных органов, общественных и информационных центров. Большую помощь в проведении конференции оказало посольство Исламской республики Иран в Москве, при финансовой поддержке которого издан настоящий сборник.

**Уникальные особенности Исламской революции в Иране
в сравнении с революциями в других
странах мира**

Доклад Чрезвычайного и Полномочного посла ИРИ в Российской Федерации.

Нет сомнения в том, что Иранская Исламская революция может по праву считаться одним из крупнейших и важнейших событий XX века и одной из самых значительных революций в мире. Эта революция многим удивила мир, став, по словам имама Хомейни (да будет с ним милость Аллаха!), чудом нашего столетия. Хотя наша революция уже входит в третье десятилетие своего существования, политические и академические круги, пресса и другие СМИ всего мира продолжают исследовать различные аспекты этого явления. Исламская революция все больше и больше привлекает к себе внимание экспертов по общественным и политическим вопросам.

В этой статье нам хотелось бы на конкретном материале показать отличительные особенности Исламской революции в сравнении с другими революциями, произошедшими в мире, остановившись в своем анализе преимущественно на двух ключевых моментах. Так как все современные революции во всех частях света происходили обычно под влиянием идей либерализма или марксизма-ленинизма, примером чему служат Французская революция и революция 1917 г. в России, мы в своем анализе остановимся на сравнении именно этих революций.

Первый аспект исследования касается общих вопросов ситуации в Иране накануне революции, внутренней стабильности шахского режима, его международной поддержки и экономического положения. Второй аспект касается характеристики движущих сил революции.

1. Положение шахского режима до революции.

а) Военный аспект. Одним из основных факторов свержения правящих режимов является слабость вооруженных сил и их неспособность оказывать поддержку режиму в его противостоянии революционным силам.

Во время политического кризиса 1789г. французская армия была ослаблена в результате войн и многочисленных поражений, и кроме того, в силу своей классовой принадлежности стремилась к переменам и не собиралась поддерживать королевскую власть.

Нечто подобное наблюдалось и в России перед Февральской революцией 1917г. Царское правительство в течение 16 лет, предшествовавших революции, потерпело два серьезных поражения: в войне с Японией и во время военных действий на фронтах Первой мировой войны. Накануне революции не только русское правительство не имело опоры в армии, но и сама армия была деморализована и недовольна режимом. Присоединившись к бастующим рабочим, она сыграла важную роль в победе революции в России.

Однако иранская армия, в отличие от русской и французской времен революций, в течение 50 лет, предшествовавших Исламской революции, не только не участвовала ни в одной внешней войне и не пострадала от вооруженных конфликтов, но и достигла невиданного прежде могущества и развития на последнем этапе правления шаха Мохаммада Резы. Таким образом, положение армии в Иране было несравнимо с состоянием вооруженных сил Франции и России в преддверии произошедших в этих странах революций.

б) Внутренняя стабильность и могущество. Если правящие режимы во Франции и России накануне произошедших в этих странах революций были исключительно нестабильны, шахский режим в Иране, наоборот, переживал перед Исламской революцией период своей наибольшей стабильности и могущества. Пытаясь еще больше укрепить основы своего деспотического режима, шах опирался не только на армию и внутренние войска, но и на секретную полицию САВАК, подобной которой не было в свое время ни во Франции, ни в России.

Вся деятельность этой организации была направлена на создание системы подавления и удушения свободы, борьбы с антишахскими политическими движениями и сопротивлением иранского народа. Сотрудничая с ЦРУ и Мосад, САВАК постепенно превратилась в страшную зловещую организацию, запятнавшую себя самыми позорными и непростительными преступле-

ниями, пытками и издевательствами над иранским народом, особенно исламскими революционерами.

Жестокость САВАК в отношении обвиняемых, пытки заключенных в застенках режима были столь ужасны, что генеральный секретарь организации "Международная амнистия" в 1975г. заявил, что ни в одной стране мира права человека не нарушаются настолько сильно, как в Иране.

За 37 лет своего правления шах все время ужесточал контроль над обществом и политической жизнью страны. Вся пресса находилась под его жестким контролем. В Иране была разрешена единственная партия - партия "Растахиз", которая находилась на службе у шаха.

Таким образом, шах и его правительство полностью контролировали и подчиняли себе все стороны жизни народа.

в) Иностранная поддержка. Политические режимы Франции и России накануне революционных схваток были полностью лишены иностранной поддержки, пребывая в полном одиночестве. Несмотря на родство с другими европейскими монархами, Людовик XVI не только не был ими поддержан, но и стал жертвой активных усилий других стран, в частности Англии, по разжиганию революционного пожара во Франции. Несмотря на участие в международной коалиции, правительство царской России так же, как и Бурбоны во Франции, оказалось один на один с революционной стихией, не получая никуда поддержки.

В то же время шахский режим в Иране находился в самом выгодном положении с точки зрения международной поддержки, тогда как революционные силы такой помощи ниоткуда не получали. Самым крупным спонсором шаха выступали США, которые поддерживали этот режим до самых его последних дней, оказывая ему неограниченную военную, политическую, экономическую и морально-психологическую поддержку, ибо Иран охранял в регионе интересы США и был самым крупным американским союзником на Среднем Востоке. Сам шах в первые дни революционных выступлений народа, после восстания в Куме, сказал одному из своих друзей: "До тех пор, пока меня поддерживают американцы, мы можем говорить все, что захотим, и делать все, что считаем нужным, и все равно меня нельзя будет сдвинуть с места".

г) Экономическое положение. Теоретические объяснения возникновения революций, которые выдвигают многие теоретики и комментаторы событий, обычно сводятся к акцентированию важной роли экономического фак-

тора. Марксисты в особенности придают ему главенствующую роль. При этом опыт Французской и Русской революций несомненно подтверждает тезис о решающей роли именно экономических факторов.

Однако положение Ирана до революции отличалось от того, что было в свое время во Франции и России. По совету американцев шахский режим, желая предупредить возникновение революции, приступил к проведению программы особых мер, которая получила название "белой революции". Важнейшей частью этой программы была аграрная реформа и перераспределение земли. Однако эти "косметические" реформы не столько решили проблемы сельского хозяйства, сколько усугубили трудности, существовавшие в этом важнейшем секторе экономики страны. Единственным, что предотвратило его полную деградацию, было повышение цен на нефть, которое развязало руки государству в финансовом отношении и позволило выплачивать сельскохозяйственным производителям значительные субсидии.

Повышение нефтяных доходов начиная с 1970г., их резкий рост с 4,9 млрд. долларов в 1973г. до 18,5 млрд. в 1974г. (т.с. в 3,8 раза) дало возможность шаху ускорить развитие промышленности в стране. Повышение цен на нефть и улучшение финансово-экономического положения неожиданно превратило Иран из бедной и отсталой страны третьего мира в одно из богатейших государств, дав ему возможность играть более активную роль на региональном и мировом уровнях. Развитие экономики было столь стремительно, что доход на душу населения в стране вырос с 200 долларов в 1963г. до 1000 долларов в 1973г. (рост в 5 раз). Опираясь на эти доходы, Иран превратился из абсолютного заемщика в кредитора первой величины. Хотя в последние годы правления шахского режима доходы от нефти уменьшились, общие условия жизни практически всех слоев общества к 1978г. значительно улучшились (даже при том, что нефтяные доходы распределялись крайне неравномерно).

До революции в Иране действительно не было ощутимых признаков экономического кризиса, который нельзя было бы контролировать, особенно в последние 7 лет до революции, когда рост нефтяных доходов позволил режиму значительно укрепиться экономически. Правительство не только сократило налогообложение промышленности, но и повысило зарплату служащих.

Таким образом, в отличие от Франции и России в предреволюционное время, шахский режим в Иране не испытывал разрушающего воздействия слабой, поверженной кризисом экономики.

2. Основы Исламской революции

а) Идеология ислама. Основным отличием Исламской революции в Иране от революций в России, во Франции и в других странах является наличие у неё ярко выраженного религиозного характера. Французская и Русская революции произошли как бы вне религии (и даже в противостоянии с ней) и преследовали политические, социальные и экономические цели, стремясь установить в обществе либерально-буржуазные, антидеспотические или социалистические ценности. Во Франции и России духовенство поддерживало монархию, а потому революционеры, придя к власти, повели решительную борьбу с клерикальными кругами и лишили их всех былых привилегий.

Изучение различных аспектов иранской революции подтверждает, что именно религиозный фактор сыграл ключевую роль в ее победе. Руководство движением, в котором участвовали различные группы и течения, легло на духовенство во главе с имамом Хомейни. Именно духовенство сыграло решающую роль в победе революции, именно оно стало основной движущей силой революции. Но если бы и сами иранцы не были так преданы своей вере, в Иране не свершилась бы столь значительная и великая революция.

б) Руководство революцией. Во Французской революции не существовало общепризнанных руководящих кадров, которые бы направляли народное движение и имели свою четкую программу действий. Руководство Французской революции включало в себя широкий спектр деятелей. В целом, невозможно найти во Французской революции деятеля, который бы постоянно держал штурвал в своих руках и обладал полной поддержкой народа и легитимностью в глазах его различных слоев.

Многие исследователи русской революции полагают, что свержение самодержавного монархического строя в феврале 1917г. произошло в результате абсолютно стихийного и никем не управляемого движения. Даже большевики не претендовали на лидерство в февральской революции.

Что касается исламской революции в Иране, то ее архитектором, идеологом и режиссером выступил имам Хомейни, который и сыграл ключевую роль в начале этой революции, ее развитии и победе. Исламская рево-

люция связывается во всем мире только с именем имама Хомейни. По сути дела. Исламская революция - это плод многих лет теоретической и практической деятельности, бесстрашной борьбы и мудрого руководства имама Хомейни.

Имам Хомейни более 50 лет назад в своих письменных и устных выступлениях поставил под вопрос легитимность режима Пехлеви. Им была разработана доктрина исламского правления. Революционные идеи и политические идеалы движения можно проследить в произведениях имама, в частности, в книге "Кашф-оль-Асрар", написанной еще в годы правления Реза-шаха. Затем эти идеи получили свое развитие в книгах "Исламское правление, или вelayат-е факих", а также "Тахрир-оль-василе".

в) Участие народа в революции. Исторические исследования свидетельствуют, что во всех революциях принимали участие только определенные социальные классы и слои, пытаясь достичь своих политических, экономических и социальных целей. Как правило, значительная часть населения не принимала участия в революционных событиях, оставаясь их пассивным наблюдателем.

В противоположность этому, на всех этапах иранской революции активно участвовали практически все группы, слои и классы общества (рабочие, крестьяне, государственные служащие, интеллигенция, духовенство, торговцы базара, студенты и школьники, жители городов и самых отдаленных деревень).

Иранский народ во время массовых невооруженных антишахских манифестаций, проявил удивительную согласованность действий и сплоченность, сумел поразительно быстро свергнуть вооруженный до зубов деспотический режим и это стало беспрецедентным явлением в истории мировых революций.

Исламская революция, международное право и диалог цивилизаций.

1. Исламская революция, свершившаяся в стране, история которой насчитывает несколько тысячелетий, является одним из важнейших событий XX века. Это явление и внутри страны считается началом одного из важнейших рубежей исторического развития.

Изменения, происходящие в современном Иране, сущность его внутренней политики и отношение к мировому сообществу не могут быть правильно восприняты без учета тех этапов исторических преобразований, которые ранее происходили в этой стране.

Рассмотрение самого хода революции, ее отношения к мировому сообществу и нормам международного права возможно только с учетом такого компонента как общественное поведение самого народа Ирана, испытывающего влияние своей истории и культуры.

2. Особенно важным при этом является влияние двух факторов: принадлежность к иранской нации и приверженность исламу.

Иранская цивилизация, как одна из древнейших в мире, насчитывает несколько тысячелетий. И нельзя игнорировать этот один из основных действующих факторов. С другой стороны Иран – страна, которая в кратчайшие сроки восприняла ислам, предоставив на службу ислама и исламских наук свою культуру и цивилизацию. Многие признанные личности в истории ислама являются именно выходцами из иранских просторов.

Определенная часть современных авторов явно отдает предпочтение большей значимости одному из этих двух факторов. И это обычно ведет к противостоянию их позиций. Но абсолютное большинство исследователей утверждает, что в ходе 1400-летнего исторического развития Ирана, и в частности за последнее столетие, следует признать взаимовлияние и взаимообуславливаемость этих двух факторов: ислама и принадлежности к иранскому народу.

Следует отметить, что одновременно среди сторонников этой позиции все чаще ведутся споры: считать народ Ирана "иранцами – мусульманами" или "мусульманами – иранцами". И это не просто вопрос терминологии, а определение значимости каждого из перечисленных факторов в поведении индивидов, общества и государства.

3. Четкое понимание сущности нынешнего иранского государства возможно только при достаточном знакомстве с исламом, идейными течениями раннего периода ислама, историческими изменениями в самом понятии государства среди мусульман и политическим мышлением в современном исламе. Государственное правление в Исламской Республике Иран основано на религиозном правлении, опирается на религиозные столпы и на требования шариата. Привилегированное положение религии в государственной политике в Исламской Республике Иран заключается в неразрывной связи ислама и политики.

Как во всех монотеистических религиях, в исламе также наблюдаются некоторые разногласия в комментировании и анализе ряда основополагающих, принципиально-важных и частных религиозных вопросов. Но безусловно общепризнанным является то, что ислам по сравнению с другими религиозными учениями имеет наиболее тесные и глубокие связи с политикой и властью как важнейшими средствами реализации своих принципов. Поэтому среди мусульман сохраняется особая приверженность политике, подпитываемая непосредственно исламским учением.

Действительно всякая политика представляет собой способы организации жизнедеятельности с учетом интересов всех людей и решение общественных вопросов. Такие принципы ислама, как "закят", "хадж", "джихад", "поощрение дозволенного и предостережение от недозволенного" являются действенными и эффективными для обеспечения духовной общности и социальной сплоченности мусульман.

Ислам, осознавая зависимость природы человека от его физических и духовных потребностей, не может быть ограничен только идеологическими рамками, а постоянно ищет способы и средства для достижения провозглашенных им целей.

Уже с первых лет хиджры (переселения) Пророк ислама создает в Медине исламское государство.

4. Для более четкого понятия сущности исламского правления в Исламской Республике Иран, следует учитывать и такой фактор как ислам ши-

итского толка и историю шиизма. Именно его идейные и познавательные принципы заложены в основе решения социальных вопросов в современном Иране в рамках государственной концепции под названием "веляйте факих".

Шииты на всех этапах своей истории стремились к созданию "праведного" государства. Согласно шиитскому учению только непорочные, а в период их отсутствия замещающие их по праву люди, то есть справедливые факихи, имели право возглавлять исламское государство. С такой позицией в историческом прошлом, за исключением отдельных кратковременных периодов, шииты всегда находились в меньшинстве в мусульманских обществах, зачастую подвергаясь жестокому давлению. Однако несмотря на это, они сохранили для себя четкие понятия справедливого государственного строя. Ожидание пришествия скрытого имама, придает этим надеждам шиитов колорит исторической необходимости

Совокупность перечисленных особенностей, т.е. отсутствие убеждения в необходимости подчинения большинству, вера в историческую неизбежность (пришествие скрытого имама) – составляли основу исторического менталитета шиитов. Это вовсе не означает, что шиизм никогда не соглашался идти на компромисс с правящими силами. Наоборот, шиитские факихи, чтобы обеспечить сохранность жизни своих приверженцев, в отдельные исторические периоды вступали в альянс с правящей элитой.

Согласно теории "веляйте факих", основанной на содержании некоторых аятов Корана и хадисов, единственная группа, наделенная правом власти в исламской общине – это улемы. Достаточный объем познаний в области исламских наук (степень иджтихада), справедливость и богобоязненность – являются тремя основными качествами, которыми должны быть наделены исламские улемы.

Иджтихад, как один из принципов шиизма имеет исторические корни в раннем исламе и особенно в период возникновения шиизма. Именно благодаря принципу иджтихада шииты смогли противостоять течению "ахбарийон", сторонники которого считают, что мусульмане через непосредственное обращение к Корану и хадисам могут вполне определить свои задачи и обязанности.

Теория "веляйте факих", заложенная ранее шиитскими факихами и широко разработанная впоследствии Имамом Хомейни именно на базе этих основных особенностей шиитского учения, представляет собой комплексную

программу реализации исламских принципов в современном обществе и необходимости использования власти для реализации этой программы.

Теория "веляйте факих" основывается на трех принципах:

- 1) Полное подчинение общественных и государственных структур исламским законам.
- 2) Руководство, осуществляемое факихом, - основа деятельности трех ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной).
- 3) Обязанность каждого мусульманина - борьба за установление исламского правления и его защита.

Правление "веляйте факиха", будучи основанным на учении с глубокими историческими корнями, является народным правлением. Ибо не возможно отрицать роль народа в назначении духовного руководителя. Несмотря на то, что "вела-йе факих" должен обладать вышеперечисленными свойствами и соответствовать вышеуказанным требованиям, тем не менее он назначается народом прямым голосованием или через представителей. Данное положение закреплено конституцией страны.

В 1979 году, когда решался вопрос о названии "Исламской Республики Иран", Имам Хомейни воспрепятствовал попыткам консерваторов, которые хотели создать "государство исламской справедливости", и настаивал на сочетании двух свойств для государства: "исламское" и "республиканское".

4. Исламскую революцию Ирана можно рассматривать и в рамках современных реформаторских идей, распространенных в исламском мире. Исламская цивилизация, влияние которой распространялось в течение первых семи веков по всему миру, включив в свою орбиту Аравийский полуостров, Иран, Северную Африку, Ближний Восток, огромные просторы Азии и часть Европы, начиная с XIV века постепенно стала клониться к упадку, застою и культурной отсталости.

Период Ренессанса и экономического подъема Запада совпал с эпохой упадка мусульманских государств, большинство из которых в течение нескольких веков превратились в колонии западных держав.

Но уже в конце XIX- начале XX веков в исламских странах появились крупные ученые, которые преследовали две цели: во-первых, лишить чужеземцев доступа к сырьевым ресурсам мусульманских стран и добиться политической и экономической независимости этих стран; во-вторых, совместить ислам и модернизацию. Среди исламских улемов распространилась волна просветительства, самосознания и реформаторства. Понимание коло-

низаторской природы присутствия западных стран в исламских обществах и его негативных последствий направляло исламское общество к достижению независимости.

Кризис халифата как института исламской государственности, и распространение идей модернизма привели к формированию идей "исламского правления" как среди шиитских, так и суннитских улемов. Этому способствовало и то, что одним из последствий экспансионистской политики стран-колонизаторов стало укрепление единства мусульманских улемов. Исламские реформаторы стремились к достижению "исламского единства" в качестве главной цели.

Среди реформаторов в исламском мире в первых рядах находились такие мыслители как Сайид Джамалиддин Асадабади, Мухаммад Абдух, Рашид Реза (ум.в 1995г), Али Шариати (ум.в 1977г), Мортаза Мотехари (ум.в 1980г) и особенно Имам Хомейни (ум.в 1989г). Все эти мыслители из различных стран исламского мира путь спасения мусульман видели только в создании исламского государства и обеспечении единства последователей ислама.

Исламская революция в Иране, представляющая собой открытый протест против западной экспансии в "стране ислама", заложила основы государства, в числе которых- исламское просвещение и исламские ценности, впитывающие требования современности.

5. Стремление Исламской Республики Иран к исламским ценностям не означает игнорирования реальности. Эта тема вполне рассматриваема в рамках актуальности "иджтихада факихов" в исламе и с учетом "необходимости" с точки зрения исламских улемов. Такое взаимодействие и согласованность между ценностями и реалиями явно наблюдается во внутренней и во внешней политике Ирана.

Внешняя политика Ирана является продуктом и следствием постоянного взаимодействия религиозной идеологии (теория Имама Хомейни) и реальной действительности жизни мирового сообщества. Иран стремится к возрождению ислама в мире и к единству мусульман, но эта цель никогда не заменяла национальные интересы, как основной направляющий фактор внешней политики ИРИ, и не была направлена на создание зоны влияния.

При наличии таких заимствованных из закона "Сияр" (международное исламское право) факторов, как предпочтение исламского единства национализму, упор на экспорт исламской революции в первом десятилетии после

ее победы, доктрина активных действий в третьем мире, признание иерархической перегруппировки стран и сомнения в легитимности некоторых международных норм, сам опыт внешней политики ИРИ свидетельствует о том, что Исламская Республика Иран стремится к реализации своих целей в области внешней политики с учетом реальной обстановки в мире и с использованием существующих в мире правовых норм.

Принимая во внимание то, что современное мусульманское сообщество все больше обособляется в национальных рамках, ислам как объединяющий фактор используется во внешнеполитической деятельности Ирана лишь в меру его соответствия национальным интересам страны, объявленная ранее цель (исламское единство) используется только в качестве средства мобилизации масс.

Следует обратить внимание еще на один важный фактор в формировании внешней политики Ирана. Нужно иметь в виду то обстоятельство, что создание исламского государства в Иране является результатом длительного периода негосударственного функционирования шариата, поэтому международное сообщество и международное право, влияя на формирование внешней политики Ирана, одновременно не могут абстрагироваться и от воздействия исламского государства на международное сообщество.

6. К сожалению большинство исследований относительно исламской революции страдают необъективностью, ибо в них исламская идеология рассматривается в традиционных рамках, а ряд ценностей и интересов международного характера ими не учитываются.

Согласно подобным исследованиям, исламская революция имела своим следствием исламизацию жизни, возрождение исламского единства, и как результат этого- деградацию системы "государство-нация", на которой основывается международное право.

Однако действия Исламской Республики Иран как внутри страны, так и на международной арене говорят о взаимосвязи с общемировым порядком. Политическая деятельность Ирана осуществляется на основе взаимодействия традиционных принципов шариата с задачами, формирующимися в соответствии с реалиями, вытекающими из государственной необходимости и особенностей текущего века. Эти два фактора отражаются и во внешней политике ИРИ. Иран, призывая к исламскому единству, одновременно учитывает и свои национальные интересы.

При рассмотрении вопросов о взаимоотношениях Исламской Революции в Иране и международного права следует вспомнить, что международное право, как понятие с многочисленными и разнообразными компонентами, не поддается четкому общепринятому определению. Это отсутствие четкости и обосновывает возможность для Исламской Иранской революции дать свою интерпретацию различных аспектов международного права - и норм и практики.

Подобная позиция отражает, с одной стороны, обостренное внимание всего развивающегося мира к различным аспектам международного права, которые игнорируют интересы некоторых сторон международного права. С другой стороны, позиция Исламской Революции по вопросам международного права является своего рода отражением в нем исламских ценностей.

Устойчивое развитие Европы и период упадка Азии, особенно в XIX веке, привели к тому, что международное право все больше и больше базировалось на европейских понятиях, а азиатские государства оказались в правовом вакууме. Фактически никак не влияя на формирование международного права, они вдруг стали его объектами.

Первые попытки борьбы против глобализации европейских ценностей и европейских систем международного права начались с победой большевистской революции в 1917г. и образования Советского Союза. Советский Союз, используя марксистскую теорию, характеризовал общие принципы международного права как выражение интересов правящего класса капиталистов.

Во всяком случае то, что и поныне соответствует действительности, так это игнорирование ценностей восточных народов при выработке норм международного права. Сегодня большинство государств, конечно, имеют собственные позиции, собственные национальные ценности и интересы. Но международное признание этих ценностей и интересов, которые признаны на уровне народов и государств, пока остается вопросом будущего.

При рассмотрении вопроса о соотношении политической идеологии Имама Хомейни с международным правом обнаруживается несколько важных моментов.

Во-первых, следует отметить, что при оценке действия одной политической системы нельзя игнорировать то давление, которое оказывается на нее со стороны международных экономических, политических и правовых систем. Исламская Революция в Иране в ответ на реакцию мощного аппарата международной системы. вынуждена была принять адекватные меры

Этим объясняется несоответствие между некоторыми целями Исламской Революции, не приемлемыми для мирового сообщества (такие как создание всемирного исламского государства) и другими, которые законодательно закреплены в самом Иране и не противоречат международным правовым нормам (признание за исламскими странами приоритетного направления во внешней политике).

Во-вторых, следует принять во внимание влияние революционного энтузиазма и внутренней борьбы на развитие Исламской Революции в течении различных периодов, особенно в ее начальной стадии. Естественно, что подобный энтузиазм свойственен всем революциям. Начиная со второго десятилетия революции, мы становимся свидетелями все большего учета реального положения дел в международном сообществе, большего прагматизма и соблюдения национальных интересов.

В-третьих, Исламская Революция в Иране, понимаемая в более широком смысле как обновление жизни исламского населения, основывающееся на ценностях ислама, является и своего рода новой переоценкой норм, доктрин и функций международного права, относящихся ко всему развивающемуся миру.

Эти взаимосвязанные друг с другом исламские ценности и интересы постепенно начинают оказывать отдельное давление на структурные шаблоны, соглашения и порядок в международной системе.

Как видно из опыта французской и русской революций некоторые из этих новых образований могут занять постоянное место в международном масштабе, и следовало бы подождать и выяснить – не оставляет ли часть из них свои следы на прибрежных песках после прохождения революционной бури?

В-четвертых, большинство расхождений в понятиях Исламской Революции и международных правовых норм относится к области прав человека. Права человека – важнейшая часть международного права, в которой понятие "нация-государство" коренится прежде всего в культурных ценностях, нежели в национальных интересах.

Права человека в исламском понимании в некоторых областях отличаются от основ, заложенных Всемирной Декларацией прав человека. Несмотря на многие совпадающие общие позиции, ислам по таким аспектам, как основное право, отношение к женщинам и уголовное право, имеет свои особые взгляды.

Во всяком случае борьбу против преобладающего мирового порядка не обязательно воспринимать как борьбу с международным правом и игнорировать его основные принципы; т.к. международное право представляет собой сложную взаимосвязанную и совершенствующуюся за счет норм и принципов систему, которая ни в коем случае не подчиняется какому-либо основному порядку.

Действительность говорит о том, что развивающийся и особенно мусульманский мир начинают выступать в качестве мощного полюса в многополярном мире. Каждый из международных объектов имеет особое место в системе международного права и отдельных его сегментов, при этом каждый из них в свою очередь является выразителем различных ценностей и интересов.

В результате можно прийти к выводу, что Исламская Революция в Иране, как явствует из ее позиции в области внешней политики за двадцать лет, придерживается системы "государство-нация", в большинстве случаев является защитником принципов международного права и опирается на них.

В некотором смысле отношения Исламской Революции и международного права отражают стремления к ликвидации остатков прежнего колониализма, достойному выбору приоритетов, не исключая и принципов международного права. Нельзя не учитывать того, что нынешнее международное право зародилось на Западе, на родине бывших колонизаторов и поэтому не исключено, что принципы международного права могут выступить гарантией для продолжения прежнего колониального процесса и экспансионистских устремлений западных держав; хотя эта экспансия может проявляться в других формах.

Позиция Исламской Революции относительно прав человека - это своего рода обращение к мировому сообществу учитывать различные ценности, религии и культуры при определении прав человека и всей структуры международного права.

7. Президент Ирана, доктор Сейид Мохаммад Хатами в течении последних двух лет особое место в своей деятельности уделяет вопросу диалога цивилизаций. В прошлом году в своем выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН он предложил объявить 2001год, годом "диалога цивилизаций". Данное предложение было одобрено Организацией Объединенных Наций.

Требование Исламской Революции о признании различных ценностей в международном праве способствует и лучшему пониманию теории диалога цивилизаций. Концепция диалога цивилизаций опровергает теорию "столкновения цивилизаций" Самуэля Хантингтона, на основе которой международные преобразования будто бы происходят в рамках столкновения цивилизаций и, особенно, исламской и западной. Теория "диалога цивилизаций" не признает мировое сообщество лишь с односторонними ценностями и отражает стремление видеть мировое сообщество, построенное с учетом различных ценностей, принципов и культур.

Согласно теории "диалога цивилизаций", принципы и основы различных цивилизаций в значительной мере близки друг к другу и тесно переплетены, поэтому столкновение между ними вовсе не неизбежно. Наличие каких-либо разногласий связано с существующим "правлящим порядком" и стремлением к "достижению господства". Официальное признание наличия в мире различных культурных ценностей и многополярности мира не оставит никаких возможностей для столкновения.

Теория диалога цивилизаций свидетельствует, что человечество уже перешагнуло групповые обособленности и, если оно будет углублять знания по истории, культуре различных народов и будет стремиться к взаимопониманию и взаимопознанию, то оснований для противостояния не останется. Наилучшим путем для достижения этой цели является именно диалог.

МОТИВЫ И КОРНИ ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Тезисы доклада

Революции совпадают по времени с узловыми моментами истории и случаются достаточно редко. Социальные проблемы обычно неповторимы. В связи с этим, как правило, невозможно с точностью определить день совершения революции и факторы, приводящие к ней. Для того, чтобы на том или ином этапе исторического развития произошла революция, необходима концентрация десятков больших и малых социально-политических, экономических и культурных проблем. Социальный аналитик не только не в состоянии перечислить все эти факторы, но и не располагает необходимым критерием для измерения воздействия каждого из них.

В этом плане Исламская революция в Иране не является исключением. Существует много проблем, значительно затрудняющих ее анализ. К их числу относятся: существование давней и мощной системы монархического правления, поддержка, оказываемая ей на международном уровне, и прежде всего со стороны США, беспрецедентное участие народа в политических событиях и, наконец роль религии и идеологии в этом движении. Крупнейшие разведывательные службы мира, включая ЦРУ, даже за считанные месяцы до победы Исламской революции оказались не в состоянии предсказать ее. Да и после свершения этой революции теоретики оказались перед выбором весьма различных теорий. Отсутствие единства взглядов свидетельствуют о неодинаковом восприятии этого события.

Теории, выдвинутые после победы Исламской революции (а именно - гипотеза заговора, концепция модернизации, экономическая концепция, религиозная концепция и концепция деспотизма), при всем их разнообразии в толковании причин революции, не свободны от внутренних противоречий. Перечисляемые ниже вопросы прямо или косвенно связаны с методами анализа этой революции:

- Какую роль сыграли исламские, националистические и марксистские группировки в послереволюционный период?
- По каким причинам в течение нескольких лет после революции из общественно-политической жизни оказались исключены марксистские, псевдомарксистские и националистические группировки?
- В какой степени сочувствовал наш народ разделял идеи исламской революции и связывал ли свое будущее с религией?
- Имел ли он четкое представление относительно интеграции религии в политику и о концепции "веляят-э факих" (абсолютном правлении мусульманского правоведа)?

Таким образом, изучение факторов, приведших к победе революции, и той роли, которую сыграла в ней религия, позволяет нам не только познакомиться с собственным историческим прошлым, но и разобраться во многих нынешних проблемах (таких, как проблема легитимности государственного устройства).

В основе нашей гипотезы лежит несколько причин. Прежде всего следует остановиться на проблеме краха легитимности монархической власти, так как любой политический режим перед своим крушением теряет легитимность. Важнейший фактор, связанный с утратой монархической властью своей легитимности (и, как следствие, приведший к созданию предпосылок Исламской революции), заключается в процессе модернизации. Модернизация по модели династии Пехлеви имела своеобразную форму: ускоренное продвижение в сторону "ворот цивилизации" (!) в условиях полного отсутствия политической эволюции и кризиса культуры. Если бы процесс модернизации не был начат столь поспешно в 60-е годы, несомненно, социально-политическое развитие Ирана пошло бы по другому пути.

Определяющим фактором в победе Исламской революции, согласно выдвигаемой нами гипотезе, является исламское руководство. В принципе руководство (вне связи с религией) оказывало на исламскую революцию лишь незначительное воздействие. Однако важнейший фактор в победе Исламской революции заключается в том, что руководство осуществлялось именно духовными лидерами. Его Святейшество Имам (да помилует его Аллах!) благодаря своим интеллектуальным, политическим, богословским и личностным качествам смог направить корабль революции к берегу победы. Окажись на его месте кто-либо другой, эта революция, быть может, не увенчалась бы успехом.

Среди трех основных движущих факторов революции, а именно - учение, народ и руководство, наиболее действенным в иранской революции оказался третий фактор. Хотя духовное руководство является распространителем и пропагандистом учения, однако фактор руководства следует рассматривать отдельно от фактора учения. Учение может сыграть свою роль через духовных лидеров и иные слои духовенства. Духовные лидеры могут быть многочисленны, равны по уровню и не обладать харизмой. Однако в иранской революции духовное руководство олицетворялось благородной личностью покойного Имама (да помилует его Аллах!).

Изложенная гипотеза является многофакторной потому, что, во-первых, отделяет проблему краха легитимности монархии от вопроса победы Исламской революции, а во-вторых, в ее основе лежат проблемы модернизации, ускоренного, поверхностного и несбалансированного развития экономики, отсутствие политического и культурного прогресса.

Доказательство этой гипотезы требует много времени и многих страниц текста. Поэтому здесь мы ограничиваемся лишь кратким изложением указанной гипотезы и перечислением свидетельств, повышающих ее достоверность. Данная гипотеза определенным образом конкурирует с другими точками зрения, сводящимися к следующим концепциям: заговор, модернизация, экономика, религия и деспотизм.

ИРАН В МИРОВОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Западные концепции взаимодействия культур

Канун XXI века обозначился особым интересом мирового сообщества к проблеме глобализма, когда многие аспекты национальной жизни стран и регионов стали рассматриваться в широком общемировом контексте. Явление это вполне закономерно и является следствием интеграционных процессов, пронизывающих все сферы общемировой экономики и политики.

Однако наряду с глобализмом в столь же крупных масштабах и независимо от уровня общественного и исторического развития, экономических условий жизни стран и регионов мира, сегодня в сфере идеологии и культуры можно наблюдать совершенно противоположные тенденции. Бурный процесс национальной идентификации отмечается сегодня в жизни большинства стран Запада и Востока. Стремление познать корни собственной самобытности, определить свое место в мире, пробудило небывалый интерес к истории и способствовало тому, что проблемы культуры заняли приоритетное место в жизни и западных и восточных обществ.

Именно развитие данного процесса неизбежно и закономерно привело к возникновению межцивилизационного диалога культур, который достиг особого размаха сегодня, в 90-х годах XX века, и вылился в обсуждение судеб мирового сообщества XXI века не столько с точки зрения их экономического взаимодействия (являющегося уже фактом жизни), но и преимущественно с точки зрения религиозно-культурных особенностей, которые на протяжении веков формировались в ареалах христианства, мусульманства, иудаизма, конфуцианства, индуизма и буддизма. Каждая из этих религиозно-философских и этических систем формировала законы функционирования государства, гражданские и правовые нормы.

Глобализация экономики, особенно усилившаяся со второй половины XX века, заставила тесно взаимодействовать западные и восточные сообщества - развитые и развивающиеся страны. При этом выявились глубокие про-

творчества в разных типах отношений и одновременно возникла потребность осмыслить их на более глубинном уровне - а именно на уровне культурно-этических мотивировок поведения наций, государств, регионов, связанных определенной общностью взглядов и идей, сложившихся в ходе их истории. Причем, следует помнить, что устойчивость этих установок определялась длительностью самих традиций, их укорененностью в истории и их способностью к выживанию в новых условиях общемирового контекста.

В эпоху становления капитализма на Западе возникло явление, которое современная наука назвала "техногенной цивилизацией" или "техногенной культурой", складывавшейся в ходе модернизации. Суть этой западной цивилизации, по определению социологов, заключена в принципе непрерывного развития, расширения человеческой и освоения природной среды и... в овладении этой средой. Основой европейского модернизаторства была идея активного формирования социальной, культурной и экологической среды обитания на путях сознательной деятельности людей.¹

От модернизированного западного общества исходили универсальные импульсы, стимулировавшие через межнациональные контакты модернизацию других регионов. При этом зачастую собственные культурные ценности страны не вписывались в нормативную европоцентристскую систему и определялись многими как пережитки феодализма. При этом оригинальные ценности восточных культур воспринимались на Западе как нечто экзотическое, но не равновеликое европейской культуре.

Вторжение восточных культур в мировое культурное пространство продиктовало необходимость выработки научных критериев и подходов к определению традиционной культуры, что и было сделано западными и восточными мыслителями в XX веке.

Именно XX век с небывалыми социальными и политическими катаклизмами, научно-техническими достижениями переключил карту мира и многие представления людей. Желание понять "себя" в сравнении с "другим" в конечном итоге и породило межкультурный диалог культур, начатый в прошлом такими видными западными мыслителями, как Шпенглер, Тойнби, Вебер². В наше время, в 80 - 90-е годы XX века этот диалог продолжили американские авторы Френсис Фукуяма и Самюэль Хантингтон. Они сделали попытку максимально осмыслить роль культуры в прикладном политологическом ключе и предложили свои варианты развития мирового сообщества, ис-

ходя из соотношения цивилизационных признаков государств и континентов, существующих сегодня в мире³.

Фукуяма в своей книге конца 80-х годов "Конец истории и Последний человек", вызвавшей шумную реакцию, пришел к выводу о том, что после распада СССР и краха системы социализма в мире наступило время распространения либеральных идей, мирно-конкурентного развития экономики и ослабления идеологических противоречий. Фукуяма считал, что грядущий век освободит мировое сообщество от многих заблуждений и пробудит к жизни более однородную модель либеральной демократии.

Книга вызвала острую полемику, особенно остро отрицался тезис о "конце истории", хотя, на наш взгляд, автор имел в виду не столько отрицание истории как таковой, сколько изменение и размывание мирового исторического процесса в будущем в связи с прогнозируемой им эпохой всеобщей либерализации.

Заслуга Фукуямы заключалась в том, что он первым из политологов попытался разглядеть черты нового общественного переустройства мира на исходе века, опираясь на эволюцию культурных и религиозных представлений. Он считал, что с распадом СССР борьба между либеральной демократией и коммунистическим тоталитаризмом закончилась в пользу либерализма. И, следовательно, история, главным содержанием которой была непримиримая борьба враждебных идеологий, столкновение противоборствующих социальных полюсов, - такая история завершилась. И отныне человечество вступает в полосу спокойного либерального будущего, не отягощенного глобальными конфликтами. Оппоненты Фукуямы вменяли ему в вину односторонность оценок, указывали на растущую пропасть между Севером и Югом, ренессанс религиозного экстремизма и сохранение на исторической сцене базовых ценностей коммунизма - идей справедливости, равенства, свободы. Фукуяма разъяснял свою позицию и отстаивал идею торжества либерализма в мире, однако мировое общественное мнение отвергло "конец истории", посчитав, что сегодня, с концом XX в., заканчивается лишь одна - величественная, трагическая, полная взлетов и падений человеческого духа эпоха, но история человечества продолжается...

Антитезой фукуямовскому "концу истории" послужила концепция другого американца - политолога Самюэля Хантингтона. С.Хантингтон еще в 80-е годы участвовал в разработке стратегии внешней политики США и выпустил книгу, посвященную этой проблеме⁴. К началу 90-х годов, а точнее говоря, в

1993 г. В журнале "Форин Аффэйрз" была опубликована его статья "Столкновение цивилизаций?", сформулировавшая уже политологическую концепцию развития мира в XXI в. Автор ее считает неизбежным столкновение в будущем восточных и западных сообществ, объясняя фатальную их конфронтацию непримиримостью религиозных и культурных традиций. Хантингтон убежден, что господствующие сегодня в мире цивилизации - исламская, христианская, конфуцианская, японская и индуистская - стоят накануне столкновения: "Следующая мировая война, если она состоится, будет войной между цивилизациями", - говорит Хантингтон.

Исламская революция в Иране, обострение индо-мусульманских отношений, девальвация американской модели вестернизации, распад СССР, сбой модернизационных процессов на Востоке - все это повлияло на концепцию Хантингтона и придало ей сугубо конфронтационный и апокалипсический облик. В самой Америке статья вызвала незамедлительную критику специалистов: ее упрекали в статичном понимании цивилизации, игнорировании истории и реалий жизни, в переоценке значимости религиозных противоречий.

Теорию "столкновения цивилизаций" отвергли прежде всего политики и общественные деятели - представители культур с опытом древней и длительной исторической традиции. Видные историки и политологи западной школы также высказали сомнения в крайностях концепции, они увидели ее корни в самом развитии западной культурологии 40 - 50х гг. XX в., разделившейся на два направления в исследованиях общемировой истории - на исследователей "микрокосма" и "макрокосма" культур⁵. Фуад Аджами, профессор Университета Джона Хопкинса (США), сформулировал критику Хантингтона наиболее ярко и образно: "Хантингтон рассматривает свои цивилизации как неподвижные, неизменные и застывшие под вечным небом... Между тем, эти цивилизации (исламская, славянская, ортодоксальная, западная, конфуцианская, японская, индийская и другие), прозябавшие в эпоху холодной войны, поднялись, как только рухнула каменная стена этой войны. Они стряхнули с себя пыль и провозгласили верность своей истории и своим истокам. Неизбежность модернизации и необходимость понять собственное прошлое, культуру, цивилизации и лики народов оказались изборожденными вдоль и поперек извилистыми дорогами модернизации. Но Хантингтон игнорирует все это. Острым карандашом и твердой рукой он выправляет исторические пути цивилизации, одну укорачивает, другую удлиняет"⁶.

Фуад Аджами считает, что Хантингтон преувеличивает роль исламского фундаментализма на Ближнем и Среднем Востоке и степень "индуизации" Индии. По мнению Фуада Аджами, такой взгляд объясняется игнорированием роли государства в регионах Азии и недооценкой модернизации и секулярных процессов. "В Индии защитником модернизации и секуляризации сегодня является сильный средний класс. Хинду-шовинизм может подорвать и ожесточить общественную жизнь страны, но государство и средний класс осознают, что возврат к религиозному фанатизму приведет к краху.

Сегодня много говорят о приверженцах традиций, и они заявляют о себе достаточно громко, но мы не должны преувеличивать их силу. Ибо традиции громко озвучиваются именно тогда, когда они рушатся и люди в действительности перестают верить в них, а сами старые обычаи теряют над человеком власть и сдерживающую силу.

Феномен, который мы называем исламским фундаментализмом, менее всего свидетельствует о возрождении, скорее это знак замешательства, признак того, что граница, отделяющая "одних" от "других", уже пересечена".

Ф.Аджами убежден, что интернационализация изнутри пронизывает собой ткань всех государственных институтов, преодолевая постепенно религиозные барьеры и привычные нормы отношений.

"Секулярная идея, система власти, баланс сил, поп-культура, институт социальных пособий - все это интернационализировалось и распространилось в самых дальних точках мира. Народы умело сочетают идею "самобытности" ("айдентити") и свои практические интересы. Индонезийский архипелаг глух к призывам религиозных радикалов из Тегерана, но Хантингтон пытается найти эти связи в Малазии и Сингапуре. Может показаться, что транспортировка оружия из Северной Кореи и Китая в Ливию, Иран и Сирию свидетельствует о наличии определенной цивилизационной общности этих государств, но на деле все решает наличие, цена товара и готовность его приобрести. Хантингтон же склонен трактовать эту рутинную сделку как свидетельство "конфуцианско-исламских связей". Гораздо точнее объясняют эти процессы - пиратство, теневая экономика, нелегальная коммерческая деятельность - извлекающие выгоду из запасов мировых поставщиков оружия (США, России, Великобритании, Франции)".

Ф.Аджами подчеркивает, что решающая роль в государственных преобразованиях различных обществ, а также и уровень конфликтности между ними, определяются прежде всего практическими интересами, тогда как ци-

визитационные принципы лишь гарантируют устойчивость и стабильность общественного устройства.

"Исламский мир разделен и переделен. Линии баталий на Кавказе также не совпадают с государственными цивилизационными направлениями, прочерченными Хантингтоном. Там, где Хантингтон видит цивилизационный поединок между Арменией и Азербайджаном, иранское государство напрочь отбрасывает в сторону религиозные предпочтения, а в этих баталиях иранцы предпочитают принять сторону христианской Армении".

Оппонентами Хантингтона в 1993 г. одновременно выступили семь авторов, и все семеро отвергли его модель цивилизационной конфронтации мира в XXI в. Дискуссия велась на политологическом уровне, предложенном самим автором. И лишь один оппонент - Альберт Л.Викс - связал идеи Хантингтона с самой западной культурологией XX в., ее трактовкой взаимоотношений Востока и Запада. А.Л.Викс считает, что концепция Хантингтона базируется на идеях таких мыслителей, как Освальд Шпенглер, Арнольд Тойнби, Квинси Райт, Ф.Н.Паркинсон, опирающихся при изучении мировой истории на цивилизационные принципы формирования национальных государств (т.н. школа истории "макрокосма"). После того, как с середины XX в. в сфере межгосударственных отношений идеи глобализма и "нового мирового порядка" стали обнаруживать свое несовершенство, такие западные политологи, как Ханс Д.Моргентау, Джон Х.Херц и Раймон Арон основали свою школу изучения мировых процессов. Они исходили из состояния конкретных обществ и государств и именно эти факторы считали определяющими. "Стабильность мира, - говорили они, - зависит от процветания и стабильной экономики каждой из стран", и отдавали предпочтение "микрокосму истории".

Концепция Хантингтона, по существу, была попыткой найти объяснение современному критическому состоянию мировой политики и тем конфликтам, которые вспыхивают в различных регионах земного шара, исходя из постулатов обеих "макро-" и "микро-" исторических школ. Однако при этом он преувеличивал роль цивилизованности, забывая, что все так называемые противоречия с Западом порождены издержками модернизации этих обществ. Суть вопроса состоит в том: "могут ли незападные общества модернизироваться без вестернизации?"⁹.

Хантингтон как бы повторяет на новом витке рассуждения своих предшественников. Однако то, что было оригинальным и глубоким во взглядах ученых 40 - 50-х годов XX в., не может сегодня объяснить политические и со-

циальные реалии мира 80 - 90-х годов. Поэтому стремление Хантингтона найти ключ к пониманию этих сложнейших процессов современности, оперируя только принципом цивилизационной принадлежности национальных государств, оценено серьезными учеными как "псевдонаучное", а сами вводимые им разновидности цивилизаций названы "псевдоцивилизациями"¹⁰.

Хантингтон не учитывает, что разные страны и регионы живут в разное историческое время по сравнению с индустриальным Западом, и перед ними стоит сложнейшая задача прожить в сжатые временные рамки те эпохи, через которые прошел Запад, создавший свою технологическую, информационную, социальную и политическую систему общества.

По Хантингтону, мир сегодня вступил в эпоху дезинтеграции. Он делит этот мир на "Запад и все остальные" (The West and The Rest) и считает, что в будущем мир стоит перед глобальными конфликтами, и линией раздела будет религиозно-культурное противостояние.

Характерно, что статью 1993 г. оспорили все коллеги автора по дискуссии. На протяжении последующих шести лет по этой концепции Хантингтона высказались все без исключения страны и регионы.

Спустя три года, в 1996 г., Хантингтон опубликовал книгу "Столкновение цивилизаций и передел мирового порядка", в которой он отказался от наиболее одиозных положений своей статьи в "Файненшел Аффайрз" 1993 г. и выступил уже с более смягченной и расширенной программой.

Автор постарался доказать, что модернизация по типу западной не означает отказа от собственных национальных традиций. Будущий мир, будущие современные общества, считает он, не будут сливаться в одно гомогенное целое и представлять собой универсальную современность, но сохраняют себя и свою культурную неповторимость.

Хантингтон на этот раз сам выступил с резкой критикой "адептов западной цивилизации" и их претензий на ведущую роль в мировом процессе.

Он признал также наличие в истории фактора времени и постарался объяснить, что современное западное общество пережило ту же эволюцию в прошлом, что и весь остальной мир. Своей книгой он как бы постарался опровергнуть претензии оппонентов и доказать жизненность концепции "столкновения цивилизаций". Приведем характерную цитату, дающую представление о его последних взглядах. "Тезис о том, что современное общество должно приближаться к единому типу, а именно - к западному, и что со-

временная цивилизация и есть западная, - есть отождествление ложное. Западная цивилизация появилась в VIII-IX вв., а ее характерные особенности развивались в последние столетия. Вплоть до XVIII в. она не начинала модернизироваться, а Запад был "западным" задолго до того, как он стал современным"¹¹. Хантингтон был вынужден занять оборону в своей новой позиции, объяснять и исправлять многие, отвергнутые мировым сообществом ученых и политиков наиболее одиозные тезисы, но надо поставить ему в заслугу сам факт привлечения всеобщего внимания к актуальному сегодня вопросу - взаимодействию культур Востока и Запада.

Дискуссия прояснила позиции по концепции "Восток - Запад" и позволила определить линии взаимопонимания и отталкивания в общественной и политической мысли мирового сообщества конца XX в. Она доказала, что рассмотрение проблем цивилизационного своеобразия стран и регионов мира сегодня возможно только при приоритетном и неангажированном подходе к каждой из культур и абсолютно исключает элемент конфронтационности и неравенства. Дискуссия также доказала приоритетность факторов культурного и религиозного прошлого при определении путей трансформации современных обществ.

Вклад Ирана в развитие мирового диалога культур XX в.

Эволюция современной культурной жизни и общественной мысли Ирана убеждает в том, что на протяжении второй половины XX в. проблемы культурного наследия, древней истории страны, этнической и религиозной самобытности неуклонно приобретали важное политико-идеологическое звучание.

Культурный диалог - осмысление своего места в мире и основ культурного взаимодействия с Западом - всегда возникал в истории Ирана, когда страна вступала на путь модернизации.

Так было в конце XIX в., в эпоху Каджаров, когда иранские правители впервые осознали необходимость реформ и ощутили свое отставание от Запада.

Так было и в эпоху "Белой революции" шаха Реза Пехлеви в 60-х - 70-х гг. И всякий раз, параллельно с осознанием необходимости перемен, в обществе рождалась потребность обращения к прошлому - историческому, религиозному, литературному опыту. В эпоху Каджаров возникло общественно-

литературное течение ("базгаште адаби"), когда мыслители и поэты обратились к традиции классической персидской поэзии X-XI веков.

В эпоху "Белой революции" роль культурных традиций в жизни страны неуклонно возрастала и одновременно переживала разительную сущностную трансформацию. Значимость культурного наследия во внутренней и внешней политике страны оставалась высокой, независимо от характера производимых социальных и исторических реформ. В целом политическая ориентация идей определялась задачами модернизации на том или ином отрезке времени. Если на ранних этапах осмысление исторического прошлого призвано было смягчить восприятие перемен, соединяя прошлое и настоящее, то есть играть роль фактора компенсаторного, сглаживающего тяготы модернизаторства, то после начала "Белой революции" культурное наследие стало доминировать в государственной идеологии и затем превратилось в основной структурообразующий элемент стратегии развития страны.

Вот почему в иранской общественной мысли 70-х годов сформировалось уже целое направление исследований, самостоятельная область знаний - "культурное наследие" ("мирасе фарханги"), способствовавшее росту национального самосознания и одновременно стимулировавшее поиск национальной модели развития страны и ее места в регионе и мире¹².

Существовало большое поле деятельности и для политиков, и для общественных деятелей, и для ученых. И каждый из представителей когорты развивал идеи наследия. Официальная шахская политика исходила из тезиса "непрерывности" ("эстемрар") культурной традиции на протяжении 2500 лет существования монархии. Ценности древнего доисламского Ирана, Авеста, зороастризм, манихейство, великие поэты-классики - Фирдоуси, Хафиз, Саади, великие мистики-суфии - Джалал эд-Дин Руми, Хафиз, суфийские философы, история великого иранского государства - все должно было служить фундаментом незыблемой монархии. Не случайно последняя книга шаха Мохаммада Реза Пехлеви называлась "На пути к великой цивилизации"¹³.

"Великая цивилизация, к которой мы идем, ...это основная глава истории нашего народа, завершение которой должно венчать собой эволюцию нескольких тысячелетий иранской истории и культуры. И это завершение, в свою очередь, будет служить началом новой эры в жизни нашего народа.

Все материальные и духовные достижения нашего народа на протяжении тысячелетий, все успехи в творчестве и созидании, все вечные нацио-

нальные культурные ценности должны стать фундаментом величественного здания культуры, основой основ будущего нашего народа и страны"¹⁴.

Настойчивая апелляция к национальной традиции в официальной пропаганде шаха сочеталась с полной экономической ориентации страны только на Запад.

Между тем в среде ученых, религиозных шиитских деятелей, писателей, напротив, трактовка взаимодействия культур Ирана и Запада все более проникалась мотивами тревоги и беспокойства. В работах известных авторов - писателя Джелал Але Ахмада, исламоведа Сейда Хосейна Насра, публициста Эхсана Нерагми, ученого-литературоведа Абдолхосейна Зарринкуба, социолога Шахпура Расеха - все чаще звучит критика зависимости от Запада ("западничества"); они стараются понять, почему так болезненно воспринимается иранским обществом шахская экономическая программа "вестернизации" страны и почему вместо провозглашенного шахом гармоничного сочетания "иранских духовных традиций и западной технологии" в общественном сознании нарастает кризис и тревога.

Появляются одна за другой и серьезные публицистические работы: статья "Идейные основы столкновения культуры Ирана и Запада", "Культура и псевдокультура", "Западная культура подчиняет себе Восток" и многие другие¹⁵.

Для всех этих работ характерен критический тон в отношении Запада и стремление, опираясь на морально-этические нормы древней культуры Ирана, выработать собственный свод общеазиатских культурных ценностей. Позже, уже в преддверии Иранской революции 1979 г. эту мысль ярко сформулировал один из ее идеологов. "Революция и будущие перемены носят в большей мере культурный, нежели политический, характер, поскольку Восток постепенно стал понимать, что, во-первых, без истинной культурной независимости он не сможет добиться независимости политической или экономической, а во-вторых, он понял, что по своей сути общественный идеал не может не быть связан с историческими, культурными и социальными факторами"^{15a}.

Исламская форма правления, установившаяся в Иране в феврале 1979 г. в результате падения монархии, олицетворяла не только создание новой государственной системы, но, что особенно важно, и новую систему мировоззрения - новый взгляд на мир и на свою родину.

Целью тотальной исламизации, внедряемой в культурную жизнь, систе-

му образования и официальную пропаганду, стала концепция исламского пути развития, исламской истории, исламской культуры. Исследоваться и издаваться стали труды арабских исламоведов, а позже - преимущественно шиитских богословов.

Концепция исламского пути развития после установления теократической формы правления и провозглашения Исламской Республики Иран привела к радикальному изменению облика культуры. Отчетливо проступила тенденция сужения рамок культурного наследия, отныне исчисляемого только с эпохи принятия ислама.

В период ирано-иракской войны (1980-1988) поле культуры сузилось до рамок истории только шиитской ветви ислама и истории исламской революции. Вплоть до 1989 г. в стране существовал запрет на упоминание и чтение эпической поэмы Фирдоуси "Шах-наме". Преимущественное развитие получила патриотическая и религиозная поэзия шахидов, воспевающих жертвенность во имя Бога и родины. Жесткая культурная политика властей не могла не сказаться на развитии всего иранского общества, в котором к концу восьмидесятых годов стал явно ощущаться культурно-политический застой. Назрела потребность в изменении курса изоляции как по отношению к собственному наследию, так и по отношению к внешнему миру.

Сигналом к реабилитации классического наследия послужили два события. Опубликование сборника мистических газелей имама Хомейни "Вино любви" ("Баде-йе эшк") в 1990 г., изданного к траурной дате - годовщине кончины рахбара и подчеркнувшего важную, до той поры неизвестную иранцам черту духовного лидера - его органическую принадлежность к классической поэзии. Отныне он должен был остаться в памяти потомков и как поэт-суфий, владеющий традиционной символикой.

В декабре 1990 г. произошло возвращение в культурную жизнь страны "Шах-наме" Фирдоуси. Именно тогда под эгидой ЮНЕСКО в Тегеране был проведен Конгресс "Тысячелетие составления критического текста "Шах-наме". Конгресс продемонстрировал иранской политической элите значимость классической поэзии на фарси как для консолидации самого иранского общества, так и для объединения стран азиатского региона вокруг эпического наследия Фирдоуси.

Именно с начала 90-х годов культурная компонента становится активной частью внешней политики ИРИ и в этот же период начинает оформляться культурно-политическая доктрина ИРИ в регионе. Основные постулаты

доктрины - объединяющая роль языка фарси в исторических судьбах и сегодняшних контактах таких стран, как Индия, Пакистан, Турция, Афганистан, независимые государства Центральной Азии, Северный Китай.

Язык фарси провозглашается "вторым языком ислама", а знание и изучение классической поэзии фарси, поэзии и философии суфизма признаются важным средством консолидации мусульман региона.

Если к середине 90-х гг. можно констатировать, сколь динамично осуществляется в стране эта культурная политика, способствуя преодолению региональной изоляции страны и расширению сферы регионального сотрудничества, то к концу 90-х гг. Иран делает новый рывок в трактовке своего культурного наследия.

Иранские политики для убедительности своих доводов в пользу осознания общности культурных традиций во имя экономического сотрудничества часто обращаются к опыту Японии и Азиатско-Тихоокеанского региона. Экономический взлет АТР, считают иранцы, был обусловлен культурными проектами, объединившими население входивших в него стран на основе принципов конфуцианской этики. Иранцы полагают (проводя параллели с конфуцианским культурным регионом), что именно специфика и нормы древней иранской культуры и ее укорененность в истории и сознании многих соседних народов поможет нынешним государствам более эффективно интегрироваться и способствовать созданию в будущем культурно-политической и экономической общности сопредельных стран.

Сегодня иранская общественная мысль изучает проблемы национальной культуры и традиций уже с позиций соучастия в общемировых процессах. Эту более новую, более глубокую ступень обобщения можно проследить как в работах иранских ученых, так и в заявлениях политологов и государственных деятелей 1996-99 гг.

Известный исследователь истории персидской литературы Эхсан Яршатер свою последнюю работу посвятил анализу культурной значимости Хорасана, северной провинции, на землях которой зарождалась и расцвела классическая поэзия и научная мысль не только Ирана, но и сопредельных стран.

Суммируя историю культурного возрождения Ирана и соседей, он приходит к выводу, что персидский язык, персидская поэзия и научная мысль, военные успехи, государственное строительство Хорасана "явились важной вехой истории мусульманского мира... Все тюркоязычные династии, правя-

щие в Хорасане, от Газневидов и Сельджуков в XI-XII вв. до Тимуридов в XIV-XV вв., и кончая Каджарами в конце XIX - начале XX вв., все без исключения подверглись воздействию иранской культуры и прежде всего восприняли язык и литературные навыки. Это влияние распространилось на все восточные земли Ислама, от Османских стран до Индии, и вдохнуло новую жизнь в их язык и культуру... Огромная роль в распространении иранской культуры принадлежит самим тюркским эмирам и сардарам, правившим в Иране, Западной и Средней Азии и Индии, бывшими приверженцами и почитателями языка и литературы на фарси"¹⁶.

Автор напоминает, что именно в Хорасане были предприняты первые шаги по составлению свода национальной истории и собиранию древних сказаний. Именно там родилось "Шах-наме" Фирдоуси и творения автора исторических хроник Абульфазла Бейхаки, составляющих основу основ иранского духа ("ховеяте мелли").

Значение Хорасана как родины первых, прославивших Иран поэтов, каллиграфов и ученых традиционно отмечали и описывали не одно поколение знатоков и исследователей страны, и в данном случае Эхсан Яршатер не является первооткрывателем. Его заслуга в другом - он оценивает вклад Хорасана в формирование исламской культуры региона и рассматривает всю иранскую культуру как наследницу достижений культуры Междуречья, арабской науки, арабского языка и поэтики. Таким образом, вклад хоросанской школы оказывается вписанным и в историю человечества и рассмотрен с точки зрения его потенциальных возможностей в прошлом и настоящем.

"Следует помнить, что период расцвета иранской культуры совпал со временем, когда арабский этап исламской культуры Багдада, датируемый серединой восьмого века, начал клониться к закату, продолжавшемуся до тех пор, пока арабский эмират (после поражения Багдада и завоевания Моголов в тринадцатом веке) не вошел в состав Османской империи.

В этот период арабские страны и земли западного ислама оказались в зоне распространения иранской культуры и лучшие, образованные умы занялись знакомством с поэзией, прозой, художественными ремеслами Ирана. В Каире и других арабских городах создавались рукописные списки "Шах-наме", "Голестана", основывались школы каллиграфического письма. Это и был второй этап возрождения исламской цивилизации, получивший от известного исследователя мировой культуры Арнольда Тойнби название "иранского периода" ("мархелёе иранийе тамаддоне эслами")¹⁷.

Новизна исследования Эхсана Яршатера и в том, что он рассматривает иранскую проблематику в русле задач, поставленных мировой культурологией 90-х годов: взаимосвязанность мира конца XX века заставляет ученых искать новые грани компаративистики, чтобы прояснить роль и пути развития национальных культур. Яршатер предлагает рассматривать историю развития культуры человеческих сообществ с точки зрения теории цикличности (т.е. проходящих через последовательные стадии зарождения, роста, расцвета и угасания), подтверждая эту теорию ссылками на труды таких мировых ученых, как Ибн Халдун, Вико, Шпенглер, Тойнби и Гибон¹⁸.

По мнению Э.Яршатера, именно цикличность развития мировых цивилизаций, длительность жизни культуры была проигнорирована в теории С.Хантингтона о "битве цивилизаций" ("набарде тамаддонха"). В современных западных дискуссиях идет речь о чем угодно - географических факторах, климате, системах образования, расовом составе населения, факторах наследственных и благоприобретенных, нелепостях истории, алчности правителей и заговорах колонизаторов, обо всем, кроме самого главного: длительности жизни культур... Хантингтон считает, что основное противоречие на мировой политической сцене будет разворачиваться между странами с несочетаемыми, непримиримыми цивилизационными признаками, и рассматривает разные цивилизации... так, словно они сохранялись на всем протяжении их существования в первоизданном виде. Я же убежден, что если даже, как он считает, будущее столкновение и произойдет, то оно будет иметь место между группами народов, различающихся по уровню длительности культурной традиции¹⁹.

Опираясь на теорию цикличности, Э.Яршатер рассматривает историю и современное состояние ближневосточных обществ. "Если пятнадцать веков назад арабы и ислам вдохнули новое дыхание в тело Среднего Востока, то сегодня мы не видим достойных примеров в их современной жизни. Причину этого следует искать в слабости духа и потере творческой силы народа, проистекающих из самой длительности жизни общества" (с.559).

Пример эволюции иранской культуры Хорасана и ее интегрирующей функции в объединении исламского региона в прошлом приводит ученого к оптимистическому выводу о возможности регионального возрождения обществ Среднего Востока на базе общих культурных традиций. "Бедствия иранского общества после арабского нашествия были вскоре преодолены. Пережив горечь поражения, Иран, как саламандра, возродился из пепла и

нашел в новом исламском мире стимул и волю к жизни. Началось культурное и политическое обновление Ирана, ознаменовавшее второй период расцвета исламской цивилизации" (с.560). Иранская культура в Хорасане смогла исполнить данную функцию потому, считает ученый, что она была более молодой и жизнеспособной. Произошло как бы вливание свежей крови в тело старого общества, придавшей ему новые силы. Благодаря обмену животворными силами между Хорасаном, Западным и Центральным Ираном, а также Азербайджаном, Хорасан стал родиной иранской культуры и в истории исламского мира взял на себя роль основателя сильного культурного движения (с.543).

Именно подобное сильное культурное движение в жизни каждого народа сегодня "может остановить ослабление и угасание общества, поражение государства, неудачи правящей династии и образа правления. Затем общество, пережив эти неудачи, подобно путнику в дороге, отдохнет, преодолеет усталость и продолжит свой путь" (с.561).

Я.Эршатер, т.о., выдвинул культурную компоненту развития восточных обществ в качестве основной при понимании и исторических, и современных процессов в мире. Основой его концепции явился принцип взаимодействия молодых и угасающих близких цивилизаций, при котором верх одерживает более сильная культурная традиция, определяющая вектор развития данной общности на будущее. Таким образом, ученый создает базу диалога культур, и более того - возможность их неконфронтационного развития.

Близкая по духу и логике позиция прослеживается и в позиции многих других политологов и общественных деятелей, которые стремятся рассматривать проблемы страны в широком культурном и политическом контексте. Показательна в этом смысле доктрина, изложенная доктором Пирузом Моджахедзаде в 1996 г. на международном симпозиуме "Ислам и Запад - диалог между культурами и цивилизациями" (Лондон, июнь 1996 г.). Оратор по существу сформулировал ответ Ирана и в целом региона на вызов, брошенный С.Хантингтоном в книге "Столкновение цивилизаций и передел мирового порядка".

П.Моджахедзаде очертил контуры новой геополитической доктрины Ирана, входящего в XXI век с определенными задачами и собственным пониманием новейшего этапа мировой истории. Важнейшими изменениями в мире он признает глобализацию экономики, распространение новых технологий и средств связи, постепенно превращающих мир в единое информацион-

ное пространство. Именно этот процесс вызывает усиление религиозно-этнических противоречий сообществ, не подверженных столь быстрому влиянию технологий и находящихся под концентрированным воздействием многовековых национальных традиций.

Автор призывает отказаться от таких "устаревших геополитических понятий и терминов", как "третий мир", "Запад и Восток", "Север" и "Юг" и др. По его мнению, деление по принципу промышленного развития на первый, второй и третий мир сегодня устарело, ибо второй мир - промышленно развитый коммунистический блок - утратил динамику и эффективность, а значительное большинство традиционно причисляемых к третьему миру стран быстро развились и их уже нельзя оценить в рамках привычных терминов.

Автор формулирует необходимость нового понимания таких популярных в политическом обиходе понятий, как "слаборазвитые страны", "исламский фундаментализм", а затем и включается в открытый цивилизационный диалог и настаивает на корректировке многих исторических и социологических искажений в западной политологии.

П.Моджтахедзаде впервые в Иране высказался по поводу известной концепции Хантингтона, назвав ее "концепцией, ввергающей человеческое сообщество в состояние длительной конфронтации". Автор не согласен и с понятием "цивилизации", которым оперируют американские политологи, ибо, по его мнению, оно не выходит за рамки религиозно-расовых различий, игнорирует искусство, литературу, науку, технологии и направлено на то, чтобы обеспечить США контроль над новым мировым порядком и овладеть в стратегическом плане процессами создания многополюсного мира.

Автор подчеркивает мысль о том, что возврат ИРИ к исламским ценностям не означает, что страна создает военную угрозу для других или предъявляет соседям какие-либо территориальные претензии; он также категорически отвергает концепцию Хантингтона о грядущем противоборстве западной и восточной цивилизаций, которое может возникнуть на религиозно-этнической почве.

Выступление П.Моджтахедзаде 1996 г. явилось в какой-то степени итоговим для политической мысли страны 90-х годов. Его позиция символизировала новый уровень обобщения.

Именно с этого момента иранские политологи и чисто региональные проблемы рассматривают в глобальном контексте. В данном случае продуктивными для общественной мысли оказались усилия и ученых и

политиков, предпринятые на протяжении конца восьмидесятых – начала девяностых годов.

Интенсивные поиски путей модернизации Ирана и его места в регионе базировались на пропаганде ценностей ислама и традиций национальной культуры, укорененной в памяти соседних народов.

Данная стратегия Ирана, безусловно, влияет и на его отношения с Россией. Руководители ИРИ признают и уважают интересы России в регионе. Для Ирана, признающего приоритетность культуры в процессе трансформации общества, притягательность России в немалой степени определяется еще и его высокой оценкой культуры нашей страны, ее науки и технического потенциала.

В дальнейшем в 1996-99 годах ход иранской культурной и политической мысли был определен двумя политическими событиями: избранием на пост президента ИРИ Сейда Мохаммада Хатами (23 мая 1997г.) и Восьмым Саммитом Организации Исламская Конференция (Тегеран, 9-11 декабря 1997 г.).

Новый президент ИРИ не только продолжал реформы развития страны, но, будучи разносторонним ученым в области мусульманского права, философии и педагогики, а также и политическим лидером ИРИ, сформулировал новую программу культурного диалога с западным миром на пороге третьего тысячелетия.

Программа эта была обсуждена и вошла в текст резолюции Тегеранского Саммита ОИК в декабре 1997 г. А в январе 1998 г. президент Хатами в интервью телеканалу Си-Эн-Эн обратился к народу США, призывая, во-первых, пересмотреть американскую внешнеполитическую доктрину в отношении Ирана и мусульманских стран и, во-вторых, начать диалог между культурами и цивилизациями на основе принципов взаимопонимания, исходя из законов логики и диалога, привлекая в политику философов и интеллектуалов.

Если материалы Тегеранского Саммита ОИК и выступление на нем Хатами были посвящены внешнеполитическим и экономическим проблемам исламского региона в XXI веке, то обращение президента к народу Америки было беспрецедентным по новизне и глубине подхода. Прежде всего, эта необычность заключалась в том, что был избран сугубо культурологический, историко-философский ракурс, тем самым политический лидер Ирана высту-

пил как участник актуального междивизиационного диалога, ведущегося сегодня в мире.

Сейд Мохаммад Хатами представил свой анализ американской цивилизации, какой она сформировалась в XVII и XVIII веках, подчеркнув, что "свобода и вера никогда не конфликтовали", что американцы очень религиозны сегодня и англо-американский подход к религии основан на совместности религии и свободы. Он назвал американскую цивилизацию великой и обосновал свое уважение ее достижениями и способностью к диалогу между цивилизациями. "Иран, создавший знаменитую цивилизацию и культуру и сыгравший основную роль в распространении и развитии исламского мироустройства, также, как и американская цивилизация, стремится к объединению религии и свободы".

Что касается диалога между цивилизациями, президент Хатами подчеркнул, что "мы намерены воспользоваться достижениями и опытом всех народов, западных и незападных, и продолжать диалог с ними" (с.38). Определяя задачи исламской революции в ИРИ на XXI век, президент назвал их "новой фазой реконструкции цивилизации" и подчеркнул близость целей США и Ирана. "То, чего мы хотим добиться, вдохновляло основателей американской цивилизации четыреста лет назад. Именно поэтому мы ощущаем интеллектуальное родство с американской цивилизацией по всем существенным моментам"²⁰.

Значительная часть интервью президента была посвящена требованию изменения внешнеполитического курса США по отношению к Ирану и преодолению недоверия в отношениях обеих стран. Для этого, сказал президент, необходимо уважать права других народов, отказаться от принципа использования других народов в своих интересах и "избрать подход, основанный на рациональном общении, свойственном американской цивилизации" (с.40).

Касаясь многих сторон сложных американо-иранских отношений последних двадцати лет, Хатами заявил, что видит возможность их преодоления только на путях диалога (гофт-о-шенуд) между представителями культур обоих народов. И только этот спокойный и нелицеприятный междивизиационный диалог может дать в будущем положительный результат в жизни обоих народов.

Таким образом, призыв к мирному решению политических региональных проблем через диалог культур прозвучал как в решениях Тегеранского Саммита ОИК, так и в выступлениях президента ИРИ.

Тем самым был продемонстрирован конструктивный подход к истолкованию межцивилизационного культурного диалога в сегодняшней общемировой дискуссии и отвергнута концепция конфронтационности регионов на этно-культурной основе. Кроме того, региональные политики, лидеры страны и ученые показали, что видят в межцивилизационном диалоге культур активный инструмент развития взаимодействия стран и народов в будущем.

В целом иранская общественная мысль (в частности, трактовка культурного наследия и роли ислама) пережила на протяжении 80 - 90-х годов разительную трансформацию, повлияв на эволюцию иранского общества и роль страны в мире.

Мнение ученых и лидеров страны по проблемам региональной культурной общности повлияло и на направление внешней политики страны. Консолидация региона вокруг иранских культурных, исторических и литературных памятников, языка фарси и исламских традиций дала возможность иранским идеологам перейти к полемике и диалогу с Западом на более высоком геополитическом и философско-религиозном уровне. Конструктивное участие иранских ученых и политических лидеров в общемировом межцивилизационном диалоге последних лет подтверждает мысль о том, что страны, обладающие длительной и непрерывной традицией культуры (например, страны конфуцианского культурного региона, Индия, Иран), демонстрируют высокую степень готовности к интеграции, способность решать проблемы глобализма, избегая апокалиптических предсказаний о конце света, переводя эти проблемы на поле культуры и истории и решая их путем диалога.

¹ Айзенштадт Ш. Международные контакты. Культурно-цивилизационное измерение. - МЭМО, 1991, № 10, с.69.

² O.Spengler. Decline of the West. N.Y., 1926-1928; A.J.Toynbee. Study of History. L., 1934-1961; M.Weber. Essays in Sociology. L., 1991.

³ F.Fukuyama. The End of History and The Last Man. N.Y., 1992; S.P.Huntington. The Clash of Civilizations and Remaking the World Order. N.Y., 1996, 368 p.

⁴ Huntington Samuel P. The Strategic imperative: New Policies for American Security (ed. By S.P.Huntington). Cambridge, 1982.

⁵ "Foreign Affairs". N.Y., 1993, October 1993, Vol.72, № 4, p.2-26.

⁶ Указ.соч., с.2.

⁷ Указ.соч., с.4.

⁸ Указ.соч., с.6.

⁹ Указ.соч., с.24-25.

¹⁰ Указ.соч., с.26.

¹¹ Самюэль П.Хантингтон. Запад уникален, но не универсален. - Цит. По: МЭМО, 1997, № 8, с.84-85.

¹² Подробнее об этом см.: Кляшторина В.Б. Иран 60 - 80-х годов: от культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей. М., 1990, с.105-112; далее: Кляшторина В.Б. Иран 60-80-х годов.

¹³ Мохаммад Реза Пехлеви. Бесу-йе тамаддон-е бозорг. Тегран, 1978,

¹⁴ Кейхан, 25.01.1978, с.29.

¹⁵ Подробнее см.: Кляшторина В.Б. Иран 60-80-х годов, с.67-105.

^{15a} Указ.соч., с.65.

¹⁶ Эхсан Яршатер. Дар джостоджу-йе раз-е бага: Мас'але-йе растахиз-е фарханги-йе Хорасан (В поисках разгадки жизненной силы: проблема культурного возрождения Хорасана. - "Иран-наме", 15 г. изд. 1997, № 4, с.544.

¹⁷ Указ.соч., с.546.

¹⁸ Указ.соч., с.556.

¹⁹ Указ.соч., с.555.

²⁰ "Близькохидный Курьер". Киев, 1998 № 1(2), с.37.

РОССИЯ, АРМЕНИЯ, ИРАН: ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ.

18-19 мая 1999 г. в Ереване прошла международная конференция по теме "Россия, Армения, Иран: диалог цивилизаций". Конференция была организована находящимся в Ереване Кавказским Центром Иранистики.

Предлагаемая вниманию читателей статья является одноименным докладом, с которым на этой конференции выступил автор.

Диалог цивилизаций может быть столь же многогранным, сколь многогранна сама жизнь. Посему он может быть представлен и единомыслием и дискуссией, и гармонией и дисгармонией, заключаться и проявляться как в дружбе, так и во вражде и, что может быть самое примечательное, - в ходе диалога согласие может обернуться своей противоположностью, как и наоборот.

Как бы странно это ни звучало, если исключить из понятия диалога цивилизаций войны, нашествия, борьбу идей и концепций, классовую борьбу и, наконец революции как крайнюю форму этой борьбы, само понятие диалога цивилизаций будет весьма существенно обеднено.

Сказанное вовсе не означает призыва к тиражированию этих форм диалога цивилизаций. Это всего лишь констатация того, о чем свидетельствует, по существу, вся история человечества и, между прочим, история взаимоотношений в данном случае таких стран, как Россия, Армения и Иран. Но в не меньшей степени история взаимоотношений этих же стран дает большое множество не просто примеров, а целых длительных периодов жизни, когда происходил процесс взаимообогащения народов поименованных стран в условиях мира и взаимопонимания.

Множественность проявления и первого и второго варианта диалога цивилизаций указанных стран неувидительна, поскольку армяно-иранские отношения насчитывают не одно тысячелетие (оба народа, можно сказать,

родились в одном лукошке), а история взаимоотношений России с Ираном и Арменией исчисляется веками ¹.

Сегодня, когда человечество почему-то придает большое значение тому, что по христианскому календарю близится наступление третьего тысячелетия, хотя это в большей степени своеобразный плод воображения, чем нечто, имеющее под собой объективную основу, правы те, которые призывают к тому, чтобы содержанием диалога цивилизаций в XXI столетии становился мирный обмен мнениями (то, что в Исламской Республике Иран называют гофт-о-шопуд, т.е. говорением и слушанием).

Есть вполне достаточное основание среди сторонников такого подхода назвать президента ИРИ Мохаммеда Хатами, предложившего формулу о необходимости "диалога цивилизаций", противостоящую идее С.Хантингтона о грядущей "борьбе цивилизаций", и министра иностранных дел ИРИ Камала Харрази.

Позволю себе привести в этой связи цитату из речи Камала Харрази по случаю 50-летнего юбилея Всеобщей декларации прав человека, произнесенной в Женеве 17 апреля 1998 г.: "Итак, мы приближаемся к концу столетия, наполненного постоянными противоречиями и столкновениями. В этот период человечество смогло хорошо разглядеть разницу между войной и миром, несправедливостью и справедливостью, жестокостью и милосердием, нетерпимостью и толерантностью, развратом и благочестием, атеизмом и набожностью, проверив все эти явления на практике"². Я думаю, что в этих словах министра сквозит невольное признание того, что первый описанный мною вариант взаимоотношений людей, народов, государств тоже является, пусть и своеобразным, но диалогом цивилизаций.

Крайне интересны и последующие суждения господина Камала Харрази: "Я полагаю, что текущее столетие будет признано в качестве переходного века, который приведет к созданию более мирного и более справедливого мира будущих поколений. Конечно, можно считать этот подход слишком оптимистичным и идеализирующим реальность. Он действительно бросает вызов пессимистической теории о неизбежности будущего столкновения цивилизаций. Конечно, столкновение между цивилизациями нельзя считать делом абсолютно нереальным, однако мы должны твердо заявить, что этот конфликт не является чем-то заранее предопределенным и неизбежным. Это дело нашего выбора. Это такой выбор, в котором нет необходимости. Вместо него мы должны приступить к диалогу и постараться достичь большего взаи-

мопонимания"³. По-моему, сказано прекрасно. И опять-таки сказанное в абстрактной форме вполне может быть проиллюстрировано историей взаимоотношений Армении, Ирана и России.

Своеобразным свидетельством объективной потребности в диалоге цивилизаций Ирана, Армении и России может быть назван сам факт издания в 1998 г. Центром средневосточных исследований Гарвардского университета фундаментальной работы, вышедшей под редакцией Хосрова Чакери "Армяне Ирана", снабженной при этом примечательным подзаголовком: "Парадоксальная роль меньшинства в доминирующей культуре"⁴. К тому же она содержит в себе богатый фактологический и документационный материал, позволяющий на примере многовековых отношений этих трех стран обосновать справедливость всего того, что было сказано выше о возможных формах проявления диалога цивилизаций.

Взаимообогащающий диалог цивилизаций России, Армении и Ирана был результатом опосредованных действий трех стран и народов в области экономики, международных экономических и политических связей и социально-политического развития сторон.

Касаясь древности, достаточно сказать, что связи армян и иранцев восходят к эпохе Ахеменидов. Как гласит Бехистунская надпись Дария I, армяне защищали свою страну в борьбе с ним. После его смерти оба народа – армяне и персы в течение нескольких веков жили совместно под властью Ахеменидов и Парфян. Близость их связей была столь велика, что тогдашний персидский был понятен даже в самых отдаленных деревнях западной Армении⁵.

Прошу прощения за использование хрестоматийного факта, но нельзя не упомянуть о переселении шахом Аббасом I десятков тысяч армянских семей из Джульфы на Араксе в глубь Ирана, прежде всего в район тогдашней столицы Ирана – Исфагана и основания Новой Джульфы, ставшей очагом содействия развитию иранского ремесла и торговли, расширению международных торговых связей Ирана.

Это была и пора развития интенсивных дипломатических и торговых связей с Российским государством⁶.

Говоря о Каджарах, в плане цивилизационного взаимодействия, отмечу лишь следующее. Когда после трагической гибели Грибоедова в Санкт-Петербург было направлено посольство Хосрова-Мирзы, последний после торжественной встречи посольства в Москве, состоявшейся 14 июля 1829 г.,

испытал в себе потребность и одновременно нашел в себе мужество на следующий же день посетить мать Александра Сергеевича – Анастасию Федоровну. Несколько месяцев спустя, в ноябре этого же года, возвращаясь из Петербурга, Хосров-Мирза вновь остановился в Москве на несколько дней и 3 ноября со своей свитой посетил Армянский Лазаревский институт восточных языков⁷.

Может быть это известно широко, а может быть и нет, но в составе посольства Хосрова-Мирзы находился еще совсем юный будущий поистине великий сын Ирана мудрый и прозорливый Мирза Таги-хан, вобравший в себя многое, увиденное в России. Можно полагать, что не без влияния увиденного им была разработана блистательная программа реформ, которая, будь она осуществлена, вполне вероятно, предотвратила бы превращение Ирана в полуколонию тогдашних великих держав. Человек, по велению которого был загублен Мирза Таги-хан – Насер эд-Дин шах, поддавшийся наущению своей камарильи, писал спустя десятки лет своему наследнику Мозаффар эд-Дину-Мирзе: "Я сорок лет пытался после Амира (Амир-Кабир – титул Таги-хана – А.А.) вытесать из бревна человека, так и не сумел"⁸.

Здесь я лишь упомяну имя такого иранского армянина, как Мальком-хан – одного из сторонников разумной европеизации Ирана и активного деятеля в указанной сфере. Одного из тех, кто содействовал наступлению в Иране эпохи маршруте, эпохи конституционализма.

Ниже я хотел бы сосредоточить внимание на роли иранских армян в разработке социал-демократической и демократической мысли в Иране в годы иранской революции 1905-1911 гг.

Но прежде отмечу, что эта иранская революция, с точки зрения диалога цивилизаций, содержала в себе примеры проявления его, т.е. диалога, и в варианте вражды (сугубо реакционная позиция властей царской России, выступавшей в роли откровенной душительницы ее), и в варианте дружбы (роль кавказских, по-преимуществу грузинских, революционеров-подданных России в героической борьбе восставшего Табриза во главе с Саттар-ханом).

В поле изложения рассматриваемого вопроса было использовано выражение "взаимопосредованные действия трех стран и народов". С моей точки зрения, наиболее ярко эта взаимопосредованность воздействия цивилизаций проявилась в участии иранских армян в разработке социал-демократической и демократической мысли в Иране периода указанной революции⁹, в их содействии демократически настроенным представителям

иранской интеллигенции в освоении идей этих политико-философских концепций, сформировавшихся на Западе, в создании Демократической партии Ирана, в деятельности членов этой партии – депутатов иранского Меджлиса второго созыва и в создании их печатного органа – газеты "Иране-ноу"¹⁰.

О роли иранских армян в привнесении идей социал-демократии в иранскую действительность, определении форм и пределов их применимости в Иране, в ту пору все еще начинавшему вступать на путь капиталистического развития, свидетельствуют их письма Г.В.Плеханову и К.Каутскому как к своим учителям, а затем их письма к этническим иранцам-демократам с советами и предложениями, а также встречи с ними.

Это письмо Иосифа Караханяна к Г.В.Плеханову (сентябрь 1905 г.), Аршавира Чилингаряна Карлу Каутскому (июль 1908 г.), ответ К.Каутского Аршавиру Чилингаряну (август 1908 г.), это вновь письмо Аршавира Чилингаряна К.Каутскому (август 1908 г.), это письмо Васо Хачатуряна Г.В.Плеханову (ноябрь 1908 г.), это Протокол № 1 Социал-демократической конференции, состоявшейся в октябре 1908 г. под председательством Седрака I (Васо Хачатурян – секретарь конференции), копия которого была направлена Г.В.Плеханову. Цель послылки – просьба рассудить, какая из точек зрения, выявившихся в ходе дискуссии, верна применительно к тогдашнему Ирану, охваченному революцией, – избрание в качестве руководства к действию социал-демократической концепции развития или демократической. Это опять-таки письмо Аршавира Чилингаряна Г.В.Плеханову (декабрь 1908 г.), это письмо Тиграна Дервиша (Тиграна Төр-Акопяна) Г.В.Плеханову (декабрь 1908 г.), это письмо Аршавира Чилингаряна К.Каутскому (июнь 1911 г.) и его же письмо опять-таки К.Каутскому (октябрь 1911 г.)¹¹.

В конце 30-х годов XIX века М.Ю.Лермонтов, имея в виду Иран, писал:

*И склонясь в дьму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.*

Уже в начале XX века Тегеран как символ всего Ирана доказал, что он умел не только дремать. Иран стал страной двух полномасштабных революций – уже упоминавшейся революции 1905-1911 гг. и революции 1978-1979

гг. и локальной, но полноценной и весьма назидательной Гилянской революции 1920-1921 гг.

Здесь я имею возможность лишь упомянуть о них и делаю это только с одной целью: обратить внимание на то, что все они не просто имели цивилизационный пласт, а были прямо-таки пронизаны явлениями, имеющими цивилизационную природу. При этом, если двум полномасштабным революциям цивилизационный аспект придавало весьма активное участие в них мусульманского, шиитского духовенства, то в локальную революцию в Гиляне цивилизационный аспект был привнесён прежде всего идеологией коммунистической. Во всех трех случаях цивилизационный аспект проявлялся в его обоих вариантах – и вражды, и дружбы.

Вся эпоха правления династии Пехлеви также была пронизана цивилизационным аспектом и вражды, и дружбы, проявлявшихся (в данном случае) в действиях народов трех стран.

Новый аспект в диалоге цивилизаций Ирана, России и Армении открыло образование Исламской Республики Иран после падения монархии Пехлеви в результате антимонархической, антиимпериалистической, народной революции, гегемоном которой в силу ряда обстоятельств стало шиитское духовенство.

Истекшие недавно двадцать лет существования ИРИ, как было показано в начале изложения вопроса, оказались достаточными для того, чтобы, пройдя свою внутреннюю эволюцию¹², исламский строй в лице нынешних его высокопоставленных руководителей выступил с жизнеутверждающей концепцией диалога цивилизаций в его варианте взаимопонимания и дружбы, противопоставив ее мизантропической концепции Запада, концепции "борьбы цивилизаций". Каким путем пойдет человечество – сказать трудно.

В данном случае и для ИРИ, и для России, и для Армении важно то, что имеется и объективная основа и, как представляется, субъективное стремление к развитию диалога цивилизаций на основе взаимопосредованных действий трех стран и народов их¹³.

¹ См., в частности, П.П.Бушев, "История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586-1612 гг. (по русским архивам)", М., 1976; его же, "История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613-1621

гг. (по русским архивам)", М., 1987; его же, "Посольство Артемия Вольнского в Иран в 1715-1718 гг. (по русским архивам)", М., 1978.

² Цитируется по: "Иран: эволюция исламского правления". М., ИВ РАН, 1998, с.187.

³ См.: там же, с.187-188.

⁴ The Armenians of Iran. The Paradoxical Role of a Minority in a Dominant Culture: Articles and Documents. Edited by Cosroe Chaqueri. Cambridge, Massachusetts, 1998.

⁵ Ibid, с.1.

⁶ П.П.Бушев, ук.соч.

⁷ А.Б.Базиянц, "Долгий путь от Тегерана до Санкт-Петербурга", М., 1997, с.25.

⁸ Один их эпитафий в книге Али Акбара Хашеми Рафсанджани "Амир Кабир или герой борьбы с колониализмом" (Амир Кабир йа гахреман-е мобарезе ба эстемар. Невеште-е Акбар Хашеми Рафсанджани) [б.г.] [б.м.].

⁹ Armenians..., сс.81-86.

¹⁰ Ibid, сс.92-95, 99-101.

¹¹ Ibid. "Correspondence with European Intellectuals" (сс.311-347).

¹² Н.М.Мамедова. "Пребывание у власти Мохаммада Хатами как отражение эволюции исламского режима" - в сб. «Иран: эволюция исламского правления», М., ИВ РАН, 1998, сс.9-20.

¹³ См., в частности: Н.М.Мамедова. "Иранский опыт развития в условиях исламского правления и его значение для России" (доклад на 5 заседании Российско-Иранского "круглого стола" в Тегеране, проходившего 17-18 февраля 1999 г.) - в сб. "Ближний Восток и современность", сборник статей. Выпуск седьмой. М., 1999, сс.267-273.

Опыт социально-экономического развития Ирана в условиях исламского правления

Опыт развития Ирана как исламской республики, возникшей в результате падения шахской монархии, уникален и чрезвычайно актуален с точки зрения мирового исторического процесса. Он уникален, так как фактически впервые после времени Пророка, давшего пример функционирования мусульманского общества-уммы в условиях исламского правления, и первых лет халифата, предпринята попытка функционирования исламской формы правления в наши дни.

Этот опыт чрезвычайно актуален с точки зрения поисков наиболее оптимальных для каждой страны вариантов развития, а также взаимосвязей с мировым сообществом. Своё двадцатилетие исламское государство отметило накануне третьего тысячелетия, когда в мире отчетливо стали проявляться тенденции интернационализации и глобализации. Процесс глобализации в той или иной степени затрагивает все страны- вне зависимости от уровня их экономического развития и культурно-цивилизационных особенностей. Тем более это не может не касаться Ирана, который уже по своему геополитическому положению и цивилизационно-культурному влиянию является одной из ключевых стран на Ближнем и Среднем Востоке и оказывает значительное влияние как на региональные процессы, так и на многие тенденции мировой политики.

Несмотря на проявляющиеся тенденции глобализации мировой экономической системы, вполне отчетливо выявилось и то, что устойчивое развитие обнаруживают страны, которые разумно сочетают общемировые тенденции и культурно-национальные традиции. В этом смысле сам факт установления исламской государственности в Иране можно считать попыткой создания социально-экономической модели, учитывающей цивилизационный фактор. И в этом - одно из отличий от шахской модели, пытавшей следовать абстрактным моделям, копирующим развитие страны. "Порог чувствитель-

ности" иранского общества для восприятия плодов вестернизации уже к концу 70-х годов для был превышен, и это обеспечило успех исламской революции. Исламская форма правления в Иране пытается привести в соответствие культурные традиции, исламские традиции и потребность в модернизации. При этом понятие иранскими правящими кругами модернизации как перехода от традиционного общества к современному после двадцати лет послереволюционного развития в целом совпадают с общепринятыми. Но так было не всегда.

Падение шахского режима, проводившего отчетливо вестернизированную политику ускоренной модернизации, массовый характер революции в период экономического роста, приход к власти духовенства - традиционного сословия, никак не ассоциировавшегося со стремлением к модернизации сами по себе явились как бы вызовом общемировым тенденциям развития. Слом монархического государственного устройства, несмотря на явную авторитарность шахского режима, во второй половине XX века уже не ассоциировался с уничтожением феодальных пережитков, а политическая демократизация, хотя и вынужденная, в последний год существования шахского режима, несколько снижала значимость политической активности в первые месяцы после революции. Резкий разрыв связей с крупнейшими странами мира, ограничение экономических контактов с зарубежными компаниями, конфискационные мероприятия в отношении иностранных инвестиций, захват американского посольства, явные тенденции к автаркизму, выдвигание в качестве основных целей революции и нового государства таких как "экспорт исламской революции", "ни Запад, ни Восток, а ислам", - были восприняты в мире как отказ от модернизации, как попытка возврата в средневековье.

Да и в самом Иране в начальные годы исламского правления единого мнения о социально-экономической структуре общества и социально-экономической политике не было. Преобладание радикальных взглядов, получивших в мировой литературе определение исламского фундаментализма, делающих в системе взаимоотношений уммы и каждого ее члена акцент на интересах уммы, выразился в построении централизованной системы, жесткой регламентации социальной, культурной, политической и экономической жизни общества. Происходило становление новой политической и государственной структуры, в которой сочетались и светские и религиозные элементы власти. В мировой политологии появился новый термин для обозна-

чения носителя верховной власти- "рахбар", которому в период отсутствия скрытого имама передавалось все управление делами и руководство мусульманской общиной и которым при жизни был объявлен Хомейни. Так на практике был воплощен один из главных постулатов теории Хомейни о исламском правлении - принцип "веляте факих". Одним из высших органов власти стал Совет экспертов, созданный еще в августе 1979г. для разработки Конституции, а затем конституционно введенный в структуру власти как орган, главной обязанностью которого является выборы рахбара страны. Исламско-теократический характер режима нашел свое воплощение также и в созданном по Конституции 1979г. Наблюдательном Совете(из 12 его членов 6 являлись богословами), без одобрения которого ни один из принятых меджлисом законопроектов не мог получить статус закона. Параллельно с армией стал действовать Корпус стражей исламской революции(КСИР). На предприятиях, в городах и деревнях действовали исламские комитеты и исламские советы. Основой правовой деятельности по Конституции 1979г. становились принципы ислама и нормы шариата. Созданный в 1979г. Верховный Судебный Совет, как высший орган судебной власти, должен был обеспечить принцип доминирования исламского правопорядка.

Исламизация выразилась в первые годы и в форме исламской культурной революции, которая сопровождалась закрытием университетов, увольнением преподавательских кадров, "чистой" государственных служащих, а главное "исламизацией" психологии и образа жизни. Внедрялись шариатские нормы морали, культивировались традиции шахадата-мученичества, шариатские наказания. Возрожденные после революции мусульманские традиции, особенно в духе патернализма, способствовали и единению населения, и "вписывались" в создаваемую модель социально-экономического развития, где главная роль принадлежала государству. К числу таких возрожденных шиитских традиций прежде всего нужно отнести публичную массовую молитву- пятничный намаз, на которую стали собираться тысячные толпы и которая выполняла не столько религиозную, сколько политическую функцию.

На улицах, в учреждениях отряды стражей исламской революции строго следили за исполнением исламских норм поведения, ношением разрешенной шариатом одежды. Радикально изменился репертуар театров, кино-театров, радио и телевидения. Запрещена была современная зарубежная музыка, дискотеки, продажа видеокассет, даже безалкогольных импортных

напитков. Европеизированный Тегеран, не говоря о других городах страны, за 2-3 года приобрел более "восточный" колорит. В значительной мере способствовало этому и ограничение внешнеторговых связей, и изменение структуры потребления.

Новая власть, которая вменяла в вину шаху деспотический характер его режима, стала в первое десятилетие существования ИРИ приобретать, особенно в условиях военного времени, авторитарно-теократические черты. Как правило, в качестве главного признака авторитарности рассматривается принцип «веляете факих» или то, что конституционно рахбаром, или велае факихам был пожизненно объявлен Хомейни. При этом как бы в тени остается тот факт, что Конституция была принята всеобщим референдумом и, следовательно, можно говорить о легитимности выбора населением страны Хомейни в качестве рахбара. Однако более наглядным признаком усиливающейся авторитарности стало постепенное ограничение деятельности партий и общественных организаций, хоть в какой-то мере оппозиционных власти. Фактически единственной оппозиционной партией до конца 90-х годов оставалась немногочисленная партия Мехди Базаргана (премьер-министра первого Временного правительства), деятельность которой находилась всегда в поле зрения государственных органов. Была распущена даже партия власти - Партия Исламской Республики, в которую входили ведущие исламские лидеры.

Нельзя не сказать и том, что первые акции новой власти во многом носили характер, демонстрационно противоположный политике шахского периода, хотя эти мероприятия не всегда были политически или экономически обоснованы. Так, была осуществлена конфискация иностранных банков и активов, иностранных компаний, действовавших в высокотехнологических отраслях, было заявлено об отказе участия иранского государства в крупных зарубежных компаниях, о прекращении уже начатого строительства крупных объектов, был провозглашен курс на резкое ограничение связей с развитыми странами. Захват американского посольства, а затем многомесячное удержание его сотрудников в качестве заложников, объявление США в качестве главного врага Ирана, открытая поддержка исламистских группировок в Ливане и т.д., - еще более противопоставили Иран европейскому и американскому сообществу.

Конечно, постепенно правительство, подталкиваемое объективными потребностями иранской экономики, стало корректировать свою политику.

Иран сумел сохранить часть зарубежной собственности, стал вести переговоры о возобновлении строительства некоторых объектов, налаживать контакты с иностранными фирмами. Тем не менее главным направлением политики в этот период было построение централизованной или даже мобилизационной экономики, которая могла бы противостоять экономической блокаде и выдержать тяготы восьмилетней войны с Ираком. Основой такой экономики стал госсектор, усиленный проведенной национализацией кредитно-финансовой системы и крупной промышленности, созданием исламских фондов, усилением регулирования внутреннего и внешнего рынка Ирана.

При этом акцент делался не только и не столько на чисто экономических компонентах, сколько на концептуальных, организационных, психологических. Именно массовость антишахского движения показала, что применение технологий и методик западной социальной практики не всегда могут дать ожидаемого результата и нередко представляют социальную угрозу. В отличие от шахского режима, который был неустойчив с точки зрения его узкой социальной опоры, исламский мог рассчитывать на поддержку массовых слоев общества.

В результате проведенной национализации государственный сектор значительно повысил свою значимость в экономическом развитии. Как и в прежней модели развития огромную роль стало играть государственное регулирование, которое не только не ослабло, а наоборот стало приобретать характер прямого вмешательства государства в систему рыночных отношений.

Новым элементом экономической структуры стали исламские фонды, совмещавшие в своей деятельности экономические и социальные функции. Благодаря этим фондам, находившимся под контролем высшего духовенства, оно приобрело значительные рычаги экономического влияния. Самым экономически мощным фондом является созданный на базе фонда Пехлеви Фонд обездоленных (Боньяде мостаазефин). Активно действуют Фонд павших, Комитет помощи имама Хомейни, Фонд помощи жертвам войны, Фонд 15 хордада. Духовенство стремилось использовать фонды в качестве образца функционирования исламской экономики, направляя часть доходов на помощь беднейшим слоям населения, мелкого предпринимательства.

Возможно, что именно благодаря мобилизационному типу экономики в стране удалось предотвратить голод, массовую безработицу. Но при этом разрушение созданной в 60-70е гг. экономической структуры было столь

глубоким, что уровня валового продукта 1976/77г., измеренного в постоянных ценах, удалось достичь лишь к 1991/92г. В 1983/84-1984/85г.г. Ирану удалось приблизиться к дореволюционному уровню, однако падение цен на нефть вновь вызвало замедление, а затем и падение ВВП. В кризисном состоянии оказались прежде всего производственные отрасли, технологически привязанные к использованию импортного сырья и полуфабрикатов, хотя новый режим с первых же лет предпринимал шаги по ослаблению зависимости промышленности от внешнего рынка. Еще в 1980г. Исламский Революционный Совет принял закон, освобождающий от уплаты налогов предприятия, работающие без импортных компонентов. В 1984г. лицензии на строительство новых промышленных объектов стали выдаваться при условии их обеспеченности сырьем на 85%-для выпуска потребительских товаров и 70%- товаров производственного назначения. Предпочтение при выдаче валютных лицензий на импорт сырья и оборудования отдавалось компаниям, предусматривающим более широкий круг стран-поставщиков, чтобы избежать технологической привязки к одной стране.

Вмешательство государства во внешнеэкономическую деятельность и внутренний рынок было в отдельные периоды настолько сильным, что термин "регулирование" мало подходит для характеристики этого явления.

Для контроля за внешним и внутренним рынками были созданы Торговые Центры. Они осуществляли ввоз товаров, устанавливали продажные цены для внутреннего рынка, распределяли товары через заготовительно-распределительные кооперативы и синфы. Созданная с помощью Торговых центров бюрократическая система распределения, соединившая внутренние и внешние товарные потоки, позволила государству не только устанавливать цены и расширять номенклатуру товаров с фиксированными ценами, но и осуществлять контроль за их исполнением.

Перечень товаров, на которые государство стало устанавливать цены, с каждым годом расширялся. Была введена система купонов или карточек, распределяемых через мечети. К 1987г. цены контролировались на 5 тыс. товаров. В этот период разрабатывался даже законопроект о распространении государственного ценового контроля на 12 тыс. товаров.

Поддержание цен на фиксированном уровне требовало увеличения государственных дотаций- на покрытие разницы между закупочными ценами на импортные товары и продаваемые на внутреннем рынке.

80-е годы в экономической истории Ирана можно назвать апогеем государственного вмешательства в экономику- и на макро- и на микро- уровне. Доля государства в ВВП составляла (в %-тах):

в 1978/79г.-84,0, в 1979/80г.-80,5, в 1980/81г.- 77,9, в 1981/82г.- 76,9, в 1982/83г.-81,9, в 1985/86г.-57,7, 1986/87г.- 62,3%.¹

Государственный сектор обеспечивал в 1982-1987гг. более четверти доходов всех городских семей страны, а его роль в оплате наемных работников определялась величиной в 69,2%.

Чрезвычайно высоким остался к 1986/87г. удельный вес государственных капиталовложений-43,8%. В этом году из общего числа занятых в 11 млн.чел.(включая сельское хозяйство, лиц старше 10 лет) в государственном секторе было занято 3,5 млн., или 31,4%. Среди лиц наемного труда доля государственного сектора была еще выше.

Централизация экономики, сопровождавшаяся усилением государства во всех областях жизни общества, что находилось в соответствии с исламскими взглядами на государство и экономику, смогла удержать политическую власть. Даже казалось бы неизбежным падение режима в 1986-87гг, когда все финансово-валютные резервы страны были практически исчерпаны, не произошло. Более того, в эти первые и тяжелые финансовые годы правительству удалось сохранить и даже увеличить посевные площади, сборы сельскохозяйственных культур, начать восстанавливать и даже расширять здравоохранение и образование.

Безусловным достижением новой власти стала его деятельность по развитию сельской инфраструктуры, включая строительство дорог, аэропортов, жилищ, газификацию, водоснабжение, электрофикацию, развитие средств связи. Уровень грамотности населения повысился с 49 % до 74%, а в городах с 67% до 82%.

В целом была выполнена задача по выравниванию доходов, что являлось одной из главных причин стабилизации режима. Но это выравнивание было достигнуто главным образом за счет распределительных функций государства, без поднятия общего жизненного уровня населения. В результате размеры валового продукта на душу населения по сравнению с дореволюционным периодом упали в 80-е гг. в 3-4раза ².

Проблема повышения эффективности экономики, которая до этого способна была обеспечивать лишь минимальные потребности населения, стала жизненно важной и для судьбы самой власти как исламской. И нужно

отдать должное Хомейни, который одобрил необходимость изменения экономического курса.

Проведение новой экономической политики как проявление экономической модернизации стало локомотивом комплексной эволюции иранского общества. При этом оно не вступило в сколько-нибудь резкое противоречие с исламскими принципами. В результате проведенных в 90-е годы реформ тенденции либерализации общества, особенно в экономической сфере, стали отчетливо прослеживаться. В результате приватизации, использования иностранных инвестиций, отмены регулирования цен, либерализации внешнеэкономической деятельности, возросла активность частного сектора экономики. Уже в 1990/91г. его доля в ВВП поднялась до 60,5%, в 1991/92г. - до 61,4%, в 1992/93г. - до 58,8%³. И хотя государство продолжало доминировать в инвестиционной деятельности, взяв на себя финансирование крупных объектов, особенно экспорториентированных производств, доля частного сектора в общенациональных расходах продолжала расти и в последующие годы. В 1993/94г. она составила уже 78,5%, в 1994/95г. - 83,1%, в 1995/96г. - 72,2%, в 1996/97г. - 78,9%, в 1997/98г. (оценка) - 75,9%.⁴

Как мы видим, участие частного и государственного секторов в формировании ВВП поменялось четко наоборот в 80-е и 90-е годы. Не только был преодолен спад ВВП, но и обеспечен его прирост в 1990-1997гг. в пределах 5-6%. Быстрыми темпами стало расти промышленное производство. Индекс роста только крупной промышленности по сравнению с 1990/91г. составил: в 1993/94г. - 21,3%. В 1994/95г. - 29,4%, 1995/96г. - 38,5%, в 1996/97г. - 56,3%. Особенно высокие темпы роста показали такие отрасли как химия и нефтехимия, выросшие за эти 4 года в два раза, основная металлургия - на 82%, а также пищевая промышленность - на 67,8%⁵. Уровень ВВП на душу населения к 1996г. превысил 2 тыс. долл. Конечно, мы не можем говорить о том, что обеспечено постоянно поступательное движение. С 1998г. из-за падения цен на нефть экономическая ситуация в стране осложнилась, дестабилизирующим фактором стал образовавшийся в результате либерализации внешней торговли и использования внешнего кредитования международный долг. Активные действия государства по мобилизации валютных резервов, по реструктуризации долга позволили снизить степень задолженности Ирана - с 1993/94г. по 1997/98г. с 23,0 млрд. долл. до 14,1 млрд. долл., или с 29,7% до 13,8% к ВВП. Но негативная позиция США в отношении кредитования иранской экономики безусловно осложняет валютно-финансовое положение

Ирана. Однако, несмотря на сбои в экономическом росте, 90-е годы продемонстрировали наглядно способность иранской экономики за 2-3 года выйти из многолетнего кризиса. Страна стала быстро переходить к открытому типу экономики. При этом в Иране значительная роль в экономике продолжает сохраняться за государством, которое стремится заменить административные методы управления рыночными. Например, довольно успешной можно признать гибкую систему изменения закупочных цен, которые государство коррелирует с рыночными ценами внутреннего рынка, ценами мирового рынка, потребностями внутреннего рынка, включая производственные, выдачей импортных и экспортных лицензий. Во многом из-за повышения цен: на закупаемый хлопок (с 1993/94г. по 1996/97г. в 3,1 раза) государству удалось увеличить за этот период более чем вдвое сборы и площади под эту культуру. Производство хлопка выросло с 276 тыс.тонн в 1993/94г. до 598 тыс.тонн в 1996/97г. Рост минимальных цен на зерно (с 225тыс.риалов за 1 тонну до 480 тыс.риалов)- позволили сохранить производство этой стратегической для Ирана продовольственной культуры на уровне 10-11 млн.тонн.⁶

Негативные инфляционные последствия правительство пытается смягчить не прямым диктатом над ценами, а введением дифференцированных пошлин на ввозимые товары, не вмешиваясь, по существу в процессы ценообразования на отечественную продукцию. Отражением этого в какой-то мере стал рост «ножниц цен» на отечественные и импортные товары. Если в 1993/94г. и 1994/95г. индекс цен на импортные и отечественные товары рос почти синхронно (соответственно 213 и 213, 314 и 302%), то в 1995/96г. этот разрыв составил уже 76,6%, в 1996/97г.-123,7%, в 1997/98г.-101,9%⁷.

Не отказалось правительство окончательно и от дотационных выплат для поддержания стабильных и приемлемых для широких слоев населения цен на зерно, рис, мяса, растительного масла, молока, сыра, сахара, удобрений, пестициды. Субсидии выделялись также агропромышленным комплексам, Фонду страхования сельскохозяйственных продуктов. В 1993/94г. на эти цели из бюджета было выделено 2,1, в 1994/95г.-3,7, в 1995/96г.-4,9, в 1996/97г.-6,0, в 1997/98г.-6,4 трилл.риалов. Большая часть этих средств расходуется на поддержание цен на пшеницу- соответственно 1,2, 2,1, 2,9, 3,9 и 4,4 трилл.риалов,⁸ обеспечивая продажу дешевого хлеба на внутреннем рынке.

Несмотря на финансовые трудности, государство пока не идет на ужесточение прямого налогового бремени на частное предпринимательство. Поступления в бюджет от подоходного налога на заработную плату фактически одинаковы по размерам с поступлениями от самостоятельных работников, а корпоративные налоги от частных компаний в десять раз меньше, чем поступления от продажи нефти.

Огромную роль играет государство в разрешении демографических проблем, осложняющих проведение социальной политики. Только с 1986г. по 1996г. население страны увеличилось на 10,5 млн.чел, при этом на 8 млн. чел возросло трудоспособное население (от 15 до 54лет). Практически весь прирост населения - на 10 млн.- пришелся на городское население, что не могло не обострить проблему занятости. Проводится осторожная политика планирования семьи, которая пока сводится к ограничению льгот на получение социальных пособий на детей и оплачиваемых отпусков - при рождении более 2 детей. Занятость увеличилась на 3,5 млн. чел, при этом положительным фактором явился рост занятости в промышленности- на 1,7 млн.чел. Необходимо отметить также, что вдвое увеличилась занятость женщин. При этом рост безработных сократился почти на 400 тыс.чел. Куда же идет прирост молодых возрастов? Значительная часть молодежи в возрасте от 15 и до 25 лет занята обучением в 6-11 классах школ(в 1997г.- 3,7 млн.) и в вузах страны-1,3 млн. студентов⁹. Государство резко увеличило ассигнования на высшее образование и научно- исследовательские работы- с 951,6 млрд.риалов в 1990г. до 8622 млрд.риалов в 1997г., доведя отношение расходов на науку и высшее образование к ВВП соответственно с 0,5% до 1,0%.

Достаточна сильна социальная защищенность занятого населения, в том числе на частных предприятиях. Увольнение рабочих сопряжено с такими трудностями, что даже оборачивается новыми проблемами, связанными с внедрением инновационных и трудосберегающих технологий. Осуществляется контроль за индексацией заработной платы, коррелируемой с индексом потребительских цен.

Поддерживается разный курс риала, во многом обусловленный необходимостью поощрения ввоза инвестиционных товаров, а также товаров первой необходимости. Большую помощь получают беднейшие слои населения от исламских фондов и мечетей. Если при получении помощи через мечети финансовой основой являются, главным образом религиозные налоги,

то исламские фонды получают средства в результате функционирования принадлежащей им собственности, которая составляет значительную долю промышленного, сельскохозяйственного и финансового потенциала страны. И общество, и правящие круги с тревогой воспринимают проявившийся после рыночных реформ резкий разрыв в уровнях доходов групп семей, стараясь сократить этот показатель социальной напряженности.

Особенно впечатляющие изменения претерпела за 90-е годы внешняя политика, демонстрирующая стремление наладить связи с мировым сообществом на основе общепринятых норм. Иран стремится сделать страну и политически и экономически привлекательной для иностранного капитала. Создаются условия, в первую очередь правовые, для деятельности иностранных инвестиций, особенно в производительные отрасли, а также отрасли, ориентированные на экспорт. Законодательно и на основе исламских принципов подчеркивается необходимость защиты частной собственности, в том числе крупных капиталов.

Внутренняя политика режима также эволюционирует в сторону либерализации. Все большая роль придается поддержанию правого порядка, причем этот порядок принципиально не противоречит общемировым правилам. Большое внимание уделяется проблемам прав человека, особенно в связи с тем, что этот вопрос в значительной мере является камнем преткновения в отношениях Ирана с Западом и одним из оснований для США для проведения своей дискриминационной политики в отношении Ирана. Сторонники президента М.Хатами говорят о стремлении создать действительно правовое государство, в котором неукоснительно защищались бы конституционные и гражданские права населения. Но при этом Иран ставит под сомнение универсальность действующих сейчас международных принципов и положений, основанных только на их западном понимании. В 1995г. в Иране приступила к работе Комиссия по исламским правам человека. Отчетлив прогресс в обеспечении прав женщин. В последний меджлис из 270 членов было избрано 13 женщин. Вице-президентом страны является женщина-М.Эбтекар. Женщины Ирана не только принимают активное участие в общественной жизни страны, например, в избирательных кампаниях, но и постепенно упрочивают свое положение в руководящем аппарате.

Стали создаваться политические организации и партии, все свободнее делается иранская пресса. И хотя периодически газеты или журналы закрываются за публикацию статей, как правило, носящих критический по отноше-

нию к радикальным правящим кругам характер, они вновь открываются, иногда меняя лишь название. Но уже и этот процесс сам по себе - свидетельство отчетливо проявляющихся прогрессивных тенденций в политической жизни иранского общества.

Достаточно гибкой становится национальная и культурная политика. Принцип расширения народной демократии, поощрение туризма, включение в число приоритетных направлений 2 и 3 планов развития современных информационных сетей, - все это также свидетельство того, что Иран вовсе не стремится к возрождению средневековой отсталости, а пытается использовать ту экономико-технологическую компоненту, которая входит в понятие модернизации и глобализации. Иран, треть экономики которого ориентирована на мировой рынок, объективно не может отгородиться от него и не испытывать его влияние.

При этом Иран пытается четко отделить другую составляющую этого процесса - культурно-цивилизационный фактор. Многие серьезные исследования в Иране посвящены анализу соотношения тех позитивных и негативных последствий, которые несет для Ирана процесс глобализации. И, пожалуй, главное, на что обращается внимание - на необходимость сохранения своего "цивилизационного лица". В этом смысле следует понимать и выдвинутый М.Хатами тезис о "диалоге цивилизаций", а не просто как о необходимости культурного взаимодействия.

Конечно мы не должны закрывать глаза на то, что исламская форма государственности в определенной степени сдерживает переход на общемировые (или европейские) методы хозяйствования. Но в то же время она делает этот переход более безболезненным, т.к. заставляет в большей степени, чем в прошлые исторические периоды, учитывать национальный исторический опыт хозяйствования. Особенно это важно это для национального самосознания в наши дни - в условиях резкого экономического и военного неравенства стран. Тем более, что национальное самосознание, цивилизационный фактор, начинает играть все большую роль в экономических процессах, особенно в периоды реформ. Даже среди западных исследователей начинает формироваться иной, нежели еще в последние годы, подход к возможностям создания единой мировой экономической системы. Многие из ученых начинают сомневаться в том, что если страна встала на путь рыночных реформ, то либерализация рынков, свободные потоки капиталов сами по себе могут обеспечивать разумную социально-экономическую политику, по-

могут избежать нарушений социального порядка . Опыт Индонезии и Филиппин достаточно наглядно показал уязвимость экономик, ориентировавшихся не столько на национальные, сколько на мировые ценности и интересы.

Нужно также сказать и о том, что в свое видение культурно-цивилизационного фактора как составляющей общемировой тенденции к глобализации, Иран включает и понятие международного правового поля, в создании которого принимали бы участие все страны мира, а не только одна держава, ставшая мировым лидером. И эта позиция заслуживает всяческого внимания, так как основана на законах экономической глобализации.

Опыт Ирана, который демонстрирует значительную эволюцию в подходах к внутренней политике, к внешним связям с окружающим миром, к концепциям и практике экономического развития, - представляет несомненный интерес для различных групп стран. В первую очередь это интересно для исламских стран -как для тех, которые активно включаются в процессы глобализации, как например, Саудовская Аравия, и тех, которые активно противятся этому процессу, как например, Ливия и Ирак. Иранский опыт представляет несомненный интерес и для России- и не только из-за ее мусульманских анклавов. Россия также как и Иран, находится в переходном периоде, пытаясь освоить рыночные основы хозяйствования, соответствующие методам развитых стран, пробуя разные способы приватизации, создания финансовых структур, нащупывает пути создания и направления финансовых потоков, все больше и больше открываясь мировому сообществу, при этом пытаясь сохранять свою идентификацию. Нет необходимости говорить о том, сколь актуален опыт Ирана для стран Центрально-азиатского региона и Закавказья, которых с Ираном объединяет не только географическая близость и схожесть природно-сырьевых ресурсов, но и близость того цивилизационного фактора, который начинает играть все большую и большую роль не только в культурном, социальном и политическом диалоге между странами, но и в их национальном экономическом развитии и экономическом диалоге со всем мировым сообществом.

¹ Рассчитано по : Сальнаме-йе амарие кешвар 1362, 1372.

² Из-за различного курса риала оценивается по-разному. По компенсационному курсу ЦБ составил в 1987г.

528долл.По оценке журнала Торгово-промышленной Палаты Ирана 'Хафте наме' - в 1540 долл. (в 1989г.).

³ Н.М.Мамедова. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии.,М.1997,стр.91.

⁴ IMF, Islamic Republic Iran,1999.

⁵ IMF, табл.18.

⁶ IMF, табл.14,15.

⁷ По данным Центрального банка Ирана за 1375год(1997/98г.)

⁸ IMF,табл.29.

⁹ там же, табл.22.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

Социальная политика исламского руководства после победы антишахской революции существенно отличалась от политики шахского правительства в период "белой революции". Шахский режим при проведении реформ опирался в основном на те слои иранского населения, которые объективно или субъективно заинтересованы в модернизации Ирана по западному образцу и в целом игнорировал интересы и запросы других социальных групп, считая, что ускорение экономического развития страны само по себе является достаточным стимулом для необходимой трансформации общественных отношений. Так, аграрная реформа - ключевая в системе шахских социально-экономических преобразований, ориентировалась главным образом на поддержку крупных фермерских хозяйств и агропромышленных комплексов. Основной целью рабочей политики являлось повышение статуса и материального достатка квалифицированных рабочих на крупных промышленных предприятиях. Рабочее законодательство официально распространялось только на трудящихся предприятий с количеством занятых не менее 10 чел.¹ Преимущественно укреплялись позиции крупной буржуазии, а также бюрократической, обслуживающей потребности государственного аппарата и государственного сектора.

Все остальные категории населения оказались как бы за "бортом" экономических реформ, что в конечном итоге привело к сопротивлению широких слоев иранского общества шахским преобразованиям и монархическому режиму в целом.

Напротив, исламское руководство поставило во главу угла своей внутренней политики именно перестройку и регулирование общественных отношений. При этом победившее духовенство исходило как из общих исламских принципов социальной справедливости, так и из негативного опыта шахской

социальной политики, которая в 70-е годы привела к резкой поляризации иранского общества и бескомпромиссности антишахских сил, участвовавших в исламской революции.

После революции духовенство незамедлительно приступило к формированию и осуществлению своей социальной программы. Так, в принятой в 1979 г. Конституции были зафиксированы такие основополагающие принципы, как "ликвидация всякого деспотизма, авторитаризма и монополизма" (ст.2, п.6), ответственность исламского правительства за "обеспечение участия всего народа в политическом, экономическом, социальном и культурном развитии" (ст.2, п.8). При этом было провозглашено, что "никто не может осуществлять свои права во вред другим или нарушая общественные интересы" (ст.40).

Реализация такой политики оказалась делом сложным, но не бесперспективным. Начало ей положила молодежная политика. Осуществив реформу школьного, профессионального и высшего образования, исламское правительство выделило средства для всеобщего бесплатного школьного обучения, расширило контингент обучающихся в вузах и открыло десятки новых университетов и профессиональных училищ в различных городах страны. В целом количество учащихся в Иране по сравнению с шахским периодом увеличилось почти в десять раз, при росте населения страны в два раза. Только за период с 1989 по 1996 гг. количество студентов иранских университетов возросло с 447265 до 1,3 млн.чел.²

Определенную эволюцию претерпело отношение исламского руководства к женскому вопросу. Высокая активность женщин в революции и их массовые выступления в поддержку духовенства сделали неизбежным признание их основных конституционных прав.

Так, в статье 20 Конституции Исламской Республики Иран было записано, что "все иранцы, независимо от пола, одинаково пользуются покровительством закона и располагают всеми гуманитарными, политическими, экономическими, социальными и культурными правами при учете соблюдения исламских норм". Однако текущее законодательство страны, а также реальная практика исламского правления в первые годы после революции довольно существенно расходились с положениями основного закона. И дело отнюдь не в обязанности ношения исламской формы одежды, к чему довольно часто сводится критика исламского режима в этом вопросе. Это как раз не имеет никакого отношения к правам человека, а является на всем мусуль-

манском Востоке символом принадлежности и лояльности к исламу. Например, вопреки расхожему мнению, что любая восточная женщина, особенно в молодом возрасте, стремится освободиться от чадры и делает это при первой предоставляющейся ей возможности, в Турции - европеизированной светской стране, где правительство не только не настаивает на ношении чадры, а всячески препятствует этому, регулярно проходят демонстрации школьниц и студенток, которые требуют предоставить им право ношения традиционной мусульманской одежды. Конечно, нельзя говорить о всеобщем положительном восприятии таких нововведений, как запрет для женщин работать судьями, геологами, археологами, а также занимать руководящие должности, заниматься спортом и пением, как и принятый в августе 1982 г. закон, в соответствии с которым женщина могла быть приговорена к различным жестоким видам телесного наказания, включая побитие камнями. Это давало основание критикам исламского режима заявлять о его средневековом менталитете и патологической жестокости. Однако, как известно, в последующем практически все ограничения на профессиональную и общественную деятельность иранских женщин были сняты, а жестокость соответствующих законодательных положений ныне не проявляется в повседневной жизни. Важным решением правительства стал запрет каких-либо проявлений самосуда над женщинами даже в случае нарушения ими исламских канонов.

В последние годы наблюдается постоянное повышение внимания исламского правительства к роли и месту женщин в иранском обществе. Всячески поощряется широкое участие женщин в таких сферах, как научные исследования, литература, искусство и даже спорт. Как известно, именно Иран стал организатором проведения II Олимпийских игр женщин мусульманских стран в декабре 1997 г., а иранский Олимпийский комитет возглавила дочь бывшего президента Ирана Х.Рафсанджани - Файзе Хашеми³.

Однако, конечно, женский вопрос в Иране пока не исчерпал себя и потребует еще какое-то время для приведения в соответствие возможностей и реального потенциала женского населения страны с тем местом, которое оно занимает сегодня в иранском обществе.

В своей деятельности исламское руководство довольно последовательно учитывало интересы основных классов иранского общества. Так, была скорректирована проводившаяся шахом аграрная политика, которая позволяет сегодня, в отличие от шахского периода, когда преимущество отда-

валось развитию крупных фермерских хозяйств и агропромышленных комплексов, применять и другие формы землепользования в зависимости от сложившихся в различных местностях традиций и условий ведения сельского хозяйства. Это привело к повышению рентабельности сельского хозяйства, прекращению массового разорения крестьян и достижению самообеспечения населения многими отечественными сельскохозяйственными продуктами.

Принятый в 1990 г. закон о труде ликвидировал существовавшую при шахе дискриминацию рабочих в зависимости от уровня их квалификации и занятости на крупных или мелких предприятиях. В нем предусматривается 8-ми часовой рабочий день, 30-дневный отпуск и гарантированная заработная плата, достаточная для содержания семьи из пяти человек. Важным положением закона является также то, что рабочий не может быть уволен по прихоти предпринимателя⁴. Достаточно остро стоящую в Иране проблему безработицы помогает решать Организация созидательного джихада, которая с недавних пор преобразована в министерство, занимающееся определением основных направлений экономической деятельности, где требуется привлечение большого количества, в том числе и неквалифицированных, рабочих, и направлением их на соответствующие объекты.

Политические и экономические возможности крупной буржуазии в Иране ограничиваются, что объясняется как конституционным запретом на монополию власти и экономики в руках одного класса, так и той значительной ролью, которую играет само государство в экономической жизни страны. Плановость иранской экономики предусматривает лицензирование основных видов внутри- и внешнеэкономической деятельности. В то же время, под эгидой различных фондов в стране активно функционируют крупные промышленно-финансовые корпорации, типа холдингов, прибыль от которых поступает как на общие потребности мечетей и религиозные нужды, так и на нужды довольно многочисленных слоев "обездоленных", что позволяет довольно эффективно бороться с нищетой и социальным неравенством.

Мелкая и средняя буржуазия всегда являлась основой социальной базы шиитского духовенства и сегодня продолжает обеспечивать стабильную поддержку правящему режиму, хотя различные отряды этой буржуазии не всегда адекватно реагируют на повороты во внутренней и внешней политике исламского руководства.

Таким образом, социальная политика исламского руководства в Иране за последние 20 лет в целом может быть оценена как эффективная и отражающая интересы широких слоев населения этой страны.

¹ Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976, с.349.

² Эттелаат. 3.03.1997.

³ Iran Daily. 1.02.1998.

⁴Iran Year Book 89/90, W6, 1990, pp.17-18.

ВОЕННАЯ МОЩЬ ИРАНА

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ: ОТ ПЕПЛА ДО АЛМАЗА

(К 20-летию Исламской Республики Иран (1979-1999 гг.))

Будучи, безусловно, неотъемлемым органом государства, вооруженные силы ИРИ не являются олицетворением всей военной мощи страны, они лишь часть ее. В теории военная мощь государства - это реализованная часть совокупности всех имеющихся в наличии возможностей (потенциалов) экономики, науки и техники, конечно, и вооруженных сил, а также политико-идеологического и морального сознания мира, которая используется для достижения военных целей государства. Это, по сути, реализованные к определенному моменту времени военно-экономический, военный научно-технический, морально-политический потенциалы страны, которые используются для содержания и совершенствования вооруженных сил и обеспечения наиболее эффективного решения поставленных перед ними задач как в мирное, так и в военное время. Поэтому собственно вооруженные силы ИРИ есть продукт процесса формирования и развития совокупности всех вышеназванных потенциалов.

В условиях Исламской Республики Иран этот процесс приобрел свою религиозную специфику, которая проявилась с первых дней революции 1979 г. и заключалась, прежде всего, в тотальной революционной реорганизации государственной системы, стержнем которой стала исламизация всех сторон экономической, социальной и политической жизни страны.

В экономике исламские преобразования выразились в попытках внедрения так называемой "тоухидной экономики", всемерной централизации управления основными отраслями, ограничении свободы экономической деятельности в силу существования многочисленных мусульманских запретов, воспрепятствовании использования иностранного капитала, технологий, советников и т.д. В первые месяцы и даже годы после революции это привело к дезорганизации экономической жизни, к эмиграции из страны высококвалифицированных специалистов, представителей крупного бизнеса.

Исламский революционный вихрь захватил и науку, выбросив из страны многих ученых, не согласных с новым режимом.

Революция нанесла удар и по шахской армии. Репрессии обрушились на высший и старший командный состав, многие из генералов и офицеров, а также военные специалисты были казнены или бежали из Ирана. Части и подразделения потеряли боеспособность, вооружение и военная техника стала не боеспособна.

Совокупный военный потенциал ИРИ, образно говоря, превращался в "пепел". Положение усугублялось начавшейся в 1980 г. ирано-иракской войной, принесшей огромные материальные и финансовые потери.

В этих условиях у клерикального руководства Ирана был единственный шанс спасти положение - любыми путями создать армию нового типа. Для этого из всего совокупного военного потенциала ставка была сделана на морально-политический его элемент. Путем тотального религиозного идеолого-психологического воздействия на людей, индоктринации населения в духе божественного и единственно правильного учения имама Хомейни, а также путем подавления оппозиции шиитскому духовенству удалось человеческий фактор в войне превратить в основной источник сопротивления и побед. Морально-политический потенциал оставался важнейшим, можно сказать формообразующим элементом совокупного военного потенциала ИРИ и в дальнейшем, особенно в первое десятилетие Исламской Республики. Именно с его помощью воссоздавались военно-экономический и военный научно-технический потенциалы государства, готовые преобразоваться в военную мощь исламской державы.

Возникает наивный, но все же закономерный вопрос: "Какие цели преследует руководство Исламской Республики Иран, наращивая свою военную мощь?"

В рамках учения имама Хомейни, на базе его основополагающих концепций формулируются государственные интересы Ирана, которые и являются руководящим началом в определении приоритетов его политики и ее основных целей.

В соответствии с интересами ИРИ главная цель политики клерикального руководства состоит в создании под эгидой Ирана "мировой исламской общины – уммы". Данное положение, суть которого официально закреплена в статье 11 Конституции ИРИ, имеет долговременный характер.

Возможность реализации этой цели ставится в прямую зависимость от успешного решения важнейших задач глобального характера. В наиболее обобщенном виде они сводятся, на наш взгляд, к политическому, экономическому и военному объединению исламского мира по иранскому образцу. Исходя из данных стратегических установок можно выделить три уровня долгосрочных целей военной политики Ирана, на реализацию которых направляются основные усилия руководства страны.

Первый уровень целей связан с превращением Ирана в общемусульманский центр силы. Его достижение следует рассматривать как весьма отдаленную перспективу, поскольку постановка данных целей на повестку дня без утверждения Ирана в качестве общерегионального центра силы в зоне Ближнего и Среднего Востока не имеет реального смысла.

Второй уровень как раз и предполагает превращение исламского Ирана в региональный центр силы. Для этого иранское руководство стремится к достижению в регионе военно-политического, военно-экономического и собственно военного лидерства.

Третий уровень целей расположен на "национальной территории", то есть приоритеты военной политики сосредоточены на решении внутрииранских задач, в частности на обеспечении военно-политической стабильности государства, создании независимой экономики с развитой промышленностью, в том числе и военной, строительстве мощных вооруженных сил.

Основные положения военной политики конкретизированы в военной доктрине Ирана - "Доктрине национальной безопасности" - программе практической деятельности.

На базе идеологии хомейнизма основывается политическая составляющая военной доктрины, которая пронизана принципом экспорта исламской революции. Идеологическую основу военной доктрины Ирана составляет учение имама Хомейни или "неошиизм". Эта политика осуществляется, условно говоря, тремя методами: "мирным" (пропагандистским), "полувоенным" и "военным". Одной из сторон позитивной эволюции клерикального режима в ИРИ за 20 лет стала переоценка значимости каждого из трех методов экспорта исламской революции. По объективным и субъективным причинам ныне приоритет отдается "мирному" методу. Однако нельзя утверждать, что окончательно отброшены и два других. Это вытекает хотя бы из того, что одним из компонентов военной доктрины Ирана является

строительство национальных вооруженных сил, коими, как завещал имам Хомейни, должна стать "Исламская армия 20 миллионов".

Однако для претворения в жизнь идеи создания подобной армии необходима соответствующая этим целям экономическая, научно-техническая база. Поэтому требовалось срочное восстановление совокупного военного потенциала и развитие его.

В конце 80-х годов произошло восстановление и реорганизация военной промышленности Ирана. Так, количество военных предприятий уже к 1985 г. по сравнению с 1975 г. увеличилось более чем в 1,5 раза, число занятых на них - почти в два раза (с 3,3 до почти 6 тыс.чел.). Была воссоздана Организация оборонной промышленности, объединившая почти 40 военных заводов, несколько десятков ремонтных мастерских, а также порядка 12 тыс. частных предприятий (различного масштаба), занимающихся военным производством.

Сегодня военная промышленность ИРИ включает практически все современные отрасли производства вооружения и военной техники: военно-химическую, ракетостроительную, авиационную, бронетанковую, артиллерийско-стрелковую, боеприпасную, кораблестроительную, радиоэлектронную.

Атомная промышленность Ирана еще полностью не сложилась и в настоящее время представлена лишь научно-исследовательскими центрами.

В последние годы Иран проводит активную работу по приобретению за рубежом современной научной технологии и новейшего оборудования, задействует высокоинтеллектуальный потенциал ученых-ядерщиков из многих стран мира. В различных масштабах и в разное время осуществляли ядерное сотрудничество с Ираном: Аргентина, Бельгия, Великобритания, Германия, Индия, Италия, Китай, Пакистан, Польша, Россия, Словакия, США, Украина, Франция, Чехия, Швейцария, Южная Африка. Кроме того, в первой половине 90-х годов были подписаны соответствующие соглашения по широкому кругу ядерных проблем с Северной Кореей. Американской и израильской спецслужбами отмечается активизация усилий Ирана по приобретению за рубежом (в том числе и в республиках бывшего СССР) оборудования и компонентов для непосредственного обогащения урана.

В осуществлении ядерных программ участвуют научно-исследовательские центры и другие объекты, входящие в систему "Организации атомной энергии Ирана", имеющие, по данным некоторых за-

падных спецслужб, специальное оборудование, которое может использоваться для производства обогащенного урана двойного назначения. По оценкам иностранных экспертов, в начале следующего века Иран, возможно, выйдет на последнюю стадию разработок, направленных на сборку первых ядерных зарядов, что в перспективе позволит ему стать ядерной державой.

Военно-химическая промышленность Ирана призвана компенсировать нынешнее отсутствие в арсеналах ВС ИРИ ядерного оружия путем активного производства другого вида оружия массового поражения (ОМП) - химических отравляющих веществ. Промышленное производство химического оружия было развернуто в Иране в начале 80-х годов во время войны с Ираком, где применялся этот метод ОМП. После окончания войны военно-политическим руководством страны была разработана и ныне активно осуществляется программа по производству боевых отравляющих веществ и химического оружия.

Ракетная промышленность ИРИ является наиболее динамично развивающейся отраслью, в которую направляются основные валютно-финансовые средства и технические кадры. С помощью Китая осуществляется НИОКР и производство твердотопливных тактических и оперативно-тактических ракет с дальностью до 200 км. Северная Корея оказала содействие Ирану в налаживании производства модификаций советских оперативно-тактических ракет "Скад-Б" (с дальностью полета до 300 км) и "Скад-С" (до 500 км), а также в разработке на базе жидкотопливных оперативных ракет типа "Нодонг-1", получивших в ИРИ название "Шихаб-3", с дальностью пуска до 1300 км. Кроме того, идут работы над "Шихаб-4" (с дальностью до 2000 км) и над стратегической баллистической межконтинентальной ракетой "Шихаб-5".

Кроме того, военные заводы Ирана освоили выпуск собственных зенитных систем на базе зенитных ракетных комплексов (ЗРК) "Хок", переносных зенитных ракетных комплексов (ПЗРК) "Стрела-2" и "Стингер". Достигнуто соглашение с Великобританией о приобретении технологии сборки в Иране зенитных управляемых ракет (ЗУР) "Рапира".

До 2000 года планируется существенно расширить производство ракетного оружия за счет модернизации имеющегося вооружения и перспективных образцов, а также налаживания лицензионного производства, в частности китайских оперативно-тактических ракет (ОТР) с разделяющейся головной частью, противотанковых управляемых ракет (ПТУР) "Тоу-Тандем",

"Тоу-2", "Милан", "Фагот", "Конкурс", ПЗРК "Игла-1м". Прорабатываются вопросы освоения производства противокорабельных ракет (ПКР) "С-801" (КНР).

Активное развитие ракетостроения в Иране не в последнюю очередь, видимо, объясняется перспективой создания собственного ядерного оружия и внедрением в войсковую практику химического оружия, что, в свою очередь, требует разнообразных современных средств доставки, в чем Иран испытывает острую нужду.

Авиационная промышленность Ирана представлена сборочными и ремонтными заводами, на которых производится ремонт закупленных в США самолетов F-4, F-5, F-14 и C-130, а также осуществляется монтаж вертолетов из комплектующих узлов и деталей американского, французского, итальянского производства.

Новым направлением развития авиационной промышленности Ирана является налаживание собственного производства авиационной техники. В частности, иранские специалисты на основе закупленных в Швейцарии турбовинтовых самолетов PC-7 создали легкий одномоторный учебно-тренировочный самолет "Фаджер" с дальностью полета 900 км. Сборка одного такого самолета экономит Ирану до 500 тыс. долларов США.

На предприятиях Организации военной промышленности создан одномоторный самолет "Парасту", оснащенный 20-мм авиационной пушкой и имеющий дальность полета 1300 км, освоена технология изготовления собственного вертолета "Шабавиз" на базе американской машины "AB-205".

Авиационная промышленность ИРИ производит также разведывательные беспилотные летательные аппараты нескольких типов: "Мохаджер-2" и "Абабиль".

В целом можно констатировать, что в настоящее время иранское авиастроение пока не в состоянии удовлетворить внутренние потребности страны в боевых машинах. Поэтому в ближайшей перспективе намечается ускорить процесс развития этой отрасли. В частности, освоить производство фюзеляжей и крыльев для российских самолетов МиГ-29 и наладить на базе американского вертолета АВ-206 выпуск собственного варианта - "Зофар-300". В дальнейшем планируется создать авиационное производство полного цикла на основе передовых иностранных технологий.

Бронетанковая промышленность Ирана представлена несколькими крупными танкоремонтными заводами, а также армейскими мастерскими.

Производится ремонт американских танков М-47, М-48, М-60, английских танков "Чифтен-Шир", а также осуществляется производство двигателей и танковых гусениц к ним. Налажена сборка бронетранспортеров, а также ремонт танков, советских и китайских образцов, производится модернизация танков Т-55. Начато изготовление колесных БТР, 60% деталей для которых выпускается в Иране. Освоен выпуск БТР "Барак", оснащенного 50-мм пушкой.

В ближайшей перспективе ИРИ планирует наладить сборку российских танков Т-72 и БМП-2, производство их ходовой части, корпусов, башен и двигателей, а также необходимых комплектующих узлов и деталей. Ожидается, что уже в ближайшие годы будет выпущено 1000 танков Т-72 и 1500 БМП-2. Кроме того, намечено развернуть лицензионное производство испанских бронетранспортеров, а также организовать выпуск бронетанковой техники собственной разработки. В частности, на базе иностранных танков сконструирован иранский танк "Зульфакар", который отдельными образцами уже начал производиться.

Артиллерийско-стрелковая промышленность включает значительное число предприятий, производящих безоткатные орудия, минометы, пулеметы, автоматические винтовки, пистолеты-пулеметы и автоматы типа "Узи" и АК, а также пистолеты. Выпускаются запасные части для большинства артиллерийских систем, находящихся на вооружении иранских ВС. Начато лицензионное производство зенитных установок ЗУ-23-2. Отработана технология процесса механообработки стволов 105-мм танковых пушек. Велась подготовка к лицензионному производству 122-мм и 130-мм орудий, 122-мм и 230-мм реактивных систем залпового огня (РСЗО). Налажено производство и ремонт некоторых видов артиллерийских оптических приборов.

В целом, предприятия отрасли могут ежегодно выпускать более 100 тыс. единиц стрелкового оружия, что позволило ИРИ достичь самообеспечения по всем основным видам стрелкового вооружения, а также полностью обеспечить потребности вооруженных сил в минометах. В перспективе намечено освоить производство новейших видов артиллерийского вооружения, особенно его самоходных систем.

Боеприпасная промышленность на фоне рассмотренных отраслей военной промышленности достигла наиболее высокого уровня. Выпуском боеприпасов в стране занято несколько крупных предприятий, специализирующихся на выпуске артиллерийских снарядов, ручных гранат и стрелковых бо-

е припасов, около 20 предприятий по изготовлению порохов и взрывчатых веществ.

Ежегодно отрасль способна производить более 500 тыс. различных видов снарядов, около 20 тыс. авиационных бомб, более 100 тыс. мин, свыше 60 млн. патронов, около 10 тыс. т взрывчатых веществ и порохов. В перспективе предполагается существенно расширить ассортимент производимой продукции и обеспечить выпуск боеприпасов для всех имеющихся и принимаемых на вооружение образцов оружия и военной техники.

Кораблестроение Ирана заметного развития пока не получило и ограничивается в основном: постройкой малотоннажных кораблей и судов, катеров и моторных лодок, оснащаемых легким вооружением. Так, освоен выпуск артиллерийских катеров, транспортных катеров типа "Фаджр-2", "Кербала", катеров "Ашура 2-1" и "Фатех", оснащенных средствами борьбы с воздушными целями.

В последнее время в отрасли наметилась тенденция к реализации технически более сложных проектов, в частности строительству сверхмалых подводных лодок и производству судов на воздушной подушке. Стоит вопрос о разработке и производстве с иностранной помощью крупнотоннажных боевых кораблей.

Военная радиоэлектронная промышленность в Иране стоит пока на недостаточном уровне. Ее основной продукцией является несложное радиотехническое оборудование связи и радиоэлектронной борьбы (РЭБ), включая радиостанции малой и средней мощности, коммутаторы и телефонные аппараты, а также вычислительная техника и персональные компьютеры малого и среднего класса. Вместе с тем, в ближайшем будущем предполагается наладить лицензионное производство современного радиоэлектронного оборудования и средств связи. Так, уже сегодня действует завод электронной промышленности, созданный при техническом содействии компаний "Хьюз эркрафт" и "Вестингауз дифенс энд электрик систем сентер". Он выполняет работы по ремонту и испытаниям сложной авиационной и морской электронной аппаратуры.

В Иране для создания и ремонта оружия и военной техники также широко используются мощности отдельных гражданских предприятий, выпускающих продукцию военного назначения.

Необходимо признать, что военное производство Ирана полностью и окончательно еще не сформировалось, что объясняется недостаточным

уровнем развития базовых отраслей промышленности. Однако взрывообразный скачок в развитии военной промышленности, а значит и военно-экономического и военного научно-технического потенциалов за 20 послереволюционных лет несомненен.

К середине 90-х годов Иран за счет собственного производства более чем на 85-90% удовлетворял потребности своих вооруженных сил в стрелковом вооружении и боеприпасах. Более того, производственные мощности военной промышленности ИРИ позволяли осуществлять поставки на экспорт некоторых видов стрелкового оружия, боеприпасов, отдельных артиллерийских систем. По остальным видам оружия и военной техники (ОВТ) Иран в значительной степени зависит от поставок ОВТ из-за рубежа, а также от внедрения иностранных технологий в своей военной промышленности.

С целью достижения более полного самообеспечения в военной области определены следующие направления развития оборонной промышленности ИРИ:

- закупка и изучение технологий, развертывание выпуска заимствованных образцов оружия и боевой техники, особенно ракетных систем;
- активизация НИОКР в военной области с использованием результатов исследований, проводимых за рубежом;
- освоение технологий среднего и капитального ремонта всех видов оружия и военной техники;
- расширение номенклатуры и увеличение объемов производства запасных частей, узлов и агрегатов для сложных видов военной техники;
- дальнейшее наращивание производства боеприпасов для всех видов и систем вооружений.

Совершенствование и укрепление военно-экономического и военного научно-технического потенциала Ирана в последнее десятилетие позволило иранскому руководству, можно сказать, реанимировать, а то и создать заново военно-промышленный комплекс страны, и тем самым расширить возможности по модернизации вооруженных сил, повышению их боеспособности и боеготовности, по оснащению современным вооружением и военной техникой и так далее, то есть по укреплению собственно военного потенциала страны, а точнее - вооруженных сил. И здесь возникает вопрос: "Какую армию унаследовал новый, исламский режим?"

Следует вспомнить, что менее чем за десять предреволюционных лет шах, благодаря удачно сложившейся нефтяной и политической конъюнктуре

смог превратить свою армию в самую мощную по тому времени на Ближнем и Среднем Востоке. Так, за этот период численность личного состава иранских вооруженных сил возросла в 2,5 раза (со 161 тыс. человек в 1970 г. до 415 тыс. в 1978 г.).

За этот же период значительно увеличился боевой состав ВС Ирана. Особенно глубокие изменения произошли в ВВС и ПВО. Так, если в 1970 г. в стране насчитывалось три истребительно-авиационные базы, то в 1978 г. их число возросло до девяти. Более чем удвоилось количество эскадрилий тактической авиации, в четыре раза стало больше эскадрилий вспомогательной авиации. В целом боевой состав ВВС Ирана вырос более чем в два раза.

Усилилась ПВО. Количество отдельных ракетно-артиллерийских дивизионов возросло за восемь лет с шести до одиннадцати.

Произошли изменения и в боевом составе сухопутных войск: возросло число бронетанковых дивизий, были организованы бригады ВДВ и специального назначения - "коммандос", создано командование армейской авиацией.

Наряду с увеличением численности и ростом боевого состава соединений и частей наблюдалось заметное повышение их боевых возможностей.

В 70-е годы произошли кардинальные изменения и в структуре вооружений и боевой техники иранской армии. С 1947 по 1969 гг. американцы поставляли в Иран военную технику в основном в рамках программы безвозмездной помощи. С 1970 г., когда финансовые возможности Ирана резко возросли, США стали снабжать Иран военной техникой на коммерческой основе. За 10 лет США продали Ирану оружия и военной техники на сумму почти 20 млрд. долларов. Кроме США, современную военную технику поставляли шахскому Ирану Великобритания, СССР, Франция, Италия и некоторые другие страны.

В результате крупномасштабных военных закупок за рубежом уже к концу 70-х годов иранские вооруженные силы располагали мощным арсеналом современного оружия и военной техники: танками "Чифтен", М-60, модернизированными М-47, легкими танками "Скорпион", а также бронемашинами "Фокс" и "Феррет", новейшими артиллерийскими системами, вертолетами огневой поддержки. ВВС и ПВО получили самую современную авиационную и ракетную технику. В 1979 г. на вооружении ВВС находились истребители - бомбардировщики F-4 "Фантом", истребители F-5E "Тайгер-2", новейшие истребители, F-14 "Томкэт" и другие машины. Кроме того, в ВВС имелись транспортные самолеты C-130 "Геркулес" и несколько самолетов-

заправщиков. ПВО была представлена зенитно-ракетными комплексами "Рапира" и "Хок". В ВМС увеличилось число боевых катеров, судов на воздушной подушке, самолетов базовой патрульной авиации "Орион".

В течение 70-х годов шахское командование уделяло большое внимание боевой подготовке личного состава своих вооруженных сил. Немалую роль в этом играли американские военные советники, инструкторы, технические специалисты. Их общее число в 1977 г. достигло 7680 человек, из которых 1300 человек были кадровыми военнослужащими вооруженных сил США.

Определенное влияние на уровень боевой подготовки оказывал и тот факт, что значительная часть офицерского состава ВС Ирана прошла подготовку в военно-учебных заведениях США, Великобритании и других стран. В 1976 г. в США обучалось 2865 иранских военнослужащих, что было в четыре раза больше, чем в 1970 г.

За 70-е годы возросли количество и интенсивность проводимых учений и маневров как по национальным программам, так и в рамках СЕНТО.

Политика шахского руководства, направленная на наращивание военной мощи страны, принесла определенные плоды: по многим показателям и характеристикам иранская армия вышла в число самых современных и наиболее хорошо оснащенных армий Ближнего и Среднего Востока. Однако победа исламской революции в феврале 1979 г. наглядно продемонстрировала, что эта "шахиншахская армия" была не в состоянии спасти шахский трон.

Исламская революция и курс на создание армии нового типа

Придя к власти в Иране, исламское руководство в течение первых же месяцев своего правления провело ряд мероприятий в рамках новой военной политики. Так, прекратилась деятельность в иранской армии американских военных советников и специалистов, аннулированы некоторые контракты на поставку вооружения из США, приостановлено строительство военных объектов, почти наполовину сокращен военный бюджет, Иран вышел из блока СЕНТО, тем самым ускорив его полный развал, вывел свои экспедиционные войска из Омана, рассекретил американские разведывательные базы и центры на своей территории.

При этом, клерикальное руководство Исламской Республики Иран приняло решение сохранить организационную структуру бывшей шахской армии, подчинить войска себе, одновременно отстранить их от участия в политиче-

ской жизни. Для этого был практически полностью заменен весь высший командный состав и проведены массовые чистки в низовых звеньях.

Несмотря на усилия исламских властей, пытавшихся, с одной стороны, удержать армию под своим контролем, с другой - сохранить ее боеспособность, революция нанесла сильнейший удар по вооруженным силам страны. Они почти полностью потеряли свою боеспособность, были дезорганизованы и деморализованы. К началу войны с Ираком (сентябрь 1980 г.) укомплектованность иранской армии офицерским составом была 45-55% штатного расписания, рядовым и сержантским - 60-70%. Около 45% оружия и военной техники было в небоеспособном состоянии.

Как уже говорилось выше, ирано-иракская война стала мощным импульсом для активизации программ военного строительства в послереволюционном Иране. Однако полностью положиться на регулярную армию, "запятнавшую" себя тесными связями со свергнутом шахским режимом, иранское духовенство не хотело и не могло. Поэтому оно приступает к созданию альтернативных вооруженных формирований, полностью преданных идеям хомейнизма.

Таким формированием стал Корпус стражей исламской революции (КСИР), созданный в мае 1979 г. В его отряды было зачислено около 10 тыс. добровольцев из числа фанатично преданных имаму Хомейни и идеям исламской революции представителей иранской молодежи. Вначале КСИР представлял собой милиционное военизированное формирование с независимой от армии системой управления. Уже в первые месяцы ирано-иракской войны шиитские клерикалы вскрыли большие потенциальные политические, военные и карательно-репрессивные возможности КСИР и наметили пути превращения Корпуса в основную силу в системе регулярных вооруженных формирований ИРИ. Так, за 20 послереволюционных лет Корпус стражей исламской революции превратился в мощное регулярное формирование, имеющее в своем составе собственные сухопутные войска, ВВС, ВМС, а также Силы сопротивления "басидж", то есть народное ополчение, и диверсионно-террористические Силы специального назначения "Кодс". Причем, именно Корпус контролирует главную ударную силу ИРИ - ракетные войска, которые входят в состав его военно-воздушных сил. Таким образом, КСИР, обладая почти половиной личного состава всех вооруженных сил Ирана, стал (наряду с Армией) их важнейшей составной частью.

Начался процесс полномасштабной и тотальной исламизации Армии, военные реформы проводились в условиях войны. В результате - уже с 1982 г. боеготовность армии стала повышаться. За время войны с Ираком улучшилась организационная структура Армии, увеличилось число дивизий и отдельных бригад. Стало более эффективным управление войсками, хорошо зарекомендовали себя в боевых действиях объединенные штабы оперативных групп, включающих представителей Армии, КСИР и "басидж". За годы войны увеличились поставки в Армию оружия и военной техники. Было частично налажено ее производство и ремонт на базе восстанавливаемых мощностей военно-промышленного комплекса. В условиях международного эмбарго использовались также легальные, полунелегальные и нелегальные каналы закупок военной техники и запчастей к ней за границей. Только в период с 1979 по 1986 год такие страны, как Аргентина, Бразилия, Вьетнам, Израиль, Индия, Исландия, Италия, Китай, Ливия, Нидерланды, Пакистан, Польша, Португалия, Северная Корея, Сирия, СССР, США, Тайвань, Франция, Чехословакия, Чили, Швейцария, Швеция, Эфиопия, Южная Корея, Япония продали Ирану оружия на сумму более 15,7 млрд. долларов. Поэтому, несмотря на большие потери, число единиц оружия и военной техники возросло. Одновременно усиливалась религиозная обработка личного состава Армии. Во всех звеньях вооруженных сил насаждалось и укреплялось административное звено так называемых исламских представителей, по сути - мусульманских комиссаров.

Таким образом, развитие вооруженных сил Исламской Республики Иран в восьмидесятых и девяностых годах шло по нескольким направлениям: первое - воссоздание и исламизация Армии; второе - организация и приоритетное развитие КСИР; третье - образование и укрепление народного ополчения "басидж".

Исламская армия нового типа

Действительно, в Исламской Республике Иран были созданы истинно исламские вооруженные силы - одни из крупнейших в мире. Главная их особенность есть то, что они состоят из двух компонентов, двух независимых регулярных вооруженных формирований - Армии и Корпуса стражей исламской революции, каждое из которых обладает собственными видами ВС: сухопутными войсками, ВВС и ВМС. Мы уже отмечали, что численность совокупных регулярных вооруженных сил Ирана составляет порядка 800 тысяч человек (по некоторым данным - 700-750 тысяч), из которых (в Армии и КСИР) в сухо-

путных войсках служат около 670 тыс. человек; в ВВС - около 100 тыс., более 30 тыс. - в ВМС, а также - порядка 135 тыс. - в Силах сопротивления "Басидж" (ССБ) - народное ополчение - и 15 тыс. в Силах специального назначения (ССН) "Кодс".

В сухопутных войсках имеется пехота (мотопехота), механизированные, бронетанковые войска, артиллерия и ракетные части, зенитные, воздушно-десантные, десантно-штурмовые и инженерные войска, войска связи, а также армейская авиация, службы тылового обеспечения.

ВВС представлены родами авиации (истребительной, бомбардировочной, разведывательной, вспомогательной: военно-транспортной, заправочной, связи и управления, учебно-тренировочной), силами ПВО, включающими зенитно-ракетные, зенитно-артиллерийские и радиотехнические подразделения, а также части оперативно-тактических ракет (ВВС КСИР).

ВМС включают рода сил: надводные, подводные, авиацию ВМС, морскую пехоту, части противокорабельных ракет, морскую охрану, береговые службы и службы тыла.

Вооруженные силы ИРИ, как мы уже подчеркивали, оснащены современным вооружением и боевой техникой. Иностранные военные аналитики отмечают, что боевая мощь исламского Ирана по своим количественным и качественным характеристикам в 2-2,5 раза превосходит возможности армии шахского Ирана.

Таким образом, военно-политическому руководству ИРИ удалось за 20 лет в условиях войны и экономического кризиса воссоздать военную экономику, модернизировать ее, а вооруженные силы превратить в одни из самых мощных на Ближнем и Среднем Востоке, по многим показателям превосходящие те, о которых даже не мог мечтать амбициозный шах Мохаммад Реза Пехлеви, стремившийся к превращению Ирана в супердержаву региона.

В этом плане показателен даже поверхностный сравнительный анализ численного и боевого состава вооруженных сил шахского и исламского Ирана в наиболее переломные годы истории страны.

Численный состав вооруженных сил (тыс. чел)

	1970	1978	1980	1998*
всего	161	415	190	800
сухопутные	135	285	130	670
воен-возд.	17	100	40	100
воен-мор.	9	30	20	30

*армия и КСИР. Кроме того, численность "Басидж"-135тысяч.

В оснащении вооружением и военной техникой соединений и частей ВС ИРИ произошли следующие изменения: (в единицах)

	1970	1978	1980	1998
пусковые установки ОТР**	-	-	-	32
пусковые установки ТР**	-	-	-	84
пусковые установки ПКР**	-	-	-	30
боевые танки		1800	1300	2400
орудия полевой артиллерии		1400	900	1800
РСЗО*		100	70	700
минометы	-	1400	900	4000
противотанковые средства		1900	1000	1800
самолеты боевой авиации		445	180	300
боевые вертолеты		80	50	375
пусковые установки ЗУР		9		164
надводные боевые корабли	7	7	7	29
подводные лодки	-	-	-	3
боевые катера	30	45	30	170

*ОТР-оперативно-тактические ракеты. ТР-тактические ракеты. ПКР-противокорабельные ракеты. РСЗО-реактивные системы залпового огня.

Приведенные в таблице цифры наглядно демонстрируют, что, несмотря на глубокий кризис иранской армии, возникший вследствие революционных событий конца 70-х годов, пришедшему к власти в стране в результате исламской революции духовенству удалось в исторически короткие сроки, в условиях войны с Ираком, при огромных экономических и финансовых трудностях, не только восстановить, но и значительно превзойти мощь шахиншахских вооруженных сил практически по всем показателям.

Однако эта победа исламского режима, свидетельствующая об усилении собственно военного потенциала ИРИ, была бы невозможна, как мы уже отмечали, без воссоздания и укрепления военно-экономического и военного научно-технического потенциалов страны при активизации и абсолютизации морально-политического, или исламского, фактора.

Вновь возникает вопрос: против какого врага нацелена вся эта военная мощь? Откуда исходят угрозы Ирану?

Для понимания этого вопроса необходимо бросить взгляд на геополитическое положение Исламской Республики Иран. С севера - бывшие республики СССР, ставшие независимыми государствами, явно предрасположенные к влиянию извне: турецкому, американскому, израильскому - в целом антииранскому. С востока - раздираемый внутренними противоречиями Афганистан, находящийся под контролем политических и идеологических про-

тивников ИРИ - талибов, превративших эту страну в мировой центр наркобизнеса, опасно накрывающий и Иран; а также Пакистан со своими ракетно-ядерными амбициями. С юга - арабские режимы, испытывающие влияние США и Израиля, с элементом американского военного присутствия. С запада - Ирак - мировой центр напряженности, притягивающий к себе военные, экономические и политические интересы "главного сатаны" - США; Турция - их же союзник.

Однако, выделяя из всех потенциальных иранских противников главных, получаем в остатке США и Израиль. Угрожают ли они Ирану? Конечно, на идеологическом уровне они антагонисты. Но переходят ли у них идеологические разногласия с Ираном в желание превратить их в военное противостояние и конфронтацию? - Будем говорить прямо: сомнительно. Изучение аналитических статей западных авторов свидетельствует о том, что Запад, включая и Израиль, с ужасом наблюдает за развитием ракетно-ядерных программ ИРИ. Дрожащими руками израильские и американские генералы циркулями вычерчивают радиусы действий иранских ракет, определяя, какие следующие страны будет способна накрыть очередная новая иранская ракета. И надо сказать, причины для беспокойства есть: ракетно-ядерные амбиции ИРИ - это не миф, это реальность. Иран, как было сказано выше, разработал оперативную ракету "Шихаб-3", активно ведет работы над "Шихаб-4" и над баллистической межконтинентальной ракетой "Шихаб-5". Совершенно ясно, что эти чрезвычайно дорогостоящие оперативные и стратегические носители создаются не для того, чтобы начинать их боеголовки обычными фугасами. Более того, Иран, по мнению специалистов Центра исследований в области нераспространения ядерного оружия (США), "имеет планы освоить ядерные технологии военно-прикладного характера, обладает оборудованием для производства компонентов ядерного оружия и их совершенствования", то есть близок к финишной прямой, в конце которой - обладание ракетно-ядерным оружием. Вне всякого сомнения, США и Израиль сделают все, включая использование военной силы, чтобы не допустить появления в Иране даже зародыша ядерного устройства. А такой недопустимый сценарий взорвет шаткий мир не только на Ближнем и Среднем Востоке, что в стратегической перспективе невыгодно ни американцам, ни израильтянам. С другой стороны, как известно, ни США, ни Израиль, хотя и не имеют с ИРИ дипломатических отношений, не подвергают сомнению легитимность нынешнего режима в Иране. Скорее они ждут и надеются на постепенную трансформацию

исламского режима в менее идеологизированный (точнее - исламизированный, что одно и то же), на свертывание ракетно-ядерной программы, на признание властями Тегерана недопустимости экспорта исламской революции в другие страны (что в их понимании ассоциируется с исламским терроризмом), на отход Ирана от антизападнической политики, на более быстрое и эффективное вхождение ИРИ в мировой рынок.

Иран же, в свою очередь, не признает легитимность существования Израиля. Более того, Иран видит в США и Израиле - главное препятствие на пути осуществления своей политики в регионе. Однако, совершенно очевидно, в Тегеране отчетливо понимают, что прямое военное столкновение с США, Израилем малоперспективно - воевать с ними на современном информационно-технологическом уровне у Ирана нет никаких возможностей. Однако, обладая могучим совокупным военным потенциалом (в масштабах Ближнего и Среднего Востока), включая сюда и мощные вооруженные силы, и ненавязчиво намекая на ракетно-ядерное оружие, можно более успешно вести диалоги и с Европой, и с Америкой, и с соседями, все более утверждаясь сверхдержавой региона.

В итоге можно сказать, что с Запада, из США для клерикального режима Ирана исходят, прежде всего, две угрозы: угроза взаимного непонимания (то есть по большому счету междивизициационная проблема) и, во-вторых, идеологическая угроза. Ведь развитие даже торгово-экономических связей с западными странами объективно несет семена постепенной либерализации, с расширением контактов между людьми с Запада неминуемо идут философские концепции, идеи, наконец нравы, совершенно несовместимые с исламом. Они-то и подтачивают политико-идеологические стержни шиитского режима в Иране. И в этом главная опасность для Исламской Республики.

Что же касается военных угроз, то, если абстрагироваться от гипотетической возможности нанесения в будущем со стороны США или Израиля превентивного удара по ракетно-ядерным научным центрам ИРИ с целью воспрепятствования завершению разработок ядерных зарядов, в настоящее время реальны, по нашему мнению, две. Наиболее возможная из них - Афганистан, точнее Исламское движение Талибан, которые официально объявило Иран своим основным внешним врагом (наряду с Индией и Россией). Другая, безусловно, чрезвычайно маловероятная угроза исходит с юга, где у Ирана, несмотря на большие усилия по наведению мостов с арабами Персидского залива, не решены многие острые проблемы. Однако здесь, мы на-

деемся, вряд ли дело дойдет до вооруженных конфликтов. На наш взгляд, непосредственной, реальной стратегической военной угрозы Ирану сегодня не существует. И вновь возникает вопрос: зачем Ирану такие сверхтяжелые нагрузки, связанные с восстановлением и поддержанием в боевой готовности своей военной мощи? Понятно, в первые годы существования ИРИ была жизненная необходимость вооруженным путем защищать страну, завоевания исламской революции и готовиться к ее экспорту в другие страны. Однако ко второй половине двадцатилетия политика руководства ИРИ под влиянием объективных обстоятельств определенным образом стала меняться.

Некоторые черты эволюции исламского правления в Иране за 20 лет

После окончания ирано-иракской войны потенциал централизованной системы, созданной аятоллой Хомейни, был практически исчерпан. Для дальнейшего развития и укрепления его требовались реформы. Это отчетливо понимали бывший президент Рафсанджани, нынешний президент Хатами и их сторонники. Особенно решительно пошел на реконструкцию Мохаммад Хатами. Продуманный и осторожный политический курс президента Хатами, направленный во внутренней жизни на активизацию реформ, расширение сферы демократии; во внешней политике - на прорыв полублокады, на выход из самоизоляции, на открытость исламского Ирана всему миру, и при всем этом не направленный на опасную демонстративную конфронтацию с радикально фундаменталистскими кругами внутри страны, вызывает одобрение у Запада, где президента ИРИ уже называют "Горбачев-аятолла". Посмотрим, насколько политика Хатами в глубинной своей сути аналогична политике Горбачева.

По всей вероятности, дело обстоит не совсем так. Мы здесь оставляем для будущих исследователей причины, поводы, побудительные мотивы, движущие факторы, подводные течения политики этих двух лидеров, абстрагируемся, наконец от места и времени, на которые падают их деяния. Ограничимся лишь кратким рассмотрением влияния, которое оказала политика двух президентов на внутреннюю систему своих стран, на место и роль этих стран в мире.

Первый и последний президент Советского Союза М.С.Горбачев, поняв пагубность и тупиковость дальнейшего развития СССР по пути, проложенному его предшественниками, осознанно или неосознанно решился на реформы, которые с самого начала стали подтачивать "несущие конструк-

ции" коммунистического тоталитарного режима: "абсолютизм" генерального секретаря КПСС; господство одной государственной идеологии - марксизма-ленинизма; всеислие одной государственной партии - КПСС; могущество тайной полиции, охранных отрядов партии - КГБ; централизацию административно-хозяйственного управления экономикой. Во внешней политике М.С.Горбачев, провозгласив приоритет общечеловеческих ценностей, в прямом и переносном смысле разрушил Берлинскую стену, разделяющую Восток и Запад в политическом и идеологическом плане. Он выдвинул идею единого "европейского дома", идею единства мира. Новая Россия стала (не в последнюю очередь, благодаря Горбачеву) государством, провозглашающим общемировые демократические ценности.

В отличие от Горбачева, президент ИРИ Мохаммад Хатами не идет на радикальные шаги. Он пытается реформировать режим, не меняя его "несущих конструкций", оставляя неизменными идеологические константы. Во внешнеполитической сфере, выдвинув идею "диалога цивилизаций", г-н Хатами априори разделил мир по принципу: мы - они, свои - чужие. Хотя, безусловно, внес миротворческое начало в проблему взаимосвязей цивилизаций. Это более оптимистичный взгляд в будущее в отличие от взглядов знаменитого Сэмюэля Хантингтона, считающего, что "столкновение цивилизаций будет доминировать в мировой политике". По сути, президент Ирана декларирует новую редакцию "политики мирного сосуществования", провозглашенную лидером СССР Никитой Сергеевичем Хрущевым в конце 50-х годов. "Политика мирного сосуществования" рассматривалась идеологами ЦК КПСС как продолжение классовой борьбы между социализмом и капитализмом новыми (в отличие от Сталина) методами в новой исторической эпохе. Предполагалось, наращивая военную и экономическую мощь СССР, не допустить при этом возможности возникновения большой ядерной войны, развивать в допустимых пределах (экономически выгодных Москве) отношения с Западом, при этом одновременно всемерно усиливать идеологическую войну против него, создавать условия для возникновения просоветских режимов по всему миру и насколько возможно оказывать им помощь. То есть, по большому счету, ставка Москвы делалась на экспорт социалистической (или народной, или демократической, или национально-освободительной), но обязательно просоветской революции мирным путем.

Таким образом, нам кажется, что позитивная идея президента Хатами о "диалоге цивилизаций" является, в определенном смысле, аналогом хру-

щевской идее "мирного сосуществования". В том и другом случае мировыми субъектами являются коалиции, образуемые по классовому или цивилизационному признаку. Во внутренней политике схожесть Хрущева и Хатами также поразительна: ведь Хрущев, не посягая на основополагающие принципы коммунистической тоталитарной системы, существовавшей в СССР, пытался лишь "очеловечить" ее, реформировав наиболее одиозные элементы, доставшиеся в наследство от тиранического сталинского режима. Впоследствии период осуществления этой хрущевской политики назовут "оттепелью". Подводя итоги сказанному, мы вполне можем сравнить президента ИРИ Хатами не с президентом Горбачевым, а с первым секретарем ЦК КПСС Хрущевым.

Да, вне всякого сомнения, за 20 лет существования исламский режим в Иране эволюционировал, но эта эволюция заключается, по нашему мнению, пока лишь в расширении рамок дозволенного в огромном пространстве исламских ограничений (политических, экономических, социальных), и санкционирована она лишь с целью сохранения жизнеспособности и укрепления существующего режима, без его решительного слома. Более того, позитивные (в общегуманитарном понимании) перемены, которые ознаменовались такими поистине демократическими явлениями, как всеобщие альтернативные выборы в местные органы власти, явились результатом победы прагматиков, считающих, что продолжение революционной политики начала 80-х годов может привести к гибели самого строя. Поэтому объективно прагматики спасают исламский режим в Иране.

В этой связи осмелюсь утверждать, что, несмотря на несомненно значительную эволюцию исламского правления в ИРИ за 20 лет ее существования и особенно титаническую и архисложную работу президента Хатами и поддерживающей его группировки, власть в ИРИ остается по характеру тоталитарной, поскольку те черты, которые определяют политическое содержание режима, практически не подверглись изменениям, (или изменились незначительно). Это - наличие харизматического лидера (рахбара), сконцентрировавшего в своих руках высшую духовную и светскую, в том числе и военную власть; господство одной, единой государственной идеологии; наличие "главной" партии Хезболла; наличие и активная деятельность "вооруженных охранных партийных отрядов - Корпуса стражей исламской революции; определяющая роль государства в экономике и т.д. Здесь просто еще раз подтверждается сходство реформистских инициатив иранских исламских прагматиков и сторонников Хрущева. И те, и другие стремились, не

меня конструкции режима, его идеологической формы, вложить в нее новое современное содержание, отвечающее политическим, экономическим и технологическим вызовам эпохи. Справедливости ради надо отметить, что как при Хрущеве в СССР, так и в ИРИ при Хатами на расширяющемся поле политического и экономического либерализма стали все активнее пробиваться ростки демократических свобод, именно в общечеловеческом, а не узко шитском (или коммунистическом) понимании этих явлений. Правда, нужно учесть, что Хрущев и Хатами не равновелики по политическому весу. Хатами не обладает всей полнотой власти, какая была у Хрущева. В руках консервативных кругов все еще находятся многие рычаги управления государством. Не Хатами, а духовный лидер ИРИ (рахбар) Али Хаменеи контролирует оборонную политику, специальные службы, судебную систему и примерно 80% экономики Ирана через исламские фонды. Сила же Хатами как политика в том, что его поддерживает более 70% населения страны, прежде всего молодежь, а значит за ним будущее.

Таким образом, постепенно "фундаменталистская радикальность" военно-политической доктрины и соответственно политики исламского руководства ИРИ сменяется взвешенностью и умеренностью. Может быть, уже отпала необходимость для ИРИ наращивать свою военную мощь вплоть до обладания ракетно-ядерным оружием?

Военная мощь ИРИ как перманентный фактор национальной политики

Постепенный переход Ирана от войны к миру, от радикализма к умеренности, от самоизоляции к открытости, от конфронтации к диалогу по логике предполагал снижение уровня военных претензий и соответственно милитаристских приготовлений. Но... формируемая ныне внешнеполитическая доктрина, основанная на "диалоге цивилизаций", требует мощного военного потенциала страны. Поскольку диалоги принято вести, имея за собой реальную силу, Иран, как было показано выше, воссоздал свою военную мощь прямо из пепла не в последнюю очередь, чтобы претворять в жизнь национально-доктринальные положения, во многом определенные географическим положением страны и ее историческим самосознанием.

Весь парадокс новейшей истории Ирана заключается в том, что именно исламские революционеры, свергнувшие шаха, через двадцать лет осуществили то, о чем лишь мечтал шах, превратив Иран в супердержаву региона. А быть может, дело здесь не в парадоксах истории, а в том, что и шах,

и шиитское духовенство вели (а духовенство продолжает вести) Иран - словами шаха Мохаммада Резы Пехлеви - "к великой цивилизации". Различает их лишь понимание сути этой "великой цивилизации". Ну а промежуточные цели едины - во-первых, решение внутрииранских задач, в частности обеспечение военно-политической стабильности государства, создание независимой экономики с развитой промышленностью, в том числе и военной, строительство мощных вооруженных сил; и, во-вторых, превращение Ирана (шахиншахского или исламского) в региональный центр силы путем достижения на Ближнем и Среднем Востоке военно-политического, военно-экономического и собственно военного лидерства. Исламская Республика Иран всего за 20 лет своего существования смогла под руководством шиитского духовенства выполнить многие политические, экономические, социальные и военные задачи, которые не смог осуществить шахский режим за долгие годы.

Военная мощь Ирана восстановлена из пепла и превращена в твердый алмаз ее новой стратегической концепции. Глобальные политические реальности сегодняшнего дня ставят сложные задачи перед иранским духовенством, которые могут быть решены только путем внешне- и внутриполитических реформ. Причем, по мнению руководства страны, реформы должны базироваться на примате военной силы.

Президент ИРИ Мохаммад Хатами очень гармонично и последовательно проводит их, превращая ИРИ в современное государство со своей религиозной спецификой, которое вне всякого сомнения, станет важнейшим политическим, экономическим и военным фактором XXI века не только в регионе Ближнего и Среднего Востока, но и всего мира.

Использованная литература:

Исламская Республика Иран в 90-е годы (экономика, политика, культура). М., 1998.

Иран: эволюция исламского правления. М., 1998.

БАГДАСАРОВ С. - Перспективы военного производства в ИРИ: - Спец. бюллетень № 3 (242), ИВАН СССР: - М., 1986.

БАГДАСАРОВ С. - Экономический аспект военной политики ИРИ: - Спец. бюллетень № 5 (256), ИВАН СССР: - М., 1988.

БАГДАСАРОВ С.Б. и ЧАВУШЬЯН А.Н. - Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока (информационно-аналитический справочник). М., 1998.

ВЕСНА СВОБОДЫ: К годовщине победы исламской революции в Иране; - изд. Пресс-отдел Посольства Исламской Республики Иран в России: - М., 1994.

МАМЕДОВА Н.М. - Экономическое развитие Ирана в 90-е годы - достижения и проблемы: - Исламская Республика Иран в 90-е годы (экономика, политика, культура).

САЖИН В.И. - Ирано-иракская война (1980-1988 гг.) М., 1990.

САЖИН В.И. - Сухопутные войска Ирана: журнал "Зарубежное военное обозрение", № 12, 1997.

САЖИН В.И. - Военно-морские силы Ирана: журнал "Зарубежное военное обозрение", № 5, 1998.

САЖИН В.И. - Военно-воздушные силы Ирана: журнал "Зарубежное военное обозрение", № 8, 1998.

CHUBIN, Shahrām. - Iran's National Security Policy: Washington, DC, 1994.

CORDESMAN, Anthony H. - The Iranian and Iraqi Military Balance: Key Trends. - Center for Strategic and International Studies: - Wwshington, DC, January, 1998.

CORDESMAN, Anthony H. - Iran and Iraq: The Threat from the Northern Gulf: - Westview Press: - Boulder-San Francisco-Oxford, 1994.

CORDESMAN, Anthony H. - The Iran - Iraq War & Western Security 1984 - 87: Strategic Implication and Policy Option. - The Royal United Services Institute for Defence Studies: Jane's: London, 1987.

EISENSTADT, Michael. - Iranian Military Power: Capabilities and Intention. - The Washington Institute for Near East Policy: - Washington, DC, 1996.

ESPOSITO, John L. - Islam & Politics: Syracuse University Press, New York, 1991.

JANE'S. 1995-96.

IRAN AND THE GULF: A Search for Stability. Edited by Jamal S. Al-Suwaidi - The Emirates Center for Strategic Studies and Research: - Abu Dhabi, UAE, 1996.

KOCH Andrew & WOLF Jeanette. - Iran's Nuclear Facilities: A Profile: - Monterey: Center for Nonproliferation Studies: - Monterey, 1998.

The MILITARY BALANCE. - The International Institute for Strategic Studies: - London.

SCHIRAZI, Asghar. - The Constitution of Iran: Politics & the State in the Islamic Republic: - I.B.Tauris Publishers - London. New York, 1997.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРАНА – 90-е ГОДЫ

Внешнеполитический курс Исламской Республики Иран не является статичным, он испытывает воздействие постоянно меняющихся внутренних экономических и политических условий страны и важных сдвигов на международной арене. Основные направления внешней политики ИРИ вытекают прежде всего из особенностей правительства шиитского духовенства, которое находится у власти в Иране. На первое место в идеологическом обосновании внешнеполитического курса ИРИ выходят общемусульманские, исламские интересы.

В течение всего двадцатилетнего существования исламского правления в Иране внешний фактор играл значительную, а иногда и решающую роль в политике ИРИ.

Можно даже проследить тенденцию, когда в наиболее острые политические моменты существования ИРИ внешнеполитический фактор выдвигался на передний план, и исламское правительство пыталось выйти с его помощью из внутривнутриполитического кризиса.

Исламское руководство за годы своего существования претерпело существенную эволюцию, модификацию и пересмотр ряда положений, которые сдерживали экономическое, социальное, политическое развитие страны. С начала 90-х годов происходят наиболее отчетливые изменения во внешнеполитическом курсе Ирана, что связано как с внутренними, так и внешними факторами.

Изменившаяся международная обстановка, распад СССР, прекращение противостояния двух великих держав привели к пересмотру внешнеполитических концепций и поиску новых направлений внешней политики Ирана.

Один из главных принципов внешней политики ИРИ – «ни Запад, ни Восток, а ислам» - видоизменился. Иранская традиционная внешнеполитическая концепция балансирования между двумя соперничающими силами (в XIX в. между Россией и Англией, с середины XX в. – США и СССР) стала неприемлема в новом мировом порядке¹.

Претерпел изменения и другой внешнеполитический принцип – экспорт исламской революции в другие страны, ограничившись распространением и пропагандой исламской культуры в мире.

Главный упор во внешней политике направлен уже не во вне Ирана, как было ранее, а на обеспечение внутренней безопасности страны и ее территориальной целостности, поддержание добрососедских отношений с граничащими с ИРИ государствами.

В результате прихода к власти президента Хашеми- Рафсанджани в 1989 г., который являлся сторонником прагматичного внешнеполитического курса, удалось сделать политику Ирана более гибкой и умеренной как во внутреннем, так и во внешнем плане. Можно говорить о том, что внешняя политика ИРИ утратила резкий радикализм, характерный для 80-х годов.

Но наличие в Иране некоторых расхождений в правящей элите по проблемам экономики, внешней политики, практике ислама мешают выработке стабильного, демократического внешнеполитического курса. Президенту Хашеми-Рафсанджани не удалось преодолеть влияние консервативной оппозиции в отношении таких важных для Ирана вопросов, как налаживание отношений с США, несмотря на неоднократные его попытки. Иран продолжает выступать против мирного процесса на Ближнем Востоке и существования государства Израиль, не отказался он и от поддержки радикальных исламских организаций².

Все это затрудняет активное участие Ирана в международном сообществе и дает возможность США и ряду европейских держав выдвигать определенные претензии к иранскому правительству, объявлять экономическую и политическую блокаду и другие санкции.

С приходом в мае 1997 г. к власти нового президента Мохаммада Хатами положение стало меняться. В своих предвыборных выступлениях он обещал модернизировать, демократизировать Иран, подчеркивал необходимость сближения культур и цивилизаций, говорил об открытости Ирана, его готовности иметь добрые отношения с любой страной.

С начала своей деятельности наибольшее внимание уделил Хатами внешней политике ИРИ, ее отношениям с внешним миром. В одном из первых своих интервью телекомпании СИ-ЭН-ЭН в январе 1998 г. он заявил, что «ничего не мешает развитию связей и укреплению взаимопонимания между иранской и американской нациями». В выступлении на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке в сентябре того же года он призвал к политическому и

культурному диалогу цивилизаций и выступил инициатором объявить 2001 год годом диалога цивилизаций³.

Все это, несомненно, является свидетельством стремления нового правительства Ирана к нормализации отношений с США и странами Европы. Но даже такие умеренные заявления президента Хатами вызвали отрицательную реакцию некоторых представителей правящего крыла. Выступая 16 января 1998 г. на пятничной молитве в Тегеранском университете, духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи решительно отверг возможность любых официальных или неофициальных связей с США. Вслед за Хаменеи критика юстиции президента прозвучала от многих лидеров консервативной оппозиции.

Президент Хатами не является противником исламской системы правления, он только активный сторонник ее частичного реформирования. Придя к власти, Хатами прежде всего подтвердил преемственность внешней и внутренней политики Ирана, незыблемость ее исламских институтов. Но он понимает, что экономика Ирана нуждается в иностранных инвестициях, в открытости внешнеполитического курса страны. На это направлены усилия нового президента. Но действия Хатами затруднены противодействием тех политических сил, у которых находятся все рычаги власти – служба безопасности, судебная система, армия. Это заставляет президента в конфронтационных случаях действовать осторожно и благоразумно и иногда приводит его к успеху. Например, одобрение кандидатур Хатами в кабинет министров, формальный отказ от смертного приговора писателю С.Рушди и др.

Хатами, который был министром культуры Ирана с 1982 по 1992 гг., пытается использовать культуру (кино, спорт, выставки и др.) для налаживания и расширения отношений с Западом и США.

Призыв президента Хатами к устранению напряженности и установлению мира и спокойствия для всех государств был благожелательно воспринят в Европе. С точки зрения европейцев, укрепление умеренных сил в Тегеране делает американский курс на всеобщую экономическую и политическую изоляцию Ирана непродуктивным.

Американское эмбарго так и не дало возможность изменить исламский характер власти, равно как и ее позиции по важнейшим международным вопросам. И, несмотря на трудности, которые переживает Иран, нельзя забывать, что он остается потенциально богатой страной. Вследствие этого опасным последствием американских санкций является не столько разорение

страны, сколько те трудности, которые создаются в результате этого для обеспечения ее экономического роста.

Исходя из этого, европейцы и американцы, собравшиеся в мае 1998 г. в Лондоне на совещание высших руководителей ЕС и США, смогли преодолеть разногласия и снять угрозу санкций, висевшую над Ираном и рядом других государств.

Кстати, США так и не смогли предотвратить подписание в сентябре 1997 г. соглашения между Иранской национальной нефтяной компанией, французской «Тоталь», российским «Газпромом» и малайзийской «Петронас», которое было заключено вопреки санкциям, принятым США в отношении Ирана, и лишило американскую компанию «Коноко» разработок богатого месторождения.

Избрание нового президента в Иране дает возможность США отказаться от своей непримиримой позиции в отношении Ирана. Однако, учитывая существующую реальность как в США (мощное израильское лобби, определенный имидж Ирана), как и в Иране (реалии власти самого президента Хатами, наличие оппозиции), можно ожидать яростного сопротивления этому процессу сближения.

Это подтверждается и заявлением, сделанным уже в феврале 1999 г. представителем внешнеполитического ведомства Ирана Асефи: «Позиция ИРИ в отношении США совершенно четкая: никаких отношений с сионистским режимом Израиля и никакого диалога с США».

Но, несмотря на оппозицию, президент Хатами старается придерживаться взятого им курса на открытость внешнеполитической политики ИРИ. В Иран снова потянулись западные предприниматели. На выгодных условиях были объявлены более 40 международных тендеров на разработку иранских нефтяных и газовых месторождений. Хатами в марте 1999 г. совершил визит в Рим и Ватикан. Это очень симптоматично, за последние 20 лет иранские президенты не совершали визитов в Западную Европу.

Как и прежде, приоритетным для иранской внешней политики остается развитие отношений со странами Европы. Помимо традиционных культурных и технологических связей, объединяющих Запад и Иран, а также экономических факторов, остается и интерес к иранскому рынку с населением свыше 60 млн. человек.

Европейское Сообщество пересмотрело сроки погашения большей части иранского внешнего долга. Страны Европы принадлежат к числу круп-

нейших экспортеров ИРИ. Возглавляет этот список Германия. Франция стала вторым по величине поставщиком Ирана. Италия открыла Ирану новый экспортный кредит. Возрос экспорт Великобритании. Увеличился объем торговли между Японией и Ираном. Важным успехом иранской дипломатии и правительства Хатами являлось проведение саммита Организации Исламской конференции в Тегеране в декабре 1997 г.

Саммит способствовал повышению престижа Ирана в мусульманском мире. Наблюдается сближение Ирана с арабскими странами.

Одним из важных направлений внешней политики ИРИ является укрепление своих позиций в зоне Персидского залива. Иран – одно из крупнейших государств региона, на всем протяжении своей истории он боролся за доминирующее положение в этом регионе. Иран жизненно заинтересован в нормализации отношений с арабскими странами Персидского залива как с политической, так и с экономической точек зрения. Безопасность ИРИ всегда будет находиться под угрозой, если арабские государства и особенно Саудовская Аравия будут проявлять враждебность к Ирану.

Но перманентные стремления Ирана усилить свои позиции в Персидском заливе заставляют арабские страны с недоверием относиться к иранской внешней политике. Иран выступает против присутствия американских и европейских вооруженных сил в районе Персидского залива. Безопасность региона, с точки зрения ИРИ, должна быть обеспечена исключительно силами прибрежных государств с обязательным участием Ирана.

Арабские государства Персидского залива крайне озабочены наращиванием Ираном своего военного потенциала. Иран активно вооружается из-за нестабильности на ряде своих границ распространения вооружения в регионе в результате американского военного присутствия в Персидском заливе. Лондонский институт оценивает расходы Ирана на вооружение в сумме 4,7 млрд. долларов в год⁴. Почти единственным из арабских государств, которое поддерживает политику Ирана на Ближнем и Среднем Востоке, является Сирия, которая имеет особые отношения с Тегераном. Несмотря на то, что Сирия не входит в число арабских государств Персидского залива, но она во многом помогает Ирану развивать свои связи с арабийскими монархиями и часто выступает посредником между иранцами и арабами. Сирия и Иран выступают с общих позиций в отношении Ирака. Они считают важным не допустить изменений в этой стране в сторону прозападной ориентации, что принесло бы значительный ущерб как сирийским, так и иранским интересам

в регионе. Создание в 1992 г. на севере Ирака автономного района Курдистан со своим парламентом и правительством привело к активизации сирийско-иранского взаимодействия на антикурдском направлении, в котором они выступают с общих позиций против становления любых форм курдской государственности.

Особые опасения Сирии и ИРИ вызывает сближение Турции и Израиля. Турецко-израильский блок, по мнению Тегерана и Дамаска, представляет собой большую опасность для региона. Своим острием он направлен как против Ирана, так и против Сирии. Национальный совет безопасности Турции ведет подстрекательскую кампанию постоянных обвинений Сирии в террористической деятельности и угрожает проведением военных демаршей. Одна из опасностей турецко-израильского союза – это возможное присоединение к нему Иордании. Создание такого пакта значительно усилит позиции США и Европейского Сообщества на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива⁵. После революции в Иране стремления распространить эту революцию на соседние арабские государства вызвали у последних стойкое ощущение опасности, побуждающее их к сплочению и обзаведению мощными и современными системами вооружения. Был создан Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) (Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Оман), организована система региональной безопасности в рамках «Дамасской декларации» 1991 г. и др. Ирану было отказано во вступлении в эти и другие объединения арабских государств. В большинстве объединений арабских стран Персидского залива ведущая роль принадлежит Саудовской Аравии, наиболее крупному и богатому государству региона. Саудовская Аравия сама стремится играть роль лидера в Персидском заливе, отсюда постоянное соперничество с Ираном. От внешнеполитических ориентиров Ирана и Саудовской Аравии во многом зависит положение в Персидском заливе. Без этих двух стран невозможно обеспечить безопасность и стабильность в зоне залива. Поэтому, несмотря на имеющиеся противоречия, Тегеран и Эр-Рияд старались поддерживать дипломатический диалог. Обострение саудовско-иранских отношений было обычно связано с сезоном паломничества в Мекку. В основе этих конфликтов, на наш взгляд, лежало стремление иранских официальных лиц, в том числе и сопровождающих паломников из Ирана, максимально политизировать эту религиозную акцию.

Ирано-саудовские отношения были разорваны после кровавых событий 1987 года, когда 400 человек погибли во время паломничества в Мекку. Иран осудил Саудовскую Аравию за то, что она, наживаясь на религиозных чувствах паломников, в то же время не обеспечивает их безопасность. Оманское соглашение 1991 г. между Тегераном и Эр-Риядом урегулировало вопросы восстановления двусторонних отношений, но конфликты, связанные с иранскими паломниками, периодически возникают между Ираном и Саудовской Аравией.

Но не все арабские государства Персидского залива враждебно относятся к Ирану. На южном фланге ССАГПЗ (Оман и др.) активизировались элементы, которые считают, что они должны сохранить хорошие отношения с Ираном.

События 80-х – начала 90-х годов породили факторы, способствующие ослаблению центристских тенденций в государствах Залива. Коллективные действия ССАГПЗ носили весьма скромный характер, даже в военной сфере. Провал попыток кувейтского правительства нормализовать отношения с Ираком и взять под контроль оппозиционные элементы внутри страны, вовлеченность Абу-Даби в скандал с Международным банком кредита и коммерции, оппозиционные выступления в Бахрейне и др. усилили сомнения Саудовской Аравии в жизнеспособности малых государств Персидского залива. Это укрепило мнение Эр-Рияда, что малые арабские государства должны находиться под полным его контролем.

Арабские государства Персидского залива объективно признают международное влияние Саудовской Аравии и ее ведущую роль в решении региональных вопросов, в том числе в обеспечении безопасности, которая значительно обострилась в результате Кувейтского кризиса. В то же время они никогда не забывают постоянное стремление саудовцев контролировать весь полуостров, что накладывало негативный оттенок на развитие отношений Эр-Рияда со своими партнерами по ССАГПЗ.

Сближение между Тегераном и Эр-Риядом, которое представлялось достаточно реальным после операции «Буря в пустыне», когда Иран занял нейтральную позицию в кувейтско-иракском конфликте, оказалось вновь отодвинутым в сторону в результате обострения территориального спора Ирана с ОАЭ. В 1992 г. Иран изменил статус трех островов в Персидском заливе – Абу-Муса, Большой и Малый Томб. В течение 20 лет острова находились под совместным управлением Ирана и ОАЭ. Весной 1992 г. ИРИ потребовала,

чтобы приезжающие на острова лица, не являющиеся гражданами ОАЭ, получали въездные визы в Иране. В связи с этим на острова не были допущены иностранцы, работающие по контрактам с ОАЭ. Возник конфликт. Иранские власти заявляют, что эти острова были иранскими еще до того, как ОАЭ обрели независимость, и останутся таковыми навсегда⁶. Для Ирана острова имеют важное стратегическое значение. С их помощью можно контролировать вход и выход из Персидского залива.

Захват Ираном трех островов осудили Лига арабских государств, ССАГПЗ, министры иностранных дел стран-участниц «Дамасской декларации» (С.А., ОАЭ, Катар, Оман, Бахрейн, Кувейт, Египет, Сирия).

Вызывает беспокойство саудовцев укрепление связей Ирана с Катаром, Оманом, Бахрейном. Растет товарооборот этих государств с ИРИ, заключаются выгодные торговые и экономические соглашения, увеличивается обмен туристами. Большое количество иранских рабочих размещено в этих странах. Их правительства выступают за расширение отношений с Ираном, за принятие его в арабские сообщества, призывают Саудовскую Аравию к урегулированию спорных вопросов.

Особые опасения саудовцев вызывает сближение Ирана с Суданом. Судан является одним из важных звеньев иранской политики на Ближнем Востоке. На его территории идет подготовка вооруженных формирований. Судан занимает важное стратегическое положение и он открывает свои порты для иранских кораблей. Иран, в свою очередь, выражает озабоченность оказываемым саудовцами прессингом на мировом рынке нефти и обвиняет Саудовскую Аравию в защите западных нефтяных картелей.

Эскалация напряженности между Саудовской Аравией и ИРИ была использована США и их западными союзниками для возвращения в район Залива военной авиации под предлогом санкций ООН против Ирака и мероприятий по установлению воздушной зоны по 32 параллели на юге Ирака.

С середины 90-х годов внешнеполитическая обстановка в зоне Персидского залива стала трансформироваться под воздействием развития новых внутривнутриполитических процессов в странах региона.

Сохранение тупиковой ситуации в арабо-израильском мирном урегулировании, продолжающаяся эскалация обстановки вокруг Ирака на фоне растущей политико-экономической гегемонии США в регионе привели к росту и укреплению позиций антиамериканских сил в аравийских монархиях, правители которых вынуждены все больше считаться с данным обстоятельством.

вом при выработке своей внешней политической линии. В отношении аравийских режимов с США наметились определенные трения по вопросу о предоставлении вооруженным силам американцев территории монархий для нанесения военного удара по Ираку, выполнения американских программ поставок оружия государствам Совета Сотрудничества, американского военного присутствия в регионе в целом. Со своей стороны США и их западные союзники, и прежде всего Великобритания, продолжают политику «двойного сдерживания» в отношении Багдада и Тегерана, стремясь сохранить статус-кво в регионе с тем, чтобы оправдать наличие своих крупных воинских контингентов в Персидском заливе, который рассматривается ими как зона своих жизненно важных интересов⁷. Политика «двойного сдерживания» направлена на экономическую и военную изоляцию в одинаковой степени Ирана и Ирака, чтобы ни один из них не мог добиться доминирующего положения в регионе.

Двойственную политику проводит Вашингтон в отношении арабских государств Персидского залива. Публично выступая за проведение демократических реформ в аравийских монархиях, американцы на деле усиливают поддержку правящих режимов, обеспечивают их стабильность и неизблемость, полагая, что нынешняя система власти в монархиях способна обеспечить наиболее эффективные условия американцам для сохранения ими контроля за развитием обстановки в регионе. Обеспокоенность США вызывают укрепление в последние годы центростремительных тенденций в государствах ССАГПЗ, стремление их руководства к выработке коллективных решений по ряду важнейших внутри- и внешнеполитических вопросов с учетом общеарабских интересов.

Следствием роста идей арабской солидарности, возрождения важных элементов складывающейся в последнее время в регионе политической ситуации стало обозначение так называемых политических осей влияния – Каир – Эр-Рияд – Дамаск; Дамаск – Багдад – Тегеран, которые при определенных условиях могут превратиться в новые региональные центры силы.

Тупиковая ситуация вокруг Ирака, стремление США при содействии Турции и Израиля добиться территориального раскола Ирака, используя курдский фактор, побудили арабские государства Персидского залива, прежде всего Саудовскую Аравию, занять более умеренную и прагматичную позицию в отношении багдадского режима, перспектив возвращения Ирака в лоно арабского мира.

Иран также выступает против американского плана раскола Ирака, и в этом и в ряде других внешнеполитических вопросов его мнения совпадают с арабскими странами, что способствует сближению их позиций. Положительное влияние на развитие отношений Ирана со своими арабскими соседями оказал приход к власти нового президента Мохаммада Хатами. Экономика Ирана нуждается в иностранных инвестициях, в развитии отношений со всеми странами и особенно со своими арабскими соседями. На это направлены усилия нового иранского правительства. В частности, Иран уже занимает такую бескомпромиссную позицию по 3 островам. Правительство Хатами проявило готовность идти на переговоры по статусу спорных островов, и можно надеяться, что будет восстановлено *status-quo*, которое существовало до этого, что обозначает новый этап в налаживании отношений Ирана с аравийскими монархиями.

Улучшаются отношения с Саудовской Аравией. Этому во многом способствовали визит в Тегеран в декабре 1997 г. наследного принца Абдаллы, посещение в феврале 1998 г. королевства экс-президентом ИРИ Хашеми-Рафсанджани. Министр иностранных дел ИРИ К. Харрази в декабре 1998 г. принял участие в первой сессии совместной иранско-саудовской политической комиссии, состоявшейся в Эр-Рияде. Было решено проводить сессию один раз в шесть месяцев. Обе стороны во время переговоров заявили о совпадении своих точек зрения по ряду важных международных проблем. Стороны согласились, что Ирак должен полностью выполнить резолюцию Совета Безопасности ООН, подчеркнув, что продолжение кризиса вызывает нестабильность в регионе. Министры иностранных дел двух стран обсудили цены на нефть, положение в Афганистане и согласились с тем, что Иран и Саудовская Аравия должны сотрудничать и более того – контролировать ситуацию в регионе. Министр иностранных дел Саудовской Аравии заявил, что отношения между Ираном и его соседями, членами организаций сотрудничества Персидского залива будут расширяться.

Войти в состав общеарабских организаций стран Персидского залива является одной из главных целей иранской внешней политики. Иран готов принять все условия государств ССАГПЗ для вхождения в арабский Совет Сотрудничества, а в дальнейшем уже через имеющихся там представителей исламских стран, придерживающихся принципов сохранения границ взаимного уважения и выступающих против предоставления территорий под вооруженные силы США, решить и дальнейшие вопросы Персидского залива⁸.

Но США резко выступают против этих попыток Ирана. В случае если бы США согласились на эти предложения ИРИ, то они, с одной стороны, могли бы способствовать развитию отношений с Ираном, с другой стороны – им значительно сложнее было бы вести соглашательскую политику с арабскими государствами Персидского залива. Пока исламское государство занимает отрицательную позицию по восстановлению ирано-американских отношений и выступает против Израиля, вряд ли возможны серьезные смягчения в отношениях ИРИ с арабскими странами Персидского залива.

Анализ складывающейся обстановки и баланса сил в регионе приводит руководство государств Совета сотрудничества и другие арабские страны к мнению о том, что создание эффективной системы региональной безопасности вряд ли возможно в перспективе без участия Тегерана и обновленного Ирака. В этом случае Иран и арабские государства Персидского залива могут стать важной составляющей нового международного центра силы, оказывающего непосредственное влияние на процесс формирования политико-экономического и валютно-финансового климата в регионе и в мире в целом.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на действия оппозиции, внешняя политика ИРИ в последние годы становится более конструктивной и умеренной. В настоящее время в мире создаются благоприятные условия для интеграции Ирана в международное сообщество, для развития более тесных контактов со странами Азии, Европы и даже США. От того, сумеет ли иранское правительство воспользоваться этой ситуацией, во многом будет зависеть экономическое развитие ИРИ в будущем и ее международный престиж.

¹ "Третий взгляд". Посольство ИРИ; спец. выпуск, посвященный 14-й годовщине победы исламской революции в Иране.

² New-York Times. 07.02.1999.

³ «Третий взгляд». Посольство ИРИ. № 62, декабрь 1998, с. 4–9.

⁴ Там же, с. 20.

⁵ Аль-Васат, 14.09.98.

⁶ Tehran Times. 03.12.98.

⁷ S.M.Rahman. Towards Regeneration of the Persian Gulf Region from Within. The Iranian Journal of International Affairs. Vol.IX, № 4, 1997–98, p.525.

⁸ Tehran Times. 03.12.98.

ИРАН И РОССИЯ

(текст выступления)

Иранская революция стала уникальным явлением в политической истории XX века, ее влияние до сих пор сказывается во всем мире. Нужно отметить, что конференция, посвященная 20-летию иранской революции, собрала не только ведущих востоковедов России, но и видных ученых-иранистов из Ирана и стран Центральной Азии. Общение представителей научной элиты России и Ирана, как показывает научная конференция, состоявшаяся в феврале пятое заседание российско-иранского "круглого стола" в Тегеране, становится традицией. Тем самым в здании российско-иранских отношений достраивается очень важный этаж. Создается своего рода совместный интеллектуальный банк; из которого политики могут и должны черпать новые идеи для последующего их воплощения в практической работе по развитию российско-иранского сотрудничества.

События последнего времени подтверждают, что в политических кругах России и Ирана сложился устойчивый консенсус по вопросу о двусторонних взаимоотношениях. Можно с уверенностью отметить, что в России твердая воля высшего государственного руководства к развитию всестороннего сотрудничества с ИРИ дополняется соответствующей решимостью всех ветвей исполнительной власти и энергичной поддержкой со стороны законодательной. Насколько известно, и в высшем политическом руководстве Ирана вопрос о необходимости дальнейшего укрепления российско-иранского взаимодействия не дебатруется.

Подобное единодушие со всей очевидностью отражается в высоком уровне доверительного взаимодействия между Министерствами иностранных дел России и Ирана. Свой весьма активный вклад в дело российско-иранского сближения вносят дипломатические миссии Ирана в Москве и России в Тегеране.

В этих условиях естественным является высокий уровень политического диалога и взаимодействия между Москвой и Тегераном. Политиков обеих

стран объединяет общее понимание того, что современный мир движется в направлении многополярности, и на этом непростом пути очень многие интересы России и Ирана – как глобального, так и регионального порядка – совпадают или крайне близки. Находить сферы такого совпадения интересов и определять, исходя из этого, параметры конкретных действий призваны российско-иранские политические контакты на различных уровнях, которые осуществляются в активном режиме.

В 1998 году в Тегеране побывали Председатель Государственной Думы Федерального собрания России Г.Н.Селёзнев, визит которого по своему наполнению несомненно вышел за рамки традиционных межпарламентских связей, спецпредставитель Президента РФ С.Э.Приходько, вице-премьер Правительства России В.Б.Булгак. В ближайшей повестке дня двусторонних политических контактов на высоком уровне – официальный визит в Иран Министра иностранных дел РФ И.С.Иванова.

Вполне объяснимо сохранение повышенного внимания Москвы и Тегерана к проблематике конфликтов в регионах, непосредственно прилегающих или близких к границам наших государств. Ведь несмотря на предпринятые в последние годы различными государствами и международными организациями усилия, ни один из этих конфликтов, к сожалению, нельзя назвать полностью урегулированным.

Наибольший прогресс на пути к национальному примирению можно отметить в Таджикистане. Урегулирование межтаджикского конфликта, сложного самого по себе и усугубленного ситуацией в Афганистане, стало в своем роде первым опытом совместного российско-иранского миротворчества. Отрадно, что наши страны после подписания в 1997 году Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане не остановились на достигнутом и приступили к непростой работе по поощрению таджикских сторон к полному и своевременному выполнению договоренностей. Развитие ситуации в Таджикистане, необходимость нейтрализации попыток затормозить или сорвать мирный процесс требуют сегодня придания этой работе еще более энергичного и целенаправленного характера.

Вызывает удовлетворение совпадение позиций России и Ирана по принципиальным аспектам афганской проблемы, тесное практическое взаимодействие наших стран в этом вопросе как на двусторонней основе, так и в рамках ООН. У Москвы и Тегерана в Афганистане общая задача – прекращение гражданской войны и создание широкопредставительного правительст-

ва, выражающего интересы всех афганцев. Российская сторона настроена продолжать активное сотрудничество с Ираном на афганском направлении с тем, чтобы в конце концов затушить очаг этого многолетнего конфликта.

Неизменной темой российско-иранских консультаций остается ситуация вокруг Ирака. В этом вопросе у нас также общая исходная позиция – применение в отношении Багдада силовых мер, любые действия в обход СБ ООН являются недопустимыми.

Налаживается все более тесное взаимодействие Москвы и Тегерана в сфере международной безопасности и по другим важнейшим проблемам глобального характера. Большой позитивный резонанс во всем мире получило принятое в сентябре 1998 года по итогам встречи министров иностранных дел России и Ирана в Нью-Йорке Совместное российско-иранское заявление по терроризму. На регулярной основе продолжается двусторонний обмен мнениями по вопросам экспортного контроля, нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. В развитие имеющихся договоренностей о взаимодействии в области экспортного контроля с целью предотвращения несанкционированной передачи товаров и технологий двойного назначения решено создать постоянно действующую рабочую группу экспертов. Ведется конструктивный обмен мнениями по проблемам прав человека, имеется в виду принять соответствующее совместное заявление на уровне министров иностранных дел.

В Москве высоко ценят активную и решительную позицию иранской дипломатии в вопросах безопасности и разоружения. Рассматриваем как весьма важные иранские инициативы, изложенные заместителем иностранных дел ИРИ М.Зарифом на Конференции по разоружению в Женеве и касающиеся необходимости нового подхода к решению проблем безопасности в XXI веке.

Нельзя не сказать о вопросах двустороннего торгово-экономического сотрудничества. 1998 год был ознаменован определенным продвижением вперед в этой сфере. В этом году состоялось второе заседание Постоянной российско-иранской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. В ее протоколе зафиксированы конкретные договоренности в таких областях взаимодействия как энергетика, черная и цветная металлургия, нефтегазовая промышленность, машиностроение, транспорт, сельское хозяйство, рыболовство. В прошедшем году был подписан ряд соглашений, в том числе соглашение об избежании двойного налогообложения, о сотрудничестве в

области почтовой и электрической связи, о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах, меморандум о сотрудничестве в области агропромышленного комплекса. Начата проработка вопросов, касающихся освоения газового месторождения "Южный Парс", достигнута договоренность о выполнении строительно-монтажных работ по АЭС "Бушер" на условиях "под ключ".

Однако было бы ошибкой не замечать весьма существенных проблем, накопившихся в этой области, и делать вид, что нынешнее состояние торгово-экономических связей между нашими странами вполне удовлетворяет обе стороны. Это не так, и недаром руководители наших стран не раз заявляли о том, что именно экономическое взаимодействие России и Ирана должно стать тем самым фундаментом, на котором бы базировались многогранные отношения партнерства двух государств.

Товарооборот между ИРИ и Россией в 1998 году составил 546 млн.долл. США, что несколько меньше, чем в 1997 году. При этом Россия занимает всего лишь двенадцатое место среди внешнеторговых партнеров Ирана. Среди объективных факторов, негативно повлиявших на развитие двустороннего сотрудничества в прошедшем году – и снижение мировых цен на нефть, весьма существенно сказавшееся на финансовом положении наших стран, и кризис, который в той или иной мере затронул Россию и Иран и привел к падению покупательной способности российского рубля и иранского риала.

Руководителями России и Ирана провозглашен курс на многократное увеличение объема взаимной торговли. В 1999 году нашим странам, двусторонней Комиссии, министерствам и ведомствам России и Ирана на всех уровнях надо сконцентрировать работу над тем, чтобы выработать программу экономического взаимодействия двух стран на средне- и долгосрочную перспективу, в которой были бы зафиксированы конкретные направления и прежде всего конкретные объекты сотрудничества. Собственно говоря, такая программа уже есть. Она была парафирована в декабре 1995 г. тогдашними сопредседателями Постоянной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Естественно, она требует своей корректировки, учета договоренностей, достигнутых в последнее время.

Одно из ключевых направлений наших связей – это развитие двустороннего сотрудничества в нефтегазовой сфере. Именно реализация двусторонних проектов в области ТЭК способна стать локомотивом движения впе-

ред всего комплекса торгово-экономических связей между нашими странами. Летом 1999 г. Иран посетил Министр топлива и энергетики Российской Федерации С.В.Генералов, который провел обстоятельные переговоры по всему комплексу двустороннего взаимодействия в области ТЭК с иранской стороной.

Нельзя не остановиться на некоторых вопросах, отличающихся особой сложностью и требующих повышенного внимания и тесной совместной работы в рамках российско-иранского политического диалога. Целый блок проблем связан с Каспийским морем. Прежде всего речь идет о формировании нового правового статуса этого уникального водоема. Мы ведем активный обмен мнениями с иранской стороной как в двустороннем формате, так и в рамках пятисторонней Специальной рабочей группы по правовому статусу Каспия. Пока в российских и иранских подходах к проблеме урегулирования статуса Каспия сохраняются определенные различия, однако надеемся, что имеющийся и в Москве, и в Тегеране настрой на сближение позиций и продолжение взаимодействия приблизит окончательное решение этого сложного вопроса.

Несмотря на произошедшие в прошлом году очевидные подвижки в гуманитарном сотрудничестве, и в этой сфере имеется большой незадействованный потенциал. Необходимо ускорить подписание уже согласованных проектов таких важных документов, как Программы обменов в области культуры, образования и науки и межправительственного соглашения о научно-техническом сотрудничестве¹. В Тегеране заработало Иранское общество дружбы с Россией. В целом, необходимо всемерно расширять общение между гражданами наших стран путем обменов в области культуры, науки, образования, спорта, туризма и т.п. Это – самый верный путь к укреплению взаимного доверия, лучшему взаимопониманию, избавлению от стереотипов, порой еще существующих в восприятии друг друга.

За последние годы наши иранские коллеги, в частности из Института международных политических исследований при МИД ИРИ, собрали уникальный банк информации по независимым государствам Центральной Азии и Закавказья. Опыт работы российской науки на этом направлении насчитывает не одно столетие. Нам явно есть чем взаимодополнить знания друг друга.

¹ Такие соглашения подписаны в ходе состоявшегося в сентябре 1999 г. визита в Россию Министра науки и высшего образования ИРИ Мостафы Моина.

ИРАНО-ИРАКСКАЯ ВОЙНА (1980-1988гг.) И ПОЗИЦИИ СССР, США и ООН

Иран в 70-е годы XXв. стал одной из влиятельных политических и экономических сил в международных делах Азии. Он превратился в важный военно-политический фактор не только в регионе Персидского залива, но и на Ближнем и Среднем Востоке в целом. Выдвижение Ирана на передовые позиции в международных отношениях в регионе явилось следствием значительного роста его военно-экономического потенциала.

Крах шахского режима в результате иранской революции 1978-1979гг. основательно потряс структуру связей, установленную Соединенными Штатами со странами "третьего мира". Выпадение Ирана - одного из важнейших звеньев военно-стратегической цепи глобальной политики США на Среднем Востоке - значительно подорвало позиции империализма в ключевом для его "жизненных интересов" регионе.

Шахская доктрина "ориентированной на Восток" оборонительной политики готовила Иран к роли регионального центра силы, "стража стратегических ворот в Индийский океан", "гаранта мира и стабильности" в районе Персидского залива ¹. Пришедший на смену шахской власти в Иране режим провозгласил свою собственную политику. В послании от 11 февраля 1980г. по случаю первой годовщины иранской революции имам Рухолла Хомейни декларировал: "В исламе нет национальных границ; исламская революция не имеет географических границ и будет продолжаться до полной победы угнетенных народов; пока ислам не победит во всем мире, борьба будет продолжаться... сегодня время крови и гибели за священное дело" ².

Выдвигаемый наиболее влиятельными кругами шиитского духовенства лозунг борьбы за победу "всемирной исламской революции" осложнил отношения Ирана с соседними государствами - Афганистаном, Бахрейном, Кувейтом, Оманом, Ираком, Иорданией, Саудовской Аравией и другими. В послереволюционном Иране сложилась обстановка, когда идеологическое

влияние шиитского духовенства на Ирак и другие страны явилось как бы продолжением гегемонистских тенденций шахского режима. Взаимоотношения Ирана с Ираком уже к сентябрю 1980г. достигли взрывоопасной стадии. Иракское правительство решило первым начать военные действия против Ирана, рассчитывая на быстрый успех. 17 сентября 1980г. президент Ирака Саддам Хусейн объявил недействительным ирано-иракское соглашение 1975г. о границах между двумя странами³. Выполняя решение руководства Ирака о возвращении всех иракских территорий, войска Ирака вступили на территорию Ирана.

В основе вспыхнувшего 22 сентября 1980г. ирано-иракского конфликта, переросшего почти в восьмилетнюю войну с Ираком, лежали не столько взаимные пограничные претензии двух соседних стран (из-за Шатт-эль-Араба и др.), а более глубокие причины, в частности, исторически сложившиеся притязания Ирана, с одной стороны, и арабских государств, Ирака в том числе - с другой, на сферу влияния в регионе Персидского залива (названного арабами Арабским заливом).

Характерно в этом отношении высказывание "Дейли телеграф" от 25.09.1980г. В комментариях о начале Ираком войны с Ираном было подчеркнуто, что Саддам Хусейн намеревался унижить режим Хомейни и раз и навсегда ликвидировать угрозу подрывной деятельности Ирана среди иракских шиитов. Саддам Хусейн руководствовался также желанием "сделать Ирак господствующей державой в районе Персидского залива", то есть занять место, которое при шахе занимал Иран.

Анализируя события начала ирано-иракского конфликта, можно прийти к заключению, что военные действия были вызваны развернувшейся в Ираке и Иране взаимной пропагандой суннитского и шиитского толка: с одной стороны - к свержению "несправедливых" (суннитского толка) режимов в Ираке, Саудовской Аравии и других арабских государствах, а с другой - стремлением Ирака нанести упреждающий удар по Ирану в целях ослабления идеологической экспансии шиитского духовенства. Не исключено также, как писала в октябре 1980г. ливанская газета "Аш-Шааб", что вспыхнувшая между Ираком и Ираном война устраивала известные круги Вашингтона, которые были заинтересованы во взаимном ослаблении этих двух стран и в том, чтобы отвлечь внимание Ирака от противостояния с Израилем.

Что касается Ирана, то для его религиозного руководства иракское вторжение в Иран, по выражению имама Хомейни, явилось "божьей благода-

тью". Война с Ираком сплотила разнородные политические группировки и партии для отражения иракской агрессии.

Боевые действия между Ираном и Ираком, как уже отмечалось, начались 22 сентября 1980г. Вооруженные силы Ирака, преодолевая сравнительно слабое сопротивление иранцев, развернули широкое наступление. Первоначально части иракской армии довольно легко продвигались вперед, заняв территорию в несколько тысяч квадратных километров. Был занят город Хорремшехр и почти полностью окружен иранский порт Абадан. В первые недели боев бомбардировкам с воздуха подверглись обе столицы, различные объекты, в том числе военные и экономические. Обе стороны наносили удары по нефтепромыслам.

По мере продвижения иракской армии сопротивление иранцев возрастало. Иранскому руководству удалось создать взамен деморализованной до революционной шахской армии практически новые вооруженные силы. В их состав вошли Корпус стражей исламской революции и части реорганизованной регулярной армии и подразделения басиджей - религиозных ополченцев.

Уже осенью 1981г. новые вооруженные силы приступили к широкомасштабным наступательным операциям. Иранцы взяли на вооружение теорию "джихада" - священной войны с "неверными". Джихад и шахедат (жертвенность во имя аллаха), утверждал Хомейни, - высший смысл жизни мусульманина; готовность к самопожертвованию, гибель на фронте в борьбе с неверными - образец моральных качеств и прямой путь шахида в рай.

В апреле - мае 1982г. иранские войска освободили Хорремшехр и вышли к ирано-иракской границе. Смещение военных действий на иракскую территорию значительно прибавило упорства иранской армии, обладавшей к тому же преимуществом в боевой технике, артиллерии и полным превосходством в воздухе. По подсчетам западных военных экспертов, к концу июля иракская авиация имела в строю около 300 боевых самолетов, в том числе 130-140 современных истребителей-бомбардировщиков против тридцати у Ирана. Однако Тегеран, надеясь прежде всего на преимущество в людских ресурсах и новые закупки боевой техники, продолжал придерживаться концепции войны "до победного конца". По состоянию на декабрь 1986г. Иран провел более двадцати наступлений, но ни одно из них не оказалось "решающим". Сложилась патовая ситуация. Война продолжала уносить с обеих сторон все новые и новые жертвы, ослабляя все более Иран и Ирак.

Велики были негативные последствия ирано-иракского конфликта и на международной арене, в частности, в движении неприсоединения и в арабском мире. Сирия и Ливия выступили в поддержку Ирана, а Иордания, Саудовская Аравия, Египет поддержали иракскую сторону. На стороне Ирака выступали также Судан, Марокко, Тунис, ЙАР, Кувейт, Бахрейн, Катар, ОАЭ и Оман. Однако в этом многоголосном хоре тон задавали Эр-Рияд, Амман и Каир. Разногласия между арабскими странами по ирано-иракскому конфликту привели к расколу в едином антиимпериалистическом лагере.

По мере своего развития ирано-иракский конфликт всё более терял характер местного значения, в него втягивались могущественные силы мировой политики. Здесь надо прежде всего сказать о США, которые сосредоточили летом 1987г. в Персидском заливе и Индийском океане огромную военно-морскую армаду, стремясь контролировать и направлять события в нужном им направлении. Непосредственные выгоды от ирано-иракской войны получил также союзник США Израиль, который использовал ирано-иракский конфликт для нагнетания напряженности и отвлечения внимания мирового сообщества от его экспансионистской политики в регионе. Раскол среди арабских стран развязал руки Израилю.

Ведущее место в расстановке политических сил в Персидском заливе и в целом на Ближнем и Среднем Востоке заняла Саудовская Аравия, которая после существенного ослабления в войне Ирана и Ирака стала играть ведущую роль в регионе, опираясь на свое финансовое могущество. Создавая всякого рода фонды развития и банки, в которых основной капитал принадлежит саудовцам и гражданам арабских княжеств, Саудовская Аравия оказывала воздействие на деятельность таких международных организаций, как ОИК, Исламский банк и других. В 80-е годы в этих организациях у Саудовской Аравии появился конкурент в лице ИРИ, которая в отличие от шахского Ирана требовала расширения представительства в них шиитов. Шииты оспаривали право саудовцев быть хранителями святых мест ислама и даже стали требовать объявления Мекки и Медины открытыми городами.

Иран по территории, населению и материальным и финансовым ресурсам превосходит Ирак в несколько раз. Однако накопленные Ираком до войны нефтедоллары, возможность получить оружие из ряда стран, субсидии в сумме более 100 млрд. долларов ⁴, предоставленные Ираку Саудовской Аравией и некоторыми другими арабскими государствами, помогли Багдаду выстоять в затяжной и изнурительной войне. Что касается Ирана, то

его жизнестойкость и способность вести длительную войну объяснялась комплексом разноплановых причин. Это прежде всего финансовая мощь, значительный арсенал оружия, полученного от США, а также других стран Запада еще во времена шаха, способность Ирана продолжать экспорт нефти даже в условиях военных действий, мешая в то же время Ираку использовать узкую горловину Ормузского пролива для вывоза его нефти.

Увязнув в трясине бесперспективной войны, Ирак стал укреплять свои связи с Саудовской Аравией, Иорданией и некоторыми другими арабскими странами, выступавшими в его поддержку. Эти страны оказывали Ираку широкую помощь, в особенности финансово-экономическую. Арабские монархические режимы региона, используя военные и финансово-экономические затруднения Багдада, настойчиво, но безуспешно, пытались трансформировать иракский режим и как можно теснее привлечь его к координации действий в региональных и международных делах.

Предпринимаемые международным сообществом неоднократные попытки урегулировать ирано-иракский вооруженный конфликт, склонить Иран и Ирак к прекращению военных действий долгое время не давали положительных результатов.

18 июля 1988г. Иран наконец признал резолюцию № 598 Совета Безопасности ООН. Главной причиной резкого изменения позиции Ирана следует считать возникшие в стране военные и экономические затруднения. В результате стратегического наступления иракских войск в апреле-июле 1988г. Ирак возвратил всю территорию, которую потерял за четыре предшествующих года войны. Иракские войска вышли по всему фронту за государственную границу. Военные успехи Ирака были непосредственно связаны с его значительным превосходством в вооружении. Оно было трехкратным в тяжелой артиллерии и танках, пятикратным - в ВВС.

Экономика Ирана переживает в этот период большие трудности. Доходы от экспорта нефти значительно упали: в 1987г. Иран получил от продажи нефти не более 11 млрд. долларов, что усложнило проблему приобретения Ираном оружия. Так, в 1987 г. Иран смог выделить на военные нужды только около 9 млрд. долларов. Этой суммы было недостаточно для ведения наступательных операций. Иран не смог перейти в наступление осенью 1987г. и зимой 1988г., как это планировал Генеральный штаб иранской армии. В конце июля 1988 г. начались переговоры между Ираном и Ираком при посредничестве ООН. 20 августа вступило в силу решение о прекращении огня на

ирано-иракском фронте. Начавшееся разблокирование конфликта вслед за Женевским соглашением по Афганистану привело к улучшению мирового политического климата и означало важный шаг в направлении оздоровления обстановки в регионе Ближнего и Среднего Востока.

Разблокирование ирано-иракского конфликта происходило сложно. С самого начала военных действий ООН предпринимала усилия с целью урегулировать конфликт мирными средствами. 23.09.1980г. Генеральный секретарь ООН К.Вальдхайм направил руководителям Ирана и Ирака обращение, в котором призвал их воздержаться от всех вооруженных акций и решить спор мирными средствами. Ирак в ответ выдвинул три условия прекращения войны: Иран должен признать его притязания на Шатт-эль-Араб и спорную территорию в районе Мусиана и вернуть арабским странам три острова в Персидском заливе - Большой и Малый Томб и Абу-Муса. 28.11.1980г. Совет Безопасности ООН на экстренном заседании единогласно принял резолюцию № 479, призывавшую Иран и Ирак воздержаться от дальнейшего применения силы и потребовавшую от них принятия услуг посредников для урегулирования конфликта. Одновременно резолюция призвала все другие государства проявлять сдержанность и не совершать каких-либо действий, которые могли бы иметь следствием расширение конфликта ⁵.

29.09.1980г. Саддам Хусейн заявил, что Ирак откликнется на призыв Совета Безопасности к окончанию военных действий и посредническим усилиям, если Иран также примет эту резолюцию. Однако председатель иранского мѣджлиса Хашеми-Рафсанджани заявил, что "не может быть и речи о мире или компромиссе" с Хусейном, так как он "продажный преступник".

30 октября Совет Безопасности вновь рассмотрел ситуацию, сложившуюся в связи с ирано-иракской войной и призвал стороны урегулировать конфликт путем политического диалога. 12 ноября Генеральный секретарь ООН назначил известного политического деятеля, председателя социал-демократической партии Швеции Улофа Пальме своим специальным представителем для содействия урегулированию ирано-иракского конфликта. В том же месяце У.Пальме побывал в Иране и Ираке для уяснения позиции обеих стран.

В дальнейшем У.Пальме ещё трижды (в январе, феврале и июне 1981г.) посетил Тегеран и Багдад, где провел с руководителями воюющих стран серию переговоров. В ходе этих переговоров Иран выдвинул три условия прекращения войны: безоговорочный вывод иракских войск с иран-

ской террито-рии, выплата Ираком компенсаций за ущерб, нанесенный Ирану, определение и наказание агрессора. Ирак отверг их и, таким образом, посредническая миссия У.Пальме окончилась безрезультатно.

4.10.1982г. по просьбе Ирака было созвано заседание Совета Безопасности. На нем была принята резолюция № 522, в которой вновь содержался призыв к воюющим сторонам к немедленному прекращению огня и выводу войск к международно признанным границам. Однако Иран отказался признать законность резолюции на том основании, будто Совет Безопасности занимает проиракскую позицию. К тому же председателем Совета Безопасности в тот момент был представитель корсля Иордании - государства, глава которого, по оценке иранцев, был "помощником Саддама в агрессии против Ирана".

31.10.1983г. Совет Безопасности принял резолюцию № 540, уполномочившую Генерального секретаря ООН продолжать посреднические усилия с целью мирного урегулирования конфликта и вновь призвавшую воюющие стороны воздержаться об любых действий, которые угрожали бы миру и безопасности, а также экологии в районе Персидского залива. Весной 1985 г. Генсекретарь ООН Перес де Куэльяр направил руководителям Ирана и Ирана письма, в которых призвал их принять посреднические усилия в целях достижения мира. Однако Иран, по существу, отверг эти предложения, упорно настаивая на удовлетворении своих прежних требований.

В феврале 1986 г. вопрос об ирано-иракском конфликте вновь обсуждался на заседаниях Совета Безопасности, который призвал Иран и Ирак к незамедлительному прекращению всех военных действий на суше, на море и в воздухе и отводу войск к международно признанным границам.

К урегулированию конфликта прилагали усилия Движение неприсоединения, Организация исламской конференции (ОИК), ООП, а также Алжир и ряд других государств. Причиной неудачи посреднических миссий, предпринимавшихся в рамках ООН и других международных организациях долгое время была полная несовместимость позиций участвовавших в конфликте сторон.

Наконец 20 июля 1987 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 598, в которой потребовал от Ирана и Ирака немедленного прекращения огня, всех операций на суше, на море и в воздухе, отвода войск к международно признанным границам и направления группы наблюдателей ООН для осуществления прекращения огня, отвода войск и наблюдения. Он потребо-

вал освобождения военнопленных и незамедлительного возвращения их на родину после прекращения операций в соответствии с Женевским соглашением от 12.08.1949г. Резолюция, учитывая позицию Ирана, предусмотрела создание специального органа по определению виновника конфликта.

Резолюция № 598 породила надежды на урегулирование затянувшегося конфликта. Впервые за всю свою историю Совет Безопасности единогласно принял подобного рода документ, который предусматривал не только принципы урегулирования, но и механизм их претворения в жизнь.

Ирак принял эту резолюцию. Иран же отверг её как в целом, так и по всем принципиально важным, ключевым пунктам, причем его основной аргумент сводился к тому, что "при разработке формулировок резолюции...мнение Исламской Республики Иран не запрашивалось". Иран считал, что "резолюция отражает иракскую формулу урегулирования конфликта и, таким образом, не может считаться сбалансированной, объективной, всеобъемлющей и осуществимой" /письмо постоянного представителя ИРИ в ООН от 02.08.1987г. Генеральному секретарю ООН /⁶.

Существенные расхождения между позициями Ирана и ООН были связаны с тем, что Иран требовал, чтобы Совет Безопасности занял четкую позицию, осуждающую "наращивание присутствия и активизацию военных провокаций США в Персидском заливе", а также нарушение Соединенными штатами резолюции № 598. Это требование Ирана вызвало недовольство в Вашингтоне, что проявилось, в частности, в выступлении Р.Рейгана 02.09.1987г., в котором президент США угрожал введением всеобъемлющих санкций против Тегерана.

В письме постоянного представителя ИРИ в ООН на имя Генерального секретаря ООН от 02.08.1987г. содержалась резкая критика "присутствия американских ВМС и активизации военных провокаций США в Персидском заливе", что трактовалось как явное нарушение пункта 5 резолюции № 598. В письме утверждалось, что США являются главным нарушителем резолюции, разработанной и принятой по их же инициативе. Кроме того, в нем выражалась неудовлетворенность пассивностью Совета Безопасности, не реагировавшего на нарушение резолюции № 598 Соединенными Штатами. "Все эти события, прежде всего нарушение пункта 5 резолюции ввиду активизации военного присутствия США в этом районе, - говорилось в письме, - оказали негативное воздействие на возможности Генерального Секретаря принять на

основании пункта 8 резолюции меры по укреплению безопасности и стабильности в регионе".

Представитель Ирана предложил следующие меры по урегулированию конфликта и обеспечению безопасности в Персидском заливе: принятие обеими сторонами обязательства не нападать на торговые суда; вывод иностранных войск из этого региона; строгое соблюдение нейтралитета всеми прибрежными государствами, особенно Кувейтом.

Далее в письме делалась увязка вопроса об окончании войны с вопросом о безопасности в бассейне Персидского залива: "Лишь при восстановлении спокойствия в Персидском заливе можно надеяться на проведение позитивных политических действий в отношении прочих аспектов конфликта". Смысл этой увязки заключался в том, что, поскольку Ирак дополнил сухопутную войну "танкерной войной", чтобы оказать экономическим нажим на Тегеран и заставить его сесть за стол переговоров, Иран, в свою очередь, требует в качестве главного предварительного условия начала переговоров прекращения "танкерной войны" в Заливе⁷.

Что касается отношения Ирана и Ирака к резолюции № 598, то оно было таково: Иран - за прекращение огня после завершения работы комиссии ООН по определению страны-агрессора; Ирак - за немедленное прекращение огня, до начала работы указанной комиссии. Иран - за разрядку напряженности в Персидском заливе (ответственность за эту напряженность Тегеран возлагал на США и Ирак) до урегулирования проблем собственно ирано-иракской войны; Ирак - за разрядку напряженности в Заливе после урегулирования проблем, порожденных ирано-иракской войной.

Таким образом, долгое время не удавалось найти компромиссные пути урегулирования затянувшегося конфликта. Однако, как указывалось выше, тяжелые поражения на фронте и катастрофическое состояние экономики заставили Иран пойти на принятие резолюции № 598.

Следует иметь в виду, что ирано-иракские отношения многие десятилетия, да и в ходе войны, осложнялись борьбой обеих сторон с курдским повстанческим движением за независимость в рамках и иракского, и иранского государств. Это были малые войны в ходе большой войны между Ираном и Ираком. До тех пор, пока не будут прекращены эти малые войны, Иран и Ирак имеют рычаги давления друг на друга. Учитывая, что Иран может попытаться дестабилизировать обстановку в Ираке с помощью курдской оппозиции, Совет революционного командования Ирака объявил в сентябре 1988г.

амнистию тем участникам курдского оппозиционного движения, которые сдают оружие в месячный срок.

Подводя итоги, можно сказать, что процесс урегулирования ирано-иракского конфликта начался в условиях очень сложной и избыточной моментами дипломатической борьбы, являющейся результатом столкновения интересов региональных и внешних сил. Сдвиги в ирано-иракских отношениях в сторону их улучшения в значительной степени обусловлены уменьшением напряженности в советско-американских отношениях, которое оказало благотворное влияние на региональные отношения, приведя к развязке ряда туго затянутых узлов региональных конфликтов.

Ирано-иракский конфликт и позиция США.

Революция 1978-1979гг. в Иране, как уже отмечалось, нанесла сокрушительный удар по сложившейся в период правления президента США Р. Никсона американской стратегии в странах "третьего мира", моделью развития которого считался Иран. Крах шахского Ирана, одного из поддерживаемых США "центров силы" на Ближнем и Среднем Востоке, поставил перед Вашингтоном задачу пересмотра американской стратегии за рубежом. Результатом такой переоценки явилось то, что вместо опоры на "региональные центры силы" типа Ирана и отказа от прямого вооруженного вмешательства в периферийных зонах ("Доктрина Никсона"), США сделали ставку на непосредственное военное присутствие во "взрывоопасных регионах", в частности, в Персидском заливе и Индийском океане ("Доктрина Картера").

К наращиванию военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке и в зоне Персидского залива США приступили, руководствуясь прежде всего своими военно-политическими и экономическими целями. Ближний и Средний Восток - это главный нефтедобывающий район капиталистического мира, от которого во многом зависит благополучие стран Европы, Японии и самих США. Исходя из этого, Вашингтон объявил район Персидского залива сферой своих "жизненных интересов".

Ставка Вашингтона на военную силу как на метод решения своих внешнеполитических проблем, проявившихся в связи с антишахской революцией в Иране, получила "теоретическое" обоснование в концепции "трех зон", выдвинутой в конце 1980г. помощником президента США Э.Бжезинским. Согласно этой концепции, США имеют "жизненно важные" интересы в трех зонах, необходимых "для выживания США". Третьей зоной провозглашался

Ближний и Средний Восток, в которой необходимо "наращивать американское военное присутствие".

В этой связи и следует рассматривать создание американских военных сил "быстрого развертывания", "Центрального командования вооруженных сил США" (Сентком), новых военных баз за рубежом и т.д. Министр обороны США Уайнберг официально подтвердил, что "силы быстрого развертывания" и Сентком "автоматически ориентированы на нефтепромыслы" ⁸.

Воздействие ирано-иракской войны на средневосточную стратегию США проявилось прежде всего в том, что последние стали в большей степени ориентироваться на военно-силовые концепции, предусматривающие возможность непосредственного вмешательства Вашингтона в случае возникновения кризисных ситуаций. Военный механизм США перестраивали с таким расчетом, чтобы он был готов к развертыванию операций в отдаленных районах мира. Чтобы создать основу постоянного военного присутствия в зоне Персидского залива, США приняли ряд мер, расширяющих и закрепляющих американское военное присутствие в этом районе на многие годы. В частности, эти меры предусматривали создание новых военных баз и вовлечение новых партнеров в сферу влияния США. Была достигнута договоренность с правительствами Израиля, Сомали, Омана, Кении и других стран о размещении на их территориях новых американских баз. Обращал на себя внимание новый подход США к проблеме баз - превращение их лишь в склады оружия, которое можно быстро использовать в условиях кризисных ситуаций без "раздражающего" и дорогостоящего постоянного присутствия там значительных военных контингентов.

Ирано-иракская война вызвала глубокие изменения в расстановке политических сил на Ближнем и Среднем Востоке. Она привела к расколу арабского мира, что было использовано союзником США - Израилем для развязывания очередной агрессии против арабских стран - на этот раз в Ливане, против Палестинского движения сопротивления, ливанских национально-патриотических сил, а также сирийских воинских подразделений, находившихся в Ливане по решению Лиги арабских государств.

Ирано-иракская война содействовала консолидации консервативных арабских режимов, отвлекла Ирак и другие арабские страны от борьбы с Израилем. Она подорвала единство национального фронта стойкости и противодействия и других прогрессивных сил Ближнего и Среднего Востока. США и их союзники по НАТО совместно с консервативными режимами этого ре-

гиона использовали ирано-иракский конфликт для подрыва прогрессивных тенденций развития в Ираке, а в конечном счете для ослабления обеих воюющих сторон, для наращивания своего военного присутствия в регионе и нагнетания напряженности в этом и без того взрывоопасном районе земного шара.

Вместе с тем ирано-иракская война ускорила рост центростремительных тенденций в Персидском заливе, что выразилось в создании Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Политическая консолидация арабских государств региона объективно приобрела в тот период антиамериканскую направленность, чему в немалой степени содействовали акции США, вызвавшие раздражение даже их союзников в арабском мире (военно-стратегический союз с Израилем, вторжение Израиля в Ливан, бомбардировки Ливии и, наконец, "Ирангейт").

Военно-политический контроль над зоной залива, установленный США, гарантировал им дальнейшее вложение нефтедолларов из стран региона в американскую экономику, обеспечивал усиление зависимости этих стран от импорта американского оружия, а также комплектующих и запасных частей в качестве одной из гарантий бесперебойного поступления нефти из Персидского залива. Кроме того, установление на постоянной основе военного присутствия США в Заливе создавало условия для усиления прямого американского вмешательства, в частности, для строительства военных объектов на территории стран Персидского залива с последующим использованием их вооруженными силами США.

Военное и экономическое проникновение США в район Персидского залива, в частности, в 80-е годы, осуществлялось, главным образом, по трем направлениям: нагнетание напряженности и подстегивание тем самым гонки вооружений; развитие связей со странами Залива; наращивание прямого военного присутствия США. В начале 80-х годов США ввели в бассейн Залива крупные военно-морские силы. Силы быстрого развертывания в 1983г. насчитывали 300 тыс. человек, а к 1989г. планировалось довести их личный состав до 450 тыс., а в чрезвычайных условиях - до 600 тыс. человек.

Можно выделить три фазы в американской политике во время ирано-иракской войны. В первой фазе США придерживались политики нейтралитета, так как ситуация была неясной и запутанной. Их главное внимание тогда было сосредоточено на Ближнем Востоке, где обстановка резко осложнилась

в связи с убийством А.Садата в Египте, подписанием с Израилем совместного меморандума о стратегическом альянсе и агрессией Израиля в Ливане.

Во второй фазе (с конца 1982г. до "Ирангейта") США перешли от политики нейтралитета к тайной военной помощи Ирану. К тому времени в Вашингтоне убедились, что стоящие у власти в Тегеране круги покончили с левыми силами, помогают афганской вооруженной оппозиции и обнаруживают антисоветские настроения, а стало быть, могут быть использованы в интересах политики США.

Третья фаза началась в связи с "Ирангейтом", когда тайное стало явным (с 1986г.). Секретные поставки оружия в Иран в обход Конгресса и органов исполнительной власти вызвали бурную реакцию в США. На этом этапе США вынуждены были официально заявить о прекращении военной помощи Ирану⁹. "Ирангейт" нанес чувствительный удар по престижу США.

В целом можно констатировать, что США получили в условиях ирано-иракской войны определенные дивиденды: им удалось укрепить свои политические и военно-стратегические позиции в регионе, получить новые льготы в Омане, Сомали, Кении, усилить свое военное присутствие в Заливе. Успехом США явилось также то обстоятельство, что центр конфликтной ситуации на Ближнем и Среднем Востоке переместился с арабо-израильской конфронтации в Персидский залив и в какой-то степени отвлек внимание мировой общественности от ближневосточного кризиса.

Говоря о стратегической линии США в войне в Заливе, следует учитывать влияние на неё их главного союзника в регионе - Израиля. Ирано-иракская война оказалась выгодной для Израиля, так как отвлекла и развязала Израилю руки для проведения здесь его экспансионистской политики.

Одновременно Израиль и произраильские круги в США продолжали оказывать давление на американскую администрацию для создания в её политике в Персидском заливе проиранского крена. Израиль всеми средствами стремился не допустить прекращения ирано-иракской войны при сохранении нынешнего руководства Ирака. Особую тревогу в Израиле вызывало количественное и качественное усиление вооруженных сил Ирака как фактор, несущий в себе потенциальную угрозу изменения баланса сил в арабо-израильском конфликте.

Позиция СССР по отношению к войне Ирана с Ираком.

Советский Союз выступал за скорейшее прекращение войны между Ираном и Ираком. Он неоднократно вносил предложения, направленные на ослабление напряженности, возникшей в районе Персидского залива, и обеспечение безопасности всех расположенных там стран. В 1980г. Советский Союз выдвинул план нормализации политической обстановки в районе Залива. Он предложил тогда США, другим западным державам, Китаю, Японии, всем заинтересованным государствам договориться о следующем: не создавать в этом районе иностранных баз; не размещать там ядерного оружия; не применять или угрожать применением силы против стран региона, не вмешиваться в их внутренние дела, уважать статус неприсоединения, избранный государствами Персидского залива, не вовлекать их в военные группировки с участием ядерных держав, уважать суверенное право государств этого района на их природные ресурсы, не создавать там каких-либо препятствий или угроз нормальному торговому обмену и судоходству.

Усилия по прекращению ирано-иракской войны СССР прилагал неустанно на протяжении всех восьми лет войны. В Москве и в столицах этих двух воюющих государств в ходе обмена мнениями о сложившейся ситуации советская сторона настойчиво рекомендовала незамедлительно прекратить войну. СССР принял самое деятельное участие в выработке резолюции №598 Совета Безопасности ООН от 20.06. 1987г. и активно содействовал принятию её обоими участниками вооруженного конфликта. Он приветствовал прекращение огня на ирано-иракском фронте (с 20 августа 1988 г.) и вступление сторон в прямые переговоры друг с другом при посредничестве Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра. Как отмечалось в заявлении правительства СССР от 22.08.1988г., "произошло событие, открывающее путь к окончанию долгой кровопролитной войны. Этого давно ждали народы Ирана и Ирака и все те, кто искренне стремится к ликвидации очагов напряженности, к установлению мира и стабильности в районе Среднего Востока".

Переговоры, начатые Ираном и Ираком 25 августа 1988г. в Женеве на уровне министров иностранных дел, приняли затяжной характер. Они проходили под эгидой Генерального секретаря ООН и имели целью выработку соглашения, которое позволило бы снять взаимные претензии и восстановить на ирано-иракской границе мир и спокойствие. Но переговоры не привели к конкретным результатам. "Камнем преткновения" явились, с одной стороны, требование Ирака очистить, в первую очередь, водный путь по реке Шатт-

эль-Араб и Персидский залив от затонувших кораблей и обеспечить свободу навигации, а с другой - требование Ирана незамедлительно вывести иракские войска с оккупированной ими иранской территории площадью 259 кв.миль (1000 кв. км). Иранцы настаивали также на праве инспектировать иракские суда в Ормузском проливе до отвода иракских войск с иранской территории.

Сложилась тупиковая ситуация. Ни Иран, ни Ирак не шли на уступки. Ирак отверг возможность отвода своих вооруженных сил с иранской территории к довоенным границам, как это было предусмотрено резолюцией Совета Безопасности ООН по прекращению огня до тех пор, пока Иран не гарантирует безопасность навигации для иракских судов в Персидском заливе. Официальный представитель Ирака в феврале 1989г. заявил: "Мы будем держать свои войска на иранской территории, ибо прекращение огня - первый пункт резолюции №598 - должен подразумевать право на очистку реки Шатт-эль-Араб, а этот вопрос до сих пор не решен"¹⁰.

Таким образом, ирано-иракские споры на протяжении трех лет блокировали достижение прогресса на переговорах, происходивших при посредничестве Генерального секретаря ООН то в Женеве (на уровне министров иностранных дел), то в Нью-Йорке (на уровне заместителей министров иностранных дел или послов двух стран). В результате резолюция № 598 Совета Безопасности долгое время оставалась невыполненной. Армии двух стран занимали позиции, определившиеся на момент прекращения огня, и не отходили на свои прежние, довоенные границы.

Отказ Ирана и Ирака пойти на взаимные уступки в вопросах о расчистке русла реки Шатт-эль-Араб, обеспечении свободы судоходства в Заливе и выводе иракских войск с иранской территории повлек за собой невыполнение и остальных условий состоявшего из десяти пунктов плана политического урегулирования конфликта. Так, например, надолго затянулось решение вопроса об освобождении и репатриации более 100 тысяч военнопленных, удерживаемых обеими сторонами (70 тыс. пленных в Иране и 50 тыс. - в Ираке).

Напряженная обстановка на ирано-иракском фронте сохранялась до начала ирако-кувейтского кризиса. Руководство Ирана продолжало активно готовить армию к новым боевым действиям, оснащало её современным оружием, закупаемым за рубежом. Иракское руководство, пытаясь представить себя мировой общественности поборником скорейшего политического урегу-

лирования вооруженного конфликта с Ираном, не исключало тем не менее возможности новой военной вспышки с соседом и твердо намерено было сохранять преимущество в авиации, танках, артиллерии и другой боевой технике. СССР, являющийся нейтральной и одновременно дружественной страной по отношению и к Ирану, и к Ираку, постоянно прилагал усилия для достижения всеобъемлющего мирного урегулирования конфликта. В 1989г. СССР предложил свое посредничество в достижении взаимоприемлемого решения затянувшегося спора. В Тегеране, Багдаде и Москве стали проводиться двухсторонние встречи ответственных представителей трех стран, в ходе которых, наряду с другими вопросами, обсуждалась сложившаяся тупиковая ситуация в ирано-иракских переговорах.

По возвращении в Москву из продолжительной поездки по странам Ближнего и Среднего Востока в феврале 1989г. министр иностранных дел СССР Э.А.Шеварднадзе в интервью корреспонденту газеты "Правда" заявил, что на переговорах в Багдаде и в Тегеране ирано-иракский конфликт находился в центре внимания. "В Багдаде и Тегеране, - заявил министр, - мы не брали на себя роль арбитра. Наша миссия виделась нам в том, чтобы помочь Ираку и Ирану преодолеть стену отчуждения, выдать друг другу столь необходимый кредит доверия"¹¹.

Во время визита министра иностранных дел Ирана А.А.Велаяти в Москву в конце марта 1989г. в ходе беседы с Э.А.Шеварднадзе была подтверждена принципиальная позиция Советского Союза по окончательному ирано-иракскому урегулированию на основе резолюции № 598 Совета Безопасности ООН путем конструктивного диалога между Ираном и Ираком, взаимодействия их с Генеральным секретарем ООН с целью поиска взвешенного баланса интересов¹². Такая же позиция советского правительства была изложена во время визита в СССР в июне 1989г. Председателя собрания исламского совета, исполняющего обязанности верховного главнокомандующего вооруженными силами ИРИ Али Акбара Хашеми-Рафсанджани¹³.

С началом 2 августа 1990г. агрессии Ирака против Кувейта произошел крутой поворот в ирано-иракских отношениях. Перед угрозой войны на два фронта иракские власти решили пойти на установление добрососедских отношений с соседним Ираном. Начался отвод иракских войск с иранской территории. Одновременно иранским властям была передана первая группа военнопленных, захваченных в плен Ираком.

И вывод войск, и передача пленных - шаги доброй воли, как квалифицировали их в Багдаде, - были предприняты сразу же после того, как Ирак обратился к Ирану с предложением об окончательном урегулировании конфликта. Ключевой элемент этих предложений - объявленная Ираком готовность руководствоваться Алжирским соглашением 1975г., определившим принципы и условия решения спорного вопроса о реке Шатт-эль-Араб.

Новая позиция Ирака была благожелательно воспринята в Тегеране. Реакция Тегерана (как и Ирака) на размещение вооруженных сил США в регионе Персидского залива была резко негативной. 13.09.1990г. Иран выступил с предупреждением о том, что в конфликте в Персидском заливе он может встать на сторону Ирака. Руководитель ИРИ аятолла Хаменеи призвал мусульманские страны к "священной войне" против США с целью заставить американские вооруженные силы уйти из Саудовской Аравии, где находятся главные святыни ислама. Выступая по радио Тегерана, он заявил, что мусульмане не позволят Америке устанавливать свою систему безопасности и обороны в регионе Персидского залива ¹⁴.

¹ The New York Times. 21.05.1969; Kayhan International. 17.08.1971.

² Эттелаат, 11.02.1980.

³ Ирано-иракское совместное соглашение было подписано 6 марта 1975г. в Алжире шахом Ирана и заместителем председателя Совета революционного командования Ирака Саддамом Хусейном при посредничестве алжирского правительства. Было решено провести окончательную демаркацию сухопутных границ на базе Константинопольского протокола от 1913г. и протоколов комиссии по установлению границ от 1914г.; определить границу по реке Шатт-эль-Араб по тальвегу; обеспечить безопасность и взаимное доверие по всей линии границы.

⁴ См. Азис Мухаммед. Первый секретарь ЦК Иракской коммунистической партии. Национальная трагедия продолжается. "Проблемы мира и социализма". 1987, № 9, с. 67.

⁵ Аль-Ватан. Эль-Кувейт. 28.09.1980.

⁶ Возражения Ирана по главным пунктам резолюции были следующими. Пункт 1 резолюции требовал немедленного прекращения огня и отвода войск воюющих сторон

к международно признанным границам. Иран был согласен на прекращение огня, но только после принятия соответствующими комиссиями ООН решений (о которых говорится в резолюции № 598) по определению агрессора, по выяснению ущерба, размера репараций и т.д. В основе позиции Ирана лежал тезис о том, что он является жертвой агрессора, а Ирак - агрессором. Такая постановка вопроса была неприемлема для международного сообщества, поскольку невозможно точно определить момент начала войны. Непредвзятый анализ показывает, что каждая из сторон несет ответственность за начало вооруженных действий. Именно поэтому Совет Безопасности в документах, касающихся ирано-иракской войны, избегал термина "агрессор".

По-разному трактовался Ираном и Советом Безопасности и поднятый в пункте 1 вопрос о "международно признанных границах", к которым должны были быть отведены войска воюющих сторон. Захватив часть территории Ирака, Иран не обозначил своей позиции в отношении понятия "международно признанные границы". По всей видимости, это было связано с тем, что он стремился сохранить свободу рук для того, чтобы вырвать максимальные уступки у Ирака на стадии двусторонних переговоров, особенно в вопросе о репатриациях.

Расхождения, в позициях Ирана и ООН обнаружались также по пункту 7 резолюции, касающемуся ущерба от войны. Хотя Иран придавал большое значение определению масштабов ущерба и размеров военных репараций в общем комплексе проблем, которые необходимо решить для прекращения войны, он жестко увязывал этот вопрос с объявлением Ирака агрессором и стороной, повинной в конфликте.

⁷ Говоря о "танкерной войне", следует иметь в виду важный момент, связанный с международным аспектом этой проблемы. "Танкерная война" привела к интернационализации конфликта. В него оказались вовлечены новые не только региональные, но и внерегиональные силы. Как известно, по просьбе Кувейта, обратившегося в начале 1987 г. к пяти постоянным членам Совета Безопасности ООН, СССР и США силами своих ВМС

способствовали безопасности транспортировки кувейтской нефти.

⁸ Цит. по: А.Васильев. Под прицелом Пентагона. "Правда", 11.01.1983.

⁹ Вмешательство будет продолжено. За кулисами событий. "Правда", 21.11.1986.

¹⁰ "Le Monde", 04.01.1989.

¹¹ "Правда", 02.03.1989.

¹² "Правда", 01.04.1989.

¹³ "Правда", 21.06. - 24.06.1989.

¹⁴ "Правда", 14.09.1990.

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН И ИРАН

Каспийский регион - это понятие, которое в узком смысле можно определить как бассейн Каспийского моря и прилегающие к нему территории. Однако сегодня оно получило более широкую трактовку - регион, лежащий на границе Европы и Азии, вдоль исторически сложившейся в период "холодной" войны линии Север-Юг, коридор, по которому проходит размежевание двух цивилизаций: христианской и мусульманской. Помимо особенностей географического положения как моста между Европой и Азией особую стратегическую значимость этому региону придают большие запасы энергоресурсов. Именно нефтяная лихорадка привлекла к нему внимание всего мира, обострила стремления третьих стран получить доступ к углеводородному сырью и активизировала борьбу между прикаспийскими странами по вопросам добычи и транспортировки нефти. В эту гонку вовлекается все большее количество государств, стремящихся не упустить своей доли, что в значительной мере дестабилизирует обстановку в этом довольно конфликтном регионе.

Район Каспия представляет собой северную границу Исламской республики Иран, поэтому в своей внешнеполитической деятельности Тегеран всегда уделял должное внимание этому направлению. В прошлые века каспийский регион был объектом борьбы между Ираном и Российской империей за укрепление своего влияния. В результате войн, длительных переговоров, соглашений к концу XIX века сложилась северная граница Ирана, и в XX в. серьезных изменений она не претерпела. В 30-40- гг. между Ираном и СССР были достигнуты договоренности о правовом режиме и правилах судоходства на Каспийском море (обе стороны считают, что и по сей день они не утратили свою законную силу) ¹. До середины 80-х годов ситуация в этом регионе полностью контролировалась двумя соседними государствами, и, несмотря на то, что иранское правительство периодически выражало недовольство по некоторым вопросам, связанным с нефтяными разработками на море, осу-

ществляемыми советской стороной, и как следствием этого - загрязнением вод, а также существованием на практике границы по линии Астара- Гасан-Кули, за которую иранские суда практически не допускались, это не накладывало значительного отпечатка на добрососедские отношения двух стран. В регионе развивалось взаимовыгодное сотрудничество.

С распадом СССР непосредственными соседями Ирана стали Азербайджан, Армения и Туркменистан. В регионе появились и другие независимые государства (Грузия, Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан), которые стремятся найти свои пути к достижению политической и экономической независимости. Такое резкое изменение политической ситуации на иранской границе в начале 90-х годов привело к тому, что северное направление его внешнеполитической деятельности стало наиболее приоритетным, и активность Ирана в Каспийском регионе резко возросла, тем более, что серьезное ослабление влияния России на своих бывших южных территориях вызвало дестабилизацию и даже военные конфликты в некоторых точках этого региона. Перед Ираном встала проблема сохранения стабильности к северу от своих границ не допущения развития национальных движений на свои территории. Претендуя на роль крупнейшей региональной державы и стремясь заполнить образовавшийся вакуум, Тегеран попытался начать активное проникновение в новые государства. Однако опора на историческую и культурную общность народов региона и стремление к возрождению исламских ценностей, а также противодействие других государств, прежде всего Турции и США, не позволили Ирану создать прочную базу для укрепления своего влияния. Вот почему с середины 90-х годов внешняя политика Ирана стала более гибкой. В отличие от прежних лет основная ставка была сделана на развитие экономического и культурного сотрудничества с бывшими советскими республиками при параллельном расширении всесторонних связей с Россией².

В начале 90-х годов коренным образом изменилась и международно-правовая ситуация на берегах Каспийского моря, поскольку его побережье оказалось разделенным между пятью государствами. ИРИ сразу осознала новые реалии и уже в 1991 г. выступила с предложением создания Организации сотрудничества прикаспийских государств. В ее рамках все прибрежные страны на основе равноправия смогли бы решать вопросы судоходства, рыбной ловли, использования природных ресурсов, экологии и др. Однако, хотя инициатива Ирана и была одобрена, механизм действия организации не

был запущен. Вскоре новые прикаспийские страны заявили о необходимости пересмотра документов, регулирующих существующий юридический статус моря, так как существовавшее положение их не устраивало. Особенно остро этот вопрос встал в 1994г., когда Азербайджан и Казахстан высказались за секторальный раздел моря и подписали с международными нефтяными компаниями контракты о совместной эксплуатации нефтяных месторождений (причем Иран в результате противодействия западных фирм не попал в число участников консорциума). Такое развитие событий не устраивало Тегеран. Руководство Ирана осознавало, что осуществление разграничений на море в одностороннем порядке может привести к обострению противоречий и даже развитию конфликтов между прикаспийскими странами, будет способствовать усилению влияния западных государств, а следовательно, приведет к дестабилизации обстановки в этом регионе, и тем самым может создать угрозу национальной безопасности страны. Противодействие таким тенденциям, а, в первую очередь, ограничение влияния США, которые, объявили каспийский регион зоной своих жизненных интересов и, расширяя политическое, экономическое и военное сотрудничество со странами региона, пытаются настолько укрепиться в нем, чтобы полностью определять политику в вопросах транспортировки каспийских углеводородов, и, по возможности, вытеснить Иран, также является важной задачей, решаемой внешнеполитическим ведомством ИРИ. (Можно говорить о том, что сегодня острое американо-иранских противоречий лежит именно в Каспийском регионе, так как в результате введения американских санкций он оказался отстраненным как от участия в международных нефтяных консорциумах, так и от решения вопроса относительно путей экспорта сырья из региона на мировые рынки).

Исходя из этого, Иран высказался за сохранение существующего статуса Каспийского моря, то есть сохранения природных ресурсов в общей собственности (кондоминиум). При этом предусматривалось выделение национальных экономических зон в прибрежных водах государств. Отметим, что до конца 1997 г. аналогичную позицию занимали Россия и Туркменистан. Однако в результате противодействия других прибрежных государств осуществить принцип общей собственности не удалось, и раздел моря фактически уже идет. В этих условиях иранское правительство несколько скорректировало свою первоначальную позицию. Глава внешнеполитического департамента ИРИ, выступая на проходившей в ноябре 1998 г. в Тегеране конференции "Нефтегазовые ресурсы Каспийского моря и транспортные пути" зая-

вил, "чтобы облегчить наш путь к согласию, мы готовы пойти на переговоры о юридическом режиме, основанном на разделе моря на секторы. Но для такого деления Каспийского моря следует использовать следующие критерии:

1. Принцип единогласия при принятии любых соглашений.
2. Принцип равных прав прибрежных государств во всех вопросах от суверенитета до использования морских ресурсов, ресурсов дна и недр моря.
3. Только один юридический режим должен распространяться на все море.
4. Мы должны прийти к соглашению по поводу беспрепятственного и не дискриминационного прохода судов.
5. Каспийское море должно быть объявлено демилитаризованной зоной и использоваться только в мирных целях.
6. Приоритет должен быть отдан охране окружающей среды Каспийского моря и принятию соответствующих мер.³

Новая позиция ИРИ, хотя и достаточно конструктивна, имеет слабые места, так как раздел моря на равных условиях (т.е. по 20% каждой стороне) может быть выгоден только Ирану, морской сектор которого при условии раздела моря по средней линии составляет 12%, однако такой принцип вряд ли будет приемлем для других прикаспийских государств. Однако, необходимо отметить, что в позиции Ирана произошли определенные подвижки и правительство страны прилагает активные усилия по убеждению всех прикаспийских государств в необходимости скорейшего определения правового статуса Каспия, так как считает, что чем дольше затянется решение этого вопроса, тем выше вероятность вмешательства иностранных государств в его решение. Причем, такие доводы уже подтверждаются участием американских экспертов в делимитации нефтяных полей между Азербайджаном и Туркменистаном . .

Предметом особого беспокойства для руководства Ирана стала обостряющаяся политическая обстановка на берегах Каспия: усиление проамериканских настроений в Азербайджане и Туркменистане, заявления азербайджанских деятелей о возможности размещения военных баз НАТО на его территории, распространение ваххабитских идей и попытки создания исламского государства на территории Дагестана, стремления чеченских группировок прорваться к Каспийскому морю, нерешенность армяно-азербайджанского вопроса в Карабахе. ИРИ выражает готовность оказать

помощь в качестве посредника для скорейшего урегулирования конфликтных ситуаций.

Именно политические мотивы, в первую очередь, вынуждают Иран включиться и в борьбу за каспийскую нефть. С середины 90-х годов Тегеран пытался активизировать свое присутствие в нефтяной сфере, однако, хотя им и были заключены отдельные контракты с Туркменистаном, Азербайджаном и Казахстаном, территория Ирана полностью исключалась при определении маршрутов основных экспортных нефтепроводов. В 1998 г., воспользовавшись тем, что окончательное решение о транспортировке "большой" каспийской нефти постоянно откладывается, а в условиях падения цен на нефть аргументы экономической эффективности для нефтяных компаний становятся весомее политических, ИРИ предложила свой тщательно разработанный и просчитанный специалистами проект основного экспортного нефтепровода.

Необходимо отметить, что международные эксперты и ранее рассматривали эту страну в качестве потенциального экспортера каспийской нефти, однако жесткая позиция США по отношению к Ирану не позволяла серьезно обсуждать такие проекты. После избрания президентом ИРИ М. Хатами и активизации усилий Ирана по улучшению отношений со странами запада определенные круги стали заявлять о возможности сотрудничества с Ираном. За иранский вариант транспортировки нефти высказываются представители компаний "Мобил", "Костал", "Шеврон". О недальновидности американской позиции, направленной на изоляцию Ирана стали говорить и политики. Так, З. Бжезинский, бывший помощник президента США по национальной безопасности, выступая на слушаниях в Сенате по вопросу политики США относительно нефтяного экспорта из каспийского региона в июле 1998 г. отметил, что "в наших интересах предоставить Ирану возможность участвовать в региональном сотрудничестве"⁴.

Учитывая определенные изменения в отношении к Ирану на международной арене, руководство страны стало активно продвигать свой проект транспортировки каспийской нефти. Разработанный план включает три этапа. На первой стадии будет осуществлена прокладка 392-километрового трубопровода от порта Нека на Каспийском море до Тегерана, а также пройдет реконструкция тегеранского и тебризского нефтеперерабатывающих заводов; параллельно будут создаваться дополнительные мощности для хранения сырой нефти. Согласно расчетам иранских специалистов работы по это-

му плану потребуют капиталовложений в размере 400 млн. долларов. Причем, эта сумма будет возмещена иранской стороной за счет продажи нефти по принципу замещения. Закончить работы этого этапа планируется за 2 года, а все затраты должны окупиться за 5 лет⁵. Предполагается, что к началу 2001 г. нефтепровод пропускной способностью 350 тыс. баррелей в день вступит в строй. На второй стадии предусматривается развернуть трубопроводы от Тегерана на Исфаган и Ахваз и от Тегерана на Арак и Ахваз в обратную сторону, что позволит принимать до 1 млн. баррелей сырой каспийской нефти в сутки и перерабатывать ее на 4 заводах внутри страны. Аналогичное количество нефти будет перекачиваться в терминалы в Персидском заливе и экспортироваться взамен среднеазиатской и закавказской. На третьем этапе начнется непосредственная транспортировка нефти из Каспийского моря к терминалам на острове Харк по созданной системе трубопроводов от северной границы Ирана до побережья Персидского залива.

Разрабатывая этот проект, руководство ИРИ основную ставку сделало на принцип замещения, что, несомненно, экономически очень выгодно для страны, которая больше всего энергоносителей потребляет в северных районах, а основную их добычу осуществляет на юге. Таким образом, в результате осуществления этого плана Иран сможет продолжать и развивать нефтедобычу в Персидском заливе, удовлетворяя часть своих потребностей за счет каспийской нефти. Можно объективно говорить, что Иран предлагает сегодня для международного экспорта каспийской нефти наиболее короткие, сравнительно безопасные и экономически эффективные маршруты.

Широкие возможности существуют и для экспорта газа из Средней Азии в Европу через территорию Ирана. Уже заключены соглашения с Турцией, начались поставки туркменского газа в северные районы ИРИ, разрабатываются планы сотрудничества с Россией в этом направлении.

Тем не менее руководство ИРИ осознает, что в условиях острого соперничества в регионе оптимальным путем решения вопроса может стать диверсификация маршрутов транспортировки и поэтому поддерживает идею строительства нескольких трубопроводов⁶.

Единственный маршрут, который категорически не приемлют в Тегеране – транскаспиский, который должен пройти по дну Каспийского моря. В Иране считают, что строительство этого трубопровода не может быть осуществлено, во-первых, в условиях нерешенности правовых вопросов, так как его прокладка ущемляет интересы других государств, во-вторых, его экс-

плуатация в условиях повышенной сейсмичности района может привести к экологической катастрофе.⁷

Нельзя забывать, что Каспийский бассейн – источник ценных пород рыбы, особенно осетровых, следовательно и икры. (Он дает 90% мирового улова). Для Ирана – это одна из основных статей экспорта. В 1995 г. ИРИ экспортировала на мировой рынок 200 тонн икры. Отметим, что тонна нефти стоит 80-110 дол., а тонна икры значительно дороже, и в зависимости от сорта и качества ее цена колеблется от 180-600 тыс. дол.⁸. В последние годы произошло разрушение существовавшей между СССР и Ираном системы вылова ценных пород рыбы, не соблюдаются квоты, расцветает браконьерство, нет должного контроля за воспроизводством стада.. В результате вылов рыбы бесконтрольно увеличивается, страдает качество производимой икры, падают цены. Такое положение наносит экономический ущерб Ирану, где существует монополия на добычу, производство и реализацию осетровых и икры. Тегеран активно выступает за скорейшее регламентирование всех вопросов, связанных с выловом рыбы и морепродуктов на Каспии.

Большое беспокойство руководителей Ирана вызывает и ухудшение экологической ситуации в каспийском регионе, связанное с расширением работ по разведке и добыче нефти и газа, промышленным и бытовым загрязнением вод, а также подъемом уровня моря. Отсутствие должного внимания к вопросам охраны окружающей среды могут привести к разрушению экологической системы всего региона. Руководство Ирана призывает к объединению действий всех прикаспийских государств в этом вопросе и прилагает постоянные усилия для организации регионального сотрудничества в этой области.

Каспийский регион имеет огромное значение для Ирана как транспортный коридор, предоставляющий ему выход через Волгу и систему каналов в Европу, через железнодорожные магистрали Средней Азии на Дальний Восток. С другой стороны, территория Ирана является удобным транзитным путем к Персидскому заливу и странам Южной Азии. Сегодня, когда формируются внутрирегиональные и межгосударственные транспортные потоки, ИРИ стремится принять в них максимальное участие, чтобы стать одним из важных транспортных центров и таким образом упрочить свои позиции в регионе. Так, в рамках проекта Трансазиатской железной дороги в 1996 г. вступил в строй участок Мешхед-Серакс-Теджен, соединивший железнодорожную сеть Ирана и Средней Азии. Ведется строительство железнодорожных маги-

стралей Мешхед-Бафк и Керман-Захедан. В результате страны Средней Азии получают кратчайший железнодорожный выход к мировому океану. Иран активно участвует в разработке и осуществлении транспортных программ ОЭС, он выразил готовность присоединиться к проекту ТРАСЕКА. Большое внимание уделяется развитию морских паромов из порта Энзели в Туркменбаши и Оля, а также Махачкала-Баку-Нушехр, подготовке проекта железнодорожного паромного сообщения Лагань (Калмыкия) – Нушахр с дальнейшим выходом в Объединенные Арабские Эмираты. Однако бесперебойное функционирование этих паромов, свободное судоходство по Каспию, осуществление новых транспортных проектов возможно лишь при условии решения всего комплекса правовых проблем этого водного бассейна. Причем, если на Каспии будут установлены государственные границы, то ущерб будет нанесен интересам всех прикаспийских государств.

Итак, иранское руководство в своей деятельности уделяет постоянное внимание проведению активной политики в каспийском регионе с тем, чтобы обеспечить безопасность своих северных границ и укрепить свое политическое и экономическое присутствие в этом районе. Сегодня интересы России и Ирана в Каспийском регионе во многом совпадают. Каспий – это единственный путь, который соединяет два государства. Москва и Тегеран должны объединить усилия для урегулирования всего комплекса вопросов в интересах укрепления безопасности и развития взаимовыгодного сотрудничества всех государств региона. Однако осуществление целого ряда проектов и программ затрудняется в связи с нерешенностью основной проблемы региона – определение правового статуса Каспийского моря. Разрешив коллективными усилиями на основе общего согласия без вмешательства извне этот вопрос, прикаспийские государства смогут договориться и по другим проблемам.

¹ Пребывание В.Н. Пастухова в Иране. – Дипломатический вестник №8, 1998, с.17.

² М. Санои. Взаимоотношения Ирана и стран Центральной Азии: история и современность (политологический анализ). Алматы, 1997, с.54-55.

³ Цит. по Вестник Каспия №6, 1998.

⁴ Цит. по Implementation of U.S. Policy on Caspian sea oil exports. Hearing before the subcommittee on international economic policy export & trade promotion of the Committee on foreign relations

United States Senate. July 8, 1998. Wash., 1998, p. 29.

⁵ Вестник Каспия №6, 1998. А. Маджиди. Энергетические ресурсы и их транспортировка через бассейн Каспийского моря.-Аму-Дарья. Весна 1999, с. 26-29.

⁶ В начале 1999 г. в Тегеране на заседании экспертов по нефтегазовым ресурсам стран ОЭС было заявлено, что эта организация должна поддержать строительство нескольких маршрутов: на запад через Баку, на юг к Персидскому заливу, а в перспективе на восток. - ИРНА. 25.01.1999.

⁷ Выступление М. Хатами на 7-ой Международной конференции "Центральная Азия и Кавказ" 22.06.1999. - Iran News, 23.06.1999.

⁸ И.С.Зонн. Каспий: иллюзии и реальность. М., 1999, с.293-294.

ВЛИЯНИЕ ИРАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1978-79 гг. НА ТАДЖИКИСТАН

Двадцать лет прошло с тех пор, как в Иране свершилась революция, которая оказалась неожиданностью не только для мировой общественности, но и многих представителей собственно иранского населения. По результатам эту революцию можно назвать исламской потому, что фактическим лидером широких слоев населения оказалось шиитское духовенство. Оно оказалось идейным авангардом революции и ему удалось прийти к власти в результате ее победы, установив особый тип государственного устройства, который, по нашему мнению, можно условно назвать "популистской теократией".

Печать исламизации в иранской революции 1978-79 гг. ярко выразилась в установлении в Иране исламской республики и в принятой в 1979 г. соответствующей духу этой республики Конституции, ее Основного Закона. Этот отпечаток исламизма (исламизации) как на самой революции, так и на ее результатах способствовал появлению так называемого "исламского фактора". Этот фактор с победой в Иране революции, надо признать, стал одним из определяющих явлений в международной жизни в 70 - 80-ые годы в ряде мусульманских стран, а с распадом СССР стал оказывать влияние и на мусульман бывших советских республик, в том числе и на Таджикистан.

Это влияние носит неровный характер, отличаясь приливами и отливами. Особенно активно проявил себя так называемый "исламо-иранский" фактор в период утверждения в начале 90-х годов политической самостоятельности Таджикистана. Этот период отмечен резкой переориентацией Таджикистана в сторону мусульманских стран и особенно ИРИ.

Этот процесс способствовал отмежеванию от прежних советских ориентиров и ценностей и обращению к исконно традиционным, особенно мусульманским ориентирам. Этот процесс сопровождался поисками исторической, национальной и культурной идентичности. Поэтому общность происхо-

ждения и истории (нередко трактуемая как "общность судьбы"), общность языка, традиции и других компонентов материальной и духовной культуры между мусульманами Таджикистана и Ирана, преподносились как веская основа к переориентации в сторону "мусульманского мира".

Важное место в этой переориентации сыграла активизация ислама на международной арене на рубеже 1978-80 гг. и образование Исламской Республики Иран.

Наиболее наглядным примером этого влияния были февральские события 1990 г. в Таджикистане, когда на крыше здания ЦК КП РТ впервые в те дни появился открытый призыв, который гласил: "Если не можете управлять государством, отдайте власть духовенству!". В клубах, чайханах, превращенных фактически в молитвенные дома, звучали призывы: "Проснитесь, мусульмане! Поднимается народ, пора создавать исламское государство". Распространялись записанные на магнитофонные ленты и видео выступления имама Хомейни, а также местных религиозных предводителей.

Разумеется, все эти настроения не были веянием только внешнего влияния. Существовала и местная питательная среда, которая зачастую игнорируется рядом политиков и лидеров Таджикистана. Нельзя в событиях, происшедших в последние годы видеть только влияние "исламского фактора" и "фундаменталистов". Распад СССР и так называемая "суверенизация" бывших советских республик, в том числе и Таджикистана, вызвали социальные противоречия и поляризацию сил. Социально-политические противоречия нашли здесь выражение в местнических противоречиях, которые переросли в вооруженный конфликт на государственном уровне.

В развернувшейся в Таджикистане гражданской войне приоритетную роль сыграли политические, социально-экономические причины. Суверенитет, полученный как дань свободы от взаимных обязательств "центра" и такой "периферийной" республики, как Таджикистан, который служил аграрно-сырьевым придатком "центра", выявил глубокий социально-экономический кризис, неравномерность социально-экономического развития регионов республики. Однако в совокупности с распространением исламского фактора межтаджикский конфликт мог приобрести региональный, а возможно и региональный характер, если учесть события, происходящие в это время в соседнем Афганистане.

Революция 1978-79 гг. в Иране, а затем установление в августе 1992 г. Исламской республики в Афганистане способствовали тому, что с распадом

СССР в Таджикистане получили распространение идеи создания в перспективе единого исламского государства, способного объединить родственных по языку, культурным традициям, древней истории и религии персоязычных. То есть исламо-иранский фактор оказал заметное воздействие на развитие исламистских и националистических настроений в Таджикистане.

Одним из ярких примеров проявления этих настроений можно назвать принятие в Таджикистане в июле 1989 г. закона о языке, по которому таджикский язык (в скобках оговаривалось фарси) приобрел статус государственного.

Другим примером было нелегальное функционирование различных формирований и движений в республике, число которых достигало более 200. В декабре 1990 г. 43 из них, согласно закону Таджикской ССР, были легализованы.

Следует отметить политическое движение "Растохез", созданное в Таджикистане в 1990 г. Появление этого движения в самый разгар национального возрождения, вызванного перестройкой, самым непосредственным образом связано с влиянием как иранской революции 1978-79 гг., так и Ирана в целом. Созданная в Таджикистане партия "Растохез" предусматривала не только возрождение республики как самостоятельного независимого государства, но и возрождение таджикской нации, ее самобытности, языка и культуры, а также широкое приобщение к мировой мусульманской цивилизации, где пример Исламской Республики Иран играл весьма существенную роль как образец социально-политического и экономического устройства. При этом движению "Растохез" принадлежала инициатива по созданию платформы организации, носившей светский характер. В дальнейшем, по мере усиления религиозных настроений в республике значительное большинство движения "Растохез" оказалось под воздействием "Партии Исламского Возрождения Таджикистана" (ПИВТ), истоки создания которой в виде отдельных ячеек восходят к 70-м годам нашего столетия, когда, несмотря на запреты советской власти, существовали подпольные религиозные школы¹. Для их появления, помимо влияния событий в Иране, существовали и объективные причины, в частности, отсутствие, кроме коммунистической, другой светской идеологии, а также оппозиционных партий и движений. В этих условиях для определенной части населения религия приобрела естественную форму протеста против советского тоталитаризма. Поэтому идеи иранской исламской революции попадали на благоприятную почву. Каналами распространения

этих идей были радио, контрабандный ввоз запрещенной тогда религиозной литературы и трудов иранских авторов.

Члены ПИВТ разделяли идеи иранских религиозных идеологов, стоящих на фундаменталистских позициях, направленных на укрепление политической роли ислама, в том числе непременное участие религиозных деятелей в управлении государством. ПИВТ не ставила, в отличие от фундаменталистов Ирана, задачу борьбы против экономического и духовного колониализма, но выступила за расширение прав верующих, легализацию религиозных институтов, освобождение от прессинга коммунистической идеологии, налаживание тесных контактов с зарубежными исламскими центрами, ПИВТ выдвигала также требования выхода республики из политического и экономического кризиса, реализацию суверенитета, осуществление реформ и перехода к рыночной экономике и т.д. Поэтому на начальном этапе своей деятельности фундаменталистское движение в Таджикистане, как и в Иране, привлекло к себе внимание широких слоев населения, в том числе и интеллигенцию. Как и в Иране, исламистам, в данном случае ПИВТ, удалось подчинить себе другие политические силы - Демпартию Таджикистана и "Растохез" и даже выступить единым фронтом, как это было и в Иране в ходе революции 1978-79 гг. против официального правительства и существовавшей системы.

Как и в Иране, объединение оппозиционных сил в Таджикистане усилило позиции "исламистов". Среди других политических партий и движений ПИВТ стала доминирующей силой и в идеологическом плане. Даже демократические издания, в частности газеты Демпартии "Адолат", "Дунья", а также независимые издания типа "Чароги руз" и "Сухан" стали пропагандистами религиозно-политических идей, в том числе идеологов "исламской революции" в Иране. На страницах этих газет выступали фундаменталистские деятели, публиковались религиозные тексты.

Разразившаяся гражданская война в Таджикистане прервала функционирование в стране вышеназванных политических движений и партий, исключая КПТ. В настоящее время, кроме КПТ, официально функционируют такие партии, как Народно-демократическая партия Таджикистана (НДПТ), так называемая "партия власти", лидером которой является Президент РТ Э.Рахмонов; Социалистическая партия, Гражданско-патриотическая партия, Партия политического и экономического обновления, Партия суверенитета и развития, а также политические движения: "Вахдат

мили ва аҳъеи Тоҷикистон" (Единство и возрождение нации), "Национальное движение Таджикистана"². Что касается ДПТ, ПИВТ и "Растохез", "Лаъли Бадахшон" и др., то они официально, кроме ДПТ, прошедшей перерегистрацию, заново не перерегистрированы, что является непременным требованием существующего правительства. Очевидно, что идеи создания "исламского государства" не покинули наиболее непримиримую часть оппозиции. Но следует отметить, что в связи с происходящими процессами интеграции ОТО (Объединенная таджикская оппозиция) в государственные структуры и политического национального примирения, которое осуществляет специальная комиссия, настроения и тенденции к исламизации таджикского общества не носят воинствующий характер. Они приобрели относительно спокойный характер пропаганды преимуществ моральных и нравственных аспектов ислама, исламистских лозунгов и концепций вокруг проблем светского и не светского характера государства, взаимоотношений государства и религии, необходимости объявления ислама государственной религией и т.д. И в этих случаях пример Ирана как до революции 1978-79 гг., так и послереволюционный период служит для многих представителей Таджикистана как предмет если не подражания, то для рассмотрения и обсуждения, что свидетельствует о живучести идей "исламской революции" для одной части населения и неприемлемости для другой. Последняя, однако считает себя мусульманами, выступает за поворот ислама к заботам современного Таджикистана, за использование его в радикальном обновлении республики на принципах гуманизма и демократии, за развитие исламской морали, осуждающей насилие, экономическое и политическое бесправие. На этой основе возможен конструктивный диалог и сотрудничество между государством и оппозицией, между мусульманами и немусульманами для достижения мира и политической стабилизации в стране.

Активное участие религиозных представителей в процессе национального примирения в Таджикистане, лидирующая роль в ОТО способствуют укреплению их позиций в политических процессах страны.

Однако в Таджикистане, в отличие от Ирана, это исключает превращение мусульманского духовенства и политических сил, апеллирующих к исламу, в политических гегемонов. С этим вряд ли, в отличие от иранского, смирится общество в Таджикистане, которое значительно продвинулось в процессе секуляризации. Несмотря на процесс распространения исламской

религии и исламских традиций после развала СССР, вряд ли можно предположить, что в Таджикистане, родственном по языку и древней истории с Ираном, существует база для создания исламского государства, хотя исламские настроения возникают и еще будут возникать. Поэтому неверно ожидать революции типа иранской в Таджикистане. Однако пора понять и по достоинству оценить значение традиционных, духовных, в первую очередь религиозных, факторов в жизни мусульманского Востока, составной частью которого является и Таджикистан. Народ этой страны, как и другие страны СНГ, получив суверенитет, подразумевает под ним, как минимум, экономический подъем, ликвидацию нищеты, повышение уровня жизни, укрепление национальной и достижение экономической независимости, развитие национальной культуры, важным компонентом которой является ислам.

В условиях, когда вариант реформирования социалистического общества на основе рыночной экономики принес бывшим социалистическим республикам политический и социально-экономический кризис, резко ухудшив социальное положение основного населения, когда имитация пути индустриально развитого Запада выглядит нереальной для такого отсталого в экономическом отношении общества, как Таджикистан, получили развитие и продолжают развиваться настроения, отражающие поиски нового, альтернативного пути, более справедливого, а точнее, благополучного в социально-экономическом развитии общества, основанного на собственных ценностях и традициях. Такой альтернативой для определенного слоя общества выглядит ислам, как путь преодоления экономических и социальных трудностей. В данном случае благополучная ИРИ обладает более привлекательной силой, и этот фактор нельзя сбрасывать со счета.

¹ Этнические и региональные конфликты в Евразии. - Центральная Азия и Кавказ. Книга 1. М., 1997, с.87.

² Бизнес и политика. № 20 (284), май 1998.

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА ИРАНА КАК ОДНО ИЗ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С ИРИ.

Внешнеторговая стратегия России, целью которой является соблюдение интересов страны, не может не учитывать направлений, перспективных для её собственного развития. В этом отношении одним из таких направлений, которые могут поддержать российский научно-технический потенциал и в то же время отвечать интересам России, является атомная энергетика. Совместная деятельность России и ИРИ именно в области развития атомной энергетике Ирана является в данный момент важнейшим направлением российско-иранского сотрудничества. Одним из наиболее значительных совместных проектов в этом сотрудничестве можно назвать строительство атомной электростанции в Бушере. Участие в программах по развитию атомной энергетике ИРИ несомненно выгодно для России экономически, но этот аспект весьма многосторонних российско-иранских экономических отношений вызывает серьезную озабоченность в мире и поднимает множество вопросов. Попытается ли Иран создать ядерное оружие, сможет ли Россия форсировать этот процесс или на её южных границах появится новая атомная держава, как получение Ираном атомных технологий отразится на международной ситуации в регионе и в мире в целом? Всё это не может не беспокоить Россию, ведь перечисленные проблемы напрямую затрагивают стратегические интересы РФ и связаны с вопросами её безопасности. Кроме того, проблема сотрудничества России и Ирана в атомной сфере стала объектом столкновения принципиальных интересов РФ и США, что повышает её остроту и превращает ее, в некоторой степени, в вопрос о распространении влияния США в мире. Необходимо сразу же отметить, что действия России по развитию атомной энергетике ИРИ не противоречат ни национальным, ни международным законам, так как Иран является членом Договора о нерас-

пространении ядерного оружия, и любые его ядерные программы находятся под контролем МАГАТЭ.

Однако Соединённые Штаты оказывают серьёзное противодействие усилиям ИРИ по созданию в стране атомной энергетики, мотивируя свои действия стремлением поддержания мира во всём мире, и обвиняют ИРИ в попытке создания ядерного оружия. США не скрывают того, что именно под их давлением были расторгнуты договоры ИРИ с компаниями Испании, Германии, Аргентины, Китая, Чехии, Франции, Италии, Индии, ЮАР и Украины, сотрудничавшими с Ираном в этой области¹. Осуществляются попытки оказания давления и на РФ с целью разрыва сотрудничества России и Ирана в области атомной энергетики. Вообще, в США проблеме развития атомной энергетики в ИРИ уделяется огромное внимание. Исследования данного вопроса ведутся в таких американских научных центрах, как Институт стратегических исследований и Центр исследований нераспространения атомного оружия, ежегодно публикуются научные обзоры и статьи, посвященные этой проблеме. Следует сказать что, взгляды американских учёных и аналитиков не всегда соответствуют официальной позиции по данному вопросу американских властей. Так, в выпущенном в 1998 году Центром исследований нераспространения обзоре "Возможности Ирана в атомной сфере" авторы проводят анализ возможности использования в атомной программе ИРИ таких предприятий и исследовательских центров Ирана, как Бушер, Бонаб, Даховин, Исфаганский центр атомной технологии, Иранская национальная стальная компания, Горган (Нека), Центр сельскохозяйственных исследований и ядерной медицины, Моаллем Кальях, Тегеранский университет, Университет технологии Амир Кабир, Институт теоретической физики и математики, Университет Азад, Университет технологии Шариф и других². По признаниям самих исследователей, большинство обвинений, выдвигаемых против этих организаций и заключающихся в утверждении того, что они занимаются разработкой и созданием атомного оружия, доказать невозможно, ибо они не имеют никаких реальных оснований. Те же предприятия, которые действительно способны участвовать в атомной программе ИРИ, по-видимому, виноваты лишь в том, что обладают такими потенциальными возможностями. Так, заводы по производству стали, как считают американские специалисты, могут быть использованы для ядерной программы и в производстве баллистических ракет³. Центр сельскохозяйственных исследований и ядерной медицины, хотя в настоящий момент его невозможно использовать как завод по

обогащению урана, может стать таковым, как опасаются США ⁴. Таким образом, сейчас США не в состоянии доказать причастность иранских организаций к незаконным действиям по развитию атомной энергетики и к попыткам создания атомного оружия. Более того, как считают американские специалисты, ИРИ в данный момент не обладают ни достаточной технологической базой, ни оборудованием, ни инфраструктурой для реализации своей атомной программы и сможет осуществить её только через 10-20 лет и то лишь при условии, что Ирану в данной области окажут содействие другие государства. Любому такому содействию извне, как уже говорилось, США оказывают активное противодействие. Что заставляет Соединённые штаты предпринимать подобные шаги, почему постоянно делаются громкие заявления об атомных устремлениях Ирана, способствующие созданию у ИРИ неблагоприятного имиджа в глазах мировой общественности, несмотря даже на данные собственных специалистов, рассмотренные выше? Очевидно, между декларируемыми целями США о поддержании мира и безопасности и их реальными устремлениями существует значительный разрыв. Нужно помнить о том, что отношение США к идее создания атомной энергетики в Иране не всегда было отрицательным. В середине 70-х годов именно при поддержке США эта программа в Иране начала развиваться. В 1974 году шах Мохаммад Реза Пехлеви основал Организацию по атомной энергии Ирана. До 1978 года были заключены контракты с США, Францией, Германией и другими странами о поставках в Иран ядерного топлива, о получении Ираном 10% акций завода по обогащению урана во Франции, принадлежащего франко-итало-испано-бельгийскому консорциуму, о передаче Ирану технологии обогащения урана, используемой на данном заводе. Был разработан план создания 23 энергетических реакторов по всей стране и покупки атомно-энергетических предприятий у Германии, Франции и США. К 1979 году эта программа была лишь частично реализована ⁵. В это же время Соединённые штаты поставили в Иран лазеры, пригодные для использования в целях обогащения урана⁶, хотя сейчас сами США отрицают возможность использования этих лазеров в подобных целях. Похоже, в то время проблема распространения атомного оружия, в той мере, в какой она имеет отношение к Ирану, США не беспокоила. Эта страна была центром распространения влияния США в данном регионе, её политика в значительной степени контролировалась Соединёнными штатами и не представляла угрозы для последних. Что касается уг-

розы для других государств, то этот вопрос, исходя из действий США, тоже не вызывал их беспокойства.

После происшедшей в Иране Исламской революции политика Ирана в отношении Америки резко изменилась - изменилось и отношение США к атомной программе Ирана: вдруг оно стало резко негативным. Однако США мотивирует своё отрицательное отношение к атомной программе ИРИ заботой о мировой безопасности, а не собственными целями, которые определяют поведение Соединённых штатов. США опасаются усиления Ирана, превращения его в мощный региональный центр с антиамериканской направленностью в идеологии и политике. Несмотря на действия США, включающие различные санкции и прочие меры против ИРИ, этой стране, вопреки американским прогнозам, удалось выжить, строя свою жизнь и политику на основе исламских принципов. США неоднократно пытались осложнить развитие ИРИ, призывая мировое сообщество к разрыву связей и изоляции данной страны. Раньше Соединённые штаты мотивировали свои призывы к наложению санкций на Иран необходимостью борьбы с терроризмом, в поддержании которого они обвиняли ИРИ. Однако США не были поддержаны в своих усилиях, так как в мире, понимая нецелесообразность политики давления и санкций против ИРИ, перешли к курсу "критического диалога с Исламским Ираном" ⁷.

Сейчас США снова пытаются настроить мировое сообщество против Ирана и на этот раз обвиняют его в желании создать ядерное оружие. Соединённые штаты, таким образом, не только предпринимают попытки по ослаблению Ирана, препятствуя его экономическому развитию, которое не может успешно проходить без связей с внешним миром, но и создают препятствия для проникновения на иранский рынок неамериканских компаний. Безусловно, это также является одной из основных целей США в условиях, когда из-за напряжённых официальных отношений США и ИРИ прямой выход американских компаний на иранский рынок осложнён. В США понимают, что политика ограничения контактов невыгодна для Соединённых штатов и её пора изменить ⁸. До тех же пор, пока на официальном уровне не произошли серьёзные изменения, американские компании имеют, в основном, косвенные связи с иранцами, проводя контакты преимущественно через посредников. А иностранным компаниям контакты с ИРИ преднамеренно осложняются. Так, в 1996 году США пообещали ввести бойкот всем компаниям, осуществляющим вложения в энергетический сектор ИРИ, а в 1998 году Конгрессом США

был принят закон, в соответствии с которым против иностранных лиц и организаций, подозреваемых в передаче ракетных технологий ИРИ, будут вводиться санкции⁹.

Под санкции может попасть любой иностранный гражданин, компания, правительственное ведомство или организация, если имеются "внушающие доверие свидетельства" того, что имела место передача Ирану оборудования или технологии или попытка такой передачи, чтобы помочь ему в разработке баллистических ракет¹⁰. Представители МИДа России считают, что данный закон - это очередная попытка экстерриториального применения американских законов против иностранных государств, которые поддерживают нормальные отношения с неудобной США страной, что этот подход идёт вразрез с общемировой практикой и не приемлем для международного сообщества, данный закон не является совершенным и по мнению самих американцев. Во-первых, он имеет обратную силу, во-вторых, из-за того, что критерии доказательств нарушения режима нераспространения ракет, используемые в данном случае, являются слишком низкими, санкции могут вводиться на основе ложной информации¹¹. Но названные "минусы" закона являются таковыми лишь с объективной точки зрения, с точки же зрения осложнения контактов ИРИ с компаниями других стран эти "минусы" превращаются в несомненные "плюсы". Жертвами этого закона уже стали некоторые российские научные и учебные заведения. Что же касается использования недостоверной информации в достижении собственных целей, то Соединенные штаты нередко прибегают к таким средствам. В 1993 году США инициировали проверку предприятий ИРИ инспекцией МАГАТЭ, проводившей аналогичную проверку в 1992 году и установившей, что Иран полностью соответствует Договору о нераспространении атомного оружия. Проверка 1993 года подтвердила данные предыдущей инспекции, что сразу же вызвало обвинение Соединенными штатами специалистов МАГАТЭ в некомпетентности¹². Интересно то, что США настояли на проведении внеочередной инспекции, основываясь на информации, полученной от оппозиционной иранскому режиму партии "Моджахеддин-е хальк", ставящей своей целью падение режима, чему, как они полагают, будут способствовать санкции, эмбарго и давление США на ИРИ¹³. Показательным примером предоставленных этой организацией данных является информация о том, что в провинции Йезд, где в 1985 году были обнаружены запасы урана и молибдена, ведётся активная добыча и переработка урана. Прибывшая на указанное место ко-

миссия МАГАТЭ не обнаружила там ничего, кроме небольшой буровой установки. Источник информации, инициировавший проверку, некоторое время спустя объявил, вероятно, в целях собственной реабилитации, что исследовательский центр по атомной энергетике, как и предприятие по переработке урана, расположены глубоко под землей и в специально оборудованных туннелях, что и стало причиной их необнаружения¹⁴. Таким образом, Соединенные штаты, пренебрегая информацией такого заслуживающего доверия источника, как МАГАТЭ, активно используют данные весьма сомнительного происхождения, единственным преимуществом которых является их соответствие целям США. В 1998 году в газете "Вашингтон таймс" была опубликована статья, в которой заявлялось что целью приезда президента Организации по атомной энергии Ирана Голяма Рёзы Ага-заде в Москву была демонстрация ему центрифуги, предназначенной для обогащения ядерного топлива в военных программах. На самом деле он приезжал для обсуждения перспектив российско-иранского контракта на достройку АЭС в Бушере, о чём и было заранее официально объявлено. В марте 1999 года в газете "Нью-Йорк таймс" было опубликовано сообщение о том, что Россия свернёт сотрудничество с Ираном в ядерной области в обмен на снятие санкций с двух российских институтов. Министр по атомной энергии России Евгений Адамов опроверг это утверждение, заявив, что Россия будет и дальше выполнять свои обязательства перед Ираном, а также будет стараться расширить свою деятельность в ИРИ¹⁵. Многие говорят за то, что Соединённые штаты не заинтересованы в объективной оценке ситуации в Иране и обеспокоены исключительно решением своих собственных внешнеполитических задач.

Несмотря на давление, оказываемое на Россию со стороны Соединённых штатов, сотрудничество ИРИ и России продолжает развиваться. В начале 90-х годов РФ согласилась построить для Ирана 4 реактора (2 мощностью 1000 и 1200 мегаватт и 2 реактора по 465 мегаватт) в Бушере и обеспечить Иран значимой атомной технологией. Россия заявила, что производимый на этих станциях плутоний не может быть использован для производства оружия. Контракт на строительство первого энергоблока в Бушере был подписан в январе 1995 года. Однако в 1998 году возникла необходимость подписания дополнительного контракта о строительстве "под ключ" АЭС в Бушере, ввиду увеличения объёма работ, которые предстоит выполнить российским специалистам, так как иранская сторона отстала от первоначального графика, и

это создает определённые проблемы технического и юридического характера. Стоимость контракта составляет 780 млн. долларов. Реактор ВВЭР -1000, которым будет оборудована АЭС в Бушере, не может быть использован для производства оружейных ядерных материалов, а МАГАТЭ, под контролем которого строится и будет эксплуатироваться АЭС в Бушере, не располагает сведениями о нарушении Ираном международных договорённостей в области ядерного контроля ¹⁶. Топливо для АЭС в Бушере будет производиться на российском ПО "Машиностроительный завод" в Электростали. Ввиду того, что под давлением США Украина отказалась предоставить ИРИ турбины электрогенераторов, они будут произведены на заводе "Электросила" в Санкт-Петербурге и поставлены в ИРИ Россией. Также в России для работы на АЭС в Бушере будет вестись подготовка иранских специалистов, базовым институтом для которой был выбран МИФИ. ИРИ отрицает обвинения в создании ядерного оружия, объясняя необходимость развития атомных технологий потребностью освоения новых источников энергии для сбережения органических ископаемых для будущих поколений и для обеспечения энергией районов, где добыча и переработка нефти не развита ¹⁷. Иран неоднократно заявлял о своей приверженности Договору о нераспространении ядерного оружия, который был ратифицирован в Иране в 1970 году. С 1958 года Иран является членом МАГАТЭ. Развивая атомную энергетику ИРИ постоянно подчеркивает своё стремление использовать атомные технологии исключительно в мирных целях в различных сферах народного хозяйства. Однако Соединённые штаты продолжают настаивать на том, что ИРИ будет использовать атомные технологии в военных целях как одно из средств распространения исламского влияния, "экспорта исламской революции". Стоит отметить, что ещё Хомейни заявил, что Иран будет экспортировать только исламскую культурную революцию и отказывается от экспорта просто исламской революции или от прямых методов агрессии ¹⁸. И если при Хомейни заявление об экспорте только культурной революции являлось, возможно, вынужденным шагом в ответ на критику в мире, то сейчас нельзя не заметить, что ИРИ значительно изменилась с 1979 года и эволюционировала в сторону демократизации общества и политики, особенно в конце 90-х годов. После отказа от экспорта исламской революции нормализовались отношения ИРИ с Турцией, Бахрейном, Саудовской Аравией и другими странами. В последнее время ИРИ заявляет, что не будет применять военной силы против Израиля. В 1998 году были восстановлены отношения ИРИ со странами ЕС. Конечно,

нельзя исключать того, что Иран, как и некоторые азиатские страны, может разделять идеи обладания ядерным оружием. Тем более, что у него для этого имеются веские основания. Среди таких оснований можно выделить существование иракской угрозы, военную угрозу Израиля, а также США, влияние которых в регионе особенно возросло после войны в Персидском заливе и их посредничестве в урегулировании Ближневосточного конфликта. Иран не скрывает, что проводит энергичную программу по усилению своих регулярных вооруженных сил, закупает ракеты и другие виды оружия. Иранцы объясняют огромные затраты (около 7% от ВВП) на военные расходы необходимостью создания сильных военных средств сдерживания, но, по мнению западных аналитиков, расходы Ирана на военную технику и атомные программы значительно превосходят его законные потребности в области обороны и поэтому вызывают серьезное беспокойство¹⁹. Сейчас, когда создание и содержание огромной армии не гарантирует военного успеха, когда, как показала история, даже угроза химического оружия не была способна удержать США от военных действий против Ирака, только обладание ядерным оружием может предотвратить постороннее вмешательство во внутренние дела страны или в конфликты внутри региона.

Некоторые исследователи как в России, так и за рубежом считают, что возможность обладания атомным оружием может рассматриваться в ИРИ в качестве средства повышения собственного престижа, получения статуса региональной супердержавы в условиях, когда Иран не может войти в число великих держав по экономическим показателям²⁰. Фредерик Р. Стрэн, американский аналитик Института государственных стратегических исследований полагает, что в современном мире только ядерное оружие может удержать страну от агрессии, что для Ирана атомное оружие - это, в первую очередь, средство для выживания, и лишь потом - путь повышения престижа и обретения статуса супердержавы. Также он называет атомную программу ИРИ мстью странам атомного клуба, вызывом гегемонии ядерных держав, двойным стандартам, созданным Договором о нераспространении ядерного оружия²¹. Многие исследователи, изучающие проблему развития атомной энергетики в ИРИ разделяют точку зрения, состоящую в том, что, даже если ИРИ и будет обладать атомным оружием, эта страна будет использовать его как средство сдерживания США в регионе. Предположения же о ядерном терроризме как стратегии ИРИ, хотя и часто обсуждаются, но на самом деле весьма сильно преувеличены, с чем соглашаются даже американские экс-

перты²². В любом случае, для каких бы целей не предназначалось ядерное оружие в ИРИ, для России чрезвычайно важно, чтобы эта страна не превратилась в новую атомную державу, создав прецедент для разрушения режима нераспространения. Естественно, РФ не будет целенаправленно способствовать созданию атомного оружия в Иране, а активное участие России в атомной программе ИРИ создаёт для РФ уникальные возможности по контролю за ядерным потенциалом ИРИ, по наблюдению за осуществлением атомной программы в данной стране. К сожалению, ни Россия, ни какая-либо другая страна не может гарантировать того, что ИРИ не решится на создание атомного оружия. Ведь если для страны жизненно важно, с её точки зрения, обладание таким оружием, она будет преследовать цели его обретения, несмотря на любые неблагоприятные обстоятельства. Стоит согласиться с С.Карусом, аналитиком, опубликовавшим в 1998 году доклад, посвящённый анализу вероятности создания в ИРИ оружия массового уничтожения, считающим, что в современном мире с помощью силовых методов нельзя заставить Иран отказаться от ядерных устремлений, если он обладает таковыми. Следовательно, программы создания атомного оружия могут быть остановлены исключительно путём добровольных соглашений²³. От участия в подобных соглашениях ИРИ, как уже говорилось выше, не отказывается, и наоборот, поддерживает и развивает все инициативы в данной области. Иран выступает за создание зон, свободных от оружия массового уничтожения, в частности, безъядерных зон в регионе Ближнего и Среднего Востока, призывает к сокращению обычных вооружений, одним из первых подписал Конвенцию по химическому оружию. Кроме экономической выгоды и возможности контролировать атомную программу ИРИ, сотрудничество с Ираном представляет интерес для России и в силу ряда соображений политического и стратегического характера. Во-первых, усиление ИРИ, чему способствует развитие в данной стране атомной энергетики, создаёт в регионе мощный центр, препятствующий распространению и нём влияния США. Также ИРИ является реальной преградой продвижению НАТО в регионе и выступает против расширения этой организации, к участию в которой проявляют интерес некоторые страны Персидского залива. Помимо этого, сотрудничая с ИРИ, Россия предоставляет возможность своим компаниям заполнить некоторые ниши иранского рынка, укрепив и расширив тем самым свои позиции в Иране, пока эти ниши не успели занять компании других стран. Понимая целесообразность восстановления отношений с ИРИ, Соединённые Штаты ра-

но или поздно предпримут шаги в этом направлении, как только им представится такая возможность. Уже в 1991 году американская компания "Американ Митак" поставила в ИРИ компьютеры на 28 млн. долларов, а в 1994 году администрация Клинтона разрешила продажу Ирану быстродействующих компьютеров, имеющих важное значение для разработки и испытания стратегических видов вооружения, несмотря на жесткую торговую политику по отношению к ИРИ²⁴. Потерпев неудачу, пытаясь воздействовать на ИРИ силовыми методами, США могут попытаться внедриться в экономические структуры Ирана, чтобы установить над ним контроль, подорвав его изнутри²⁵. Ослабление и подчинение себе Ирана - это также и вопрос стратегического значения для США, так как Иран - ближайшая возможность для распространения их влияния на государства Центральной Азии с их нефтью и газом, недопущения их вовлечения в сферу влияния РФ.

Тем не менее, возможность превращения Ирана, мусульманской страны с весьма своеобразными принципами внешней политики, в ядерную державу не может не вызывать беспокойства России. Поэтому, несмотря на очевидную выгоду нашего с ИРИ экономического сотрудничества и небескорыстность устремлений США при обвинении Ирана в разработке атомного оружия можно считать целесообразным проведение собственных глубоких исследований в данной области по интересующим Россию вопросам. Ввиду того, что проблема российско-иранского сотрудничества в области ядерных технологий затрагивает не только экономические, но и политические и стратегические интересы России и имеет прямые отношения к вопросам российской безопасности, она, несомненно, требует очень глубокого изучения и анализа, при проведении которого соображения материальной выгоды и сохранения международного престижа, очевидно, должны отступать на второй план или хотя бы не иметь определяющего значения.

¹ Andrew Koch and Jeanette Wolf "Iran's Nuclear Facilities: a Profile". Center for Nonproliferation Studies, 1998, стр. 2,

² Andrew Koch and Jeanette Wolf. "Iran's Nuclear Facilities: a Profile". Center for Nonproliferation Studies, 1998, стр. 4.

- ³ Andrew Koch and Jeanette Wolf. "Iran's Nuclear Facilities: a Profile". Center for Nonproliferation Studies, 1998, стр. 8.
- ⁴ Andrew Koch and Jeanette Wolf "Iran's Nuclear Facilities: a Profile". Center for Nonproliferation Studies, 1998, стр. 9.
- ⁵ Anthony H. Cordesman. "Military Developments in Iran", стр. 3.
- ⁶ Andrew Koch and Jeanette Wolf "Iran's Nuclear Facilities: a Profile". Center for Nonproliferation Studies, 1998, стр. 13.
- ⁷ В. А. Ушаков. "Внешняя политика Ирана и эволюция понятия "Экспорта Исламской революции" в 90-е годы", стр. 82.
- ⁸ В. А. Ушаков. "Внешняя политика Ирана и эволюция понятия "Экспорта Исламской революции" в 90-е годы", стр. 82.
- ⁹ Сенат США против сотрудничества с Ираном", "Время МН", 25. 05. 98.
- ¹⁰ "Москва возмущена угрозами Вашингтона", "Известия", 28.05. 98.
- ¹¹ "Москва возмущена угрозами Вашингтона", "Известия", 28.05. 98.
- ¹² Anthony H. Cordesman. "Military Developments in Iran", 1998.
- ¹³ Mark D.Skootsky. "US Nuclear Policy Toward", 1995.
- ¹⁴ Andrew Koch and Jeanette Wolf. "Iran's Nuclear Facilities: a Profile". Center for Nonproliferation Studies, 1998, стр. 18.
- ¹⁵ Андрей Ваганов. "Ядерные узы". Независимая газета, 18.03.99.
- ¹⁶ "Российско-иранские торгово-экономические отношения", ВИКИ, 09.04. 98. ВК.
- ¹⁷ Anthony H. Cordesman. "Military Developments in Iran", 1998.
- ¹⁸ В. А. Ушаков. "Внешняя политика Ирана и эволюция понятия "Экспорта Исламской революции" в 90-е годы", стр. 73.

¹⁹ С.Хеджес и П.Кэри. "Беспокойство в связи с ядерными устремлениями Ирана". US News and World Report по ИТАР-ТАСС, 24.11.94 компас 181.

²⁰ W. Seth Cams. "Iranian nuclear, biological and chemical weapons: implications and responses". MERIA, volume 2, no 1, March 1998 .

²¹ Frederic R. Strain. "Iran's Nuclear Strategy". Institute for National Strategic Studies, 1997.

²² Frederic R. Strain. "Iran's Nuclear Strategy". Institute for National Strategic Studies, 1997.

²³ W. Seth Cams. "Iranian nuclear, biological and chemical weapons: implications and responses". MERIA, volume 2, no 1, March 1998, стр. 8.

²⁴ Хеджес и П.Кэри. "Беспокойство в связи с ядерными устремлениями Ирана". US News and World Report по ИТАР-ТАСС, 24.11.94 компас 181.

²⁵ "The Iranian-American Confrontation", The Wall Street Journal Interactive Edition, 23.05. 97.

ИРАН – НОВАЯ ГАЗОЭКСПОРТИРУЮЩАЯ ДЕР- ЖАВА XXI ВЕКА.

Исламская революция в Иране произошла и протекала в особых исторических условиях и потому имеет ряд специфических черт, из которых следует отметить те, которые относятся к данной теме. Во-первых, она, в отличие от других революций, свершилась в стране, экономика которой не была подорвана кризисом или разорена войной. Наоборот, национальное хозяйство находилось на подъеме, благодаря "нефтяному буму", начавшемуся с конца 1973г.

Во-вторых, защитником шахского режима стали США, чьи компании выгодно добывали и продавали иранскую нефть. Американскую позицию активно поддержали многие государства Западной Европы, а так же Израиль. После установления новой власти США ввели санкции, которые в той или иной форме сохраняются по сей день,

В-третьих, в результате революционных преобразований в экономике выявилась важная социальная черта: новая власть подняла благосостояние населения, более справедливо распределила нефтяные доходы и сократила разрыв в уровнях доходов различных групп иранского населения.

Независимая национальная политика Ирана, а также некоторых арабских стран, входящих в ОПЕК (Организации стран-экспортеров нефти), вызвала противодействие США и их союзников. В процессе глобализации мировой экономики ТНК индустриальных государств смогли установить контроль над 80% мирового товарооборота, в том числе контроль за мировым нефтяным рынком. Они смогли ослабить международные позиции ОПЕК путем противопоставления им других нефтеэкспортирующих государств, путем провоцирования розни среди участников ОПЕК. Это позволило им снижать с 1982г. мировые цены на жидкое топливо и сокращать доходы нефтеэкспортирующих государств. А в 1986 и 1997 годах, не без помощи ТНК, произошло буквально два "обвала" цен. Сократились нефтяные доходы и Ирана. Доста-

точно сказать, что в бюджет 1998/1999 финансового года была заложена цена 17,5 долларов за баррель нефти, а фактически она оказалась 13 долларов за баррель¹.

В поисках выхода из осложнявшегося положения Иран, как и многие другие нефтедобывающие страны, предпринял усилия, преимущественно, в двух направлениях. С одной стороны он осуществил строительство нескольких нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ), которые в настоящее время дают пока относительно небольшое количество нефтепродуктов (недостаточное даже для внутреннего потребления)². С другой стороны Иран организовал широкомасштабные геологоразведочные работы с целью выявления месторождений природного газа (естественно, не отказываясь от поисков нефти).

Это второе направление деятельности определялось к тому же широко распространенным мнением специалистов о том, что нефть - это источник развития XX века, а газ - источник развития XXI столетия. Действительно, газ, по сравнению с нефтью, обладает рядом существенных преимуществ, поскольку он является экологически более чистым горючим, что в последние годы приобрело неоспоримую ценность. Газ более легко транспортируется по трубопроводам и поддается сжижению, что также облегчает его транспортировку. Наконец газ, подобно нефтепродуктам, пользуется растущим спросом, реализуется на мировом рынке по достаточно высоким ценам, менее подверженным конъюнктурным колебаниям.

Для осуществления геологоразведочных работ были привлечены как местные, так и иностранные фирмы, включая российский Газпром. Вскоре стали появляться сообщения об обнадеживающих находках геологов в южной части Ирана, а также в прибрежной зоне Персидского залива и совсем недавно - в прибрежной части Каспийского моря. И хотя исследования территорий и акваторий далеко ещё не завершены (порой поступают противоречивые сообщения), можно уже сейчас говорить об открытии месторождений газа геостратегического значения.

Наиболее достоверные данные показывают, что в Иране запасы природного газа составляют 21,0 трлн. куб.м., или 14,2% мировых ресурсов. Если по мировым запасам нефти страна находилась на четвертой месте в мире (9,4% глобальных ресурсов) то по новому виду углеводорода - на втором (после России). По запасам натурального газа Иран лишь немного уступает пяти

арабским странам Персидского залива вместе взятым, на которые вместе с Ираном приходится 29,6% мировых достоверно подтвержденных запасов³.

Таким образом, благодаря наличию колоссальных запасов наиболее перспективного вида углеводородов Иран приобретает не только региональное, но и глобальное значение. Однако в настоящее время этот объективный критерий ещё не закреплён соответствующим уровнем добычи газа. Так, в 1996г. Иран произвел лишь 3,3,1 млрд. куб.м. газа, причем почти весь объём его пошел на цели внутреннего потребления. Для сравнения отметим, что Саудовская Аравия в том же году добыла 41,3 млрд. куб.м. газа, причем заметная его часть пошла на экспорт⁴.

Относительно небольшой уровень производства и очень низкий уровень экспорта природного газа обусловлены рядом причин. Прежде всего, это вызвано нехваткой капиталовложений. Собственные источники финансирования Ирана ограничены из-за снижения доходов от экспорта нефти. К тому же немалая их часть была истрачена на восстановление хозяйства после восьмилетней ирако-иранской войны, в ходе которой нередко наносились бомбовые и ракетные удары по местам, добычи, переработки или транспортировки углеводородного сырья. Но главная причина заключается в сырьевой политике США вообще и в антиамериканской политике, в частности, о чем следует сказать более подробно.

Роль углеводородных ресурсов в стратегии США.

Следует напомнить, что в 1992г. по инициативе ООН в Рио-де-Жанейро состоялась международная конференция, на которой было сообщено, что США, население которых составляет 4% жителей планеты потребляют почти 40% всех энергетических и сырьевых ресурсов мира⁵. Примерно такой же объём потребления сырья приходится и на другие индустриальные государства. А поскольку США и остальные страны "золотого миллиарда" намерены не только сохранить, но и повысить уровень потребления чужих ресурсов (их собственные ресурсы весьма ограничены), то в повестку дня поставлен вопрос о неограниченном доступе и безопасном вывозе энергоносителей из всех стран мира, в первую очередь, из стран БСВ, включая Иран, а теперь еще республик бывшего СССР, в первую очередь, прикаспийского региона. В 70-х годах США объявили зоной своих "стратегических интересов" БСВ, а в 90-х годах - регион Каспийского моря⁶.

В этом плане политика США и их союзников не только не смягчается, а даже ужесточается, если судить по заявлениям и акциям конца 90-х годов. Так, в октябре 1998 г. была опубликована "Стратегия национальной безопасности США для нового столетия", в которой десять раз упоминаются нефтяные государства вышеназванных регионов, а также пути доставки их нефти в страны Запада. В "Стратегии", в частности, говорится следующее: "Соединенные Штаты на 40% зависят от нефти в удовлетворении своих основных потребностей, и примерно половину необходимой нам нефти мы получаем по импорту. Хотя наш импорт составляет менее 10% экспорта нефти из стран Персидского залива, на долю наших европейских союзников и Японии приходится в этом экспорте около 85%... В течение длительного периода зависимость США от этих и других зарубежных запасов нефти будет сохраняться, поскольку наши собственные месторождения истощены. Соединенные Штаты должны сохранить бдительность, чтобы гарантировать беспрепятственный доступ к столь жизненно важному ресурсу. Поэтому мы и впредь будем демонстрировать в Персидском заливе свою решительность и приверженность нашим обязательствам" ⁷.

В свете сказанного становится ясно, почему США резко ухудшили отношения с Ираном после прошедшей там исламской резолюции. Тогда американская администрация не только поддержала шаха, но и активно помогала подрывным организациям, осуществлявшим террористическую деятельность против руководителей нового режима. Духовный лидер иранского народа аятолла Хомейни, характеризуя антииранские силы того периода, писал: "Во главе их стоят Соединенные Штаты Америки, государство-террорист, которое сеет огонь по всему миру". И далее, подводя результаты подрывной деятельности "большого сатаны", он заключал: "США со всеми их претензиями, орудием, послушными их воле государствами, контролем над огромными богатствами угнетенных народов отсталых стран и средствами массовой информации были опозорены в своих нападках на героический иранский народ" ⁸.

В 1990г. США воспользовались как предлогом нападением Ирака на Кувейт, чтобы наказать агрессора и закрепить пребывание войск НАТО на БСВ. И хотя иракские войска уже давно выведены из Кувейта, американская армия и их союзные боевые соединения продолжают находиться в ближневосточном регионе и периодически бомбят иракскую территорию. Другими сло-

вами США нагнетают военно-политическую напряженность в районе Персидского залива, имеющего жизненно важное значение для иранской экономики.

В 1994г. США усилили политическое и экономическое давление непосредственно на Иран, обвиняя его в поддержке международного терроризма, в стремлении получить ядерное оружие, в договоренности с Россией о поставках ядерных реакторов для строительства атомной электростанции в Бушере. В связи с этим США прекратили свой экспорт в ИРИ, перестали закупать иранскую нефть и запретили все виды инвестирования в исламскую экономику. В 1996г., американский сенат принял закон Д'Амато, который запрещал уже другим государствам производить инвестиции более чем на 20 млн.долларов. А в 1999г. США установили санкции против десяти российских предприятия, которые, якобы, поставляли запрещенные технологии Ирану⁹.

Все эти дискриминационные мероприятия вписываются в рамки вышеупомянутой "Стратегии национальной безопасности США для нового столетия", в которой говорится: "Наша политика по отношению к Ирану направлена на изменение поведения иранского правительства в ряде ключевых вопросов таких, как его стремление завладеть оружием массового поражения и ракетами большой дальности, поддержка терроризма и групп, пытающихся насильственным путем противодействовать мирному процессу, подрывная деятельность против дружественных нам правительств стран данного региона и разработка наступательных вооружений, угрожающих нашим партнерам из Совета сотрудничества стран Персидского залива, и путям транспортировки нефти"¹⁰.

Обращают на себя внимание два момента. Во-первых, США откровенно заявляют о намерении "изменить поведение иранского правительства", что, бесспорно, является вмешательством во внутренние дела суверенного государства. Во-вторых, США остаются такими же "лицемерами", какими их видел Хомейни ещё в начале 80-х годов. Под камуфляжем благовидных целей США наносят ракетно-бомбовые удары по Ираку, продолжают санкции против Ливии (и ещё против ста государств и фирм), вооружают полутеррористическое афганское движение Талибан, а 24 марта 1999г. военный блок НАТО без разрешения ООН предпринял агрессию против Югославии, которая оказалась подписать ультиматум, поддерживающий сепаратизм албанцев Косово.

Жесткая американская политика "двойных стандартов" все чаще наталкивается на сопротивление других государств и компаний. Так, сотрудни-

чество с Ираном расширили Россия, Китай, Греция, Франция, Армения и некоторые другие государства, а французская фирма "Тоталь", малайзийская "Петронас" и российский "Газпром" договорились о совместной добыче газа на месторождении "Южный Парс" в шельфе Персидского залива.

Избранный президентом Ирана М.Хатами во всеуслышанье заявил о необходимости нормализации отношений со всеми государствами, включая США, если последние пересмотрят свой враждебный курс. Он предложил также проведение диалога между исламом и христианством. После этого американское правительство, принимавшее во внимание экономические интересы нефтегазовых компаний стран Запада, сочло возможным несколько смягчить санкции в отношении Ирана. Но в целом антииранский курс не пересмотрен, что отражается на проблеме транспортировки голубого топлива.

Борьба за углеводороды Каспия и маршруты газопроводов.

Вплоть до 1991г. на берегах Каспийского моря располагалось два государства. В соответствии с Советско-иранским договором 1921г. море в экономическом плане рассматривалось как единое целое и могло использоваться только с учетом интересов обоих государств. А на основе соглашения 1940г., Каспий считался "внутренним водным бассейном обеих стран" и потому "закрытым для иностранных судов". Зарубежные компании не допускались к разработке ресурсов Каспия. Это имело особое значение, поскольку на побережье моря были обнаружены и разработаны крупнейшие месторождения нефти, а в ряде мест и газа.

В тот период РСФСР заметно опережала все прикаспийские советские республики по добыче природного газа: на её долю приходилось 78,6% общесоюзного производства, Туркмении - 10,8, Азербайджана - 1,2 и Казахстана - 0,9%¹¹. С упразднением СССР в декабре 1991г. новые суверенные республики, в нарушение существующего статуса Каспийского моря, стали приписывать себе как можно большую часть акватории, чтобы максимально пополнить запасы нефти и газа. Попытки РФ ограничить владения 10-ти, а затем 45-ти мильной прибрежной зоной не принесли успеха. Азербайджан, затем Казахстан и частично Туркмения начали делить Каспий по срединной линии. Такой подход не только нарушал международные договора, но и противоречил интересам России и Ирана.

Иранское правительство ещё весной 1992г. предложило создать блок "каспийских стран" в рамках Зоны свободной торговли или интеграционного объединения. На базе этого предложения в том же году была оформлена.

Организация сотрудничества прикаспийских государств в составе Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркмении с центром в Тегеране. Организация была призвана заниматься проблемами рыболовства, судоходства, защиты окружающей среды, а также разведки и добычи нефти и газа на Каспийском море и прибрежном шельфе ¹².

Наиболее важным стало то, что политика Ирана с самого начала была активно направлена против проникновения в южный регион бывшего СССР западного, в первую очередь, американского влияния. Правительство ИРИ критиковало по этому поводу пассивную позицию РФ. Оно обвинило Турцию в том, что, являясь членом НАТО, под ширмой интеграции тюркоязычных стран и народов, способствует проникновению США в Центральную Азию и Азербайджан. Правительство резко осудило предложение президента Назарбаева (март 1994г.) о постоянном военном присутствии США в каспийском регионе - на полуострове Мангышлак. Оно заявило о своей решимости "предотвратить колонизацию Западом территорий бывшего СССР". Также резко иранское правительство осудило намерение Азербайджана перевести американскую военную базу Инжирлик из Турции на Апшеронский полуостров (февраль 1999г.) ¹³.

Между тем три новых прикаспийских государства, лишённые бывших дотаций из Москвы, увидели единственную возможность будущего процветания в экспорте своих сырьевых ресурсов, особенно, углеводородов. А поскольку обрушившаяся экономика не позволяла вести их разработку собственными силами, то они начали обращаться за помощью ТНК и турецких компаний, намеренно преувеличивая "достоверные" запасы нефти и газа. Внедрившиеся иностранные кампании поспешили обеспечить себе "зонтик" - США объявили каспийский регион зоной своих стратегических интересов".

В создавшихся условиях проблемой "номер один" стала транспортировка углеводородного топлива. Исторически все прикаспийские тюркские республики были связаны со странами Запада только через территорию России. Но поскольку США и их союзники добивались вытеснения и отстранения Москвы от национального хозяйства новых суверенных республик, они настаивали на создании альтернативных путей вывоза в первую очередь нефти и газа. Так в этом регионе началась борьба "за трубу".

Казалось бы, что для азербайджанской и казахстанской нефти, для туркменского и казахстанского газа открывается блестящая перспектива строительства прямых трубопроводов через территорию Ирана к Персидско-

му заливу, а оттуда уже - к потребителям Запада и Востока. Однако США при полной или частичной поддержке своих союзников лишили государства каспийского региона права выбора маршрутов углеводородных путей в целях экспорта: они запретили прокладку трубопроводов по иранской территории.

Правда, настойчивость президента Туркмении Ниязова позволила добиться от США исключения. В конце 1997г. открылся 200-километровый газопровод Корпедже (Туркмения) - Курт-куи (Иран), который на 80% финансировался и строился иранской стороной. По трубопроводу будет перекачиваться до 30 млрд. куб.м. газа в течение 25 лет на условиях вывоза Ираном за рубеж такого же количества газа из района Персидского залива¹⁴. Иран идет на такое сотрудничество, чтобы выйти из изоляции, ослабить американские санкции, хотя и понимает, что прикаспийские государства являются его конкурентами на мировом углеводородном рынке.

С Туркменией, а затем и с Турцией был подписан ещё один проект строительства 1500-километрового газопровода из Туркмении через Иран на Турцию (г.Эрзерум). Намечалось поставлять 500-640 млрд.куб.метров туркменского газа в ближайшие 20 лет через посредство американской компании "Пи-эс-джи", которая гарантировала предоставление кредита, покрывавшего 70% затрат на строительство. Однако в начале 1999г. американская сторона ликвидировала трёхстороннюю договоренность, уговорив туркменского президента строить газопровод по дну Каспийского моря в обход как Россия, так и Ирана. Сооружение газопровода передано американской компании. Россия и Иран выразили решительный протест, ссылаясь на отсутствие соглашения пяти государств по статусу Каспия, но он вновь был проигнорирован¹⁵.

Но ИРИ не могла оставить надежду экспортировать собственный газ. При этом иранские власти отдают себе отчет, что западноевропейский рынок уже в значительной мере поделен крупными компаниями России и Алжира (первая пользуется газопроводом через Украину, а вторая - через Марокко и Гибралтар). Кроме того, значительные поставки с севера ведут Англия и Норвегия, а с юга - Ливия и Египет. Поэтому в Иране нарастающее внимание уделяют восточному направлению.

В частности, разработан крупномасштабный проект строительства газопровода из месторождения Южный Парс в Пакистан. В нём приняли участие французская "Тоталь", английская "БГ" ("Британский газ"), малазийская "Петронас" с последующим подключением англо-голландской "Шелл". Вопрос опирается в сохраняющиеся американские санкции и сложную ситуацию в

Афганистане. При изменении соответствующей ситуации участницы готовы реализовать проект ¹⁶.

Существуют возможности активизировать торгово-экономические отношения и в северном направлении. Подготовлен проект строительства газопровода в Армению, куда начнутся поставки голубого топлива с 2005г. Ответвление газопровода может быть сделано в Нахичевань (Азербайджан). Существует проект паромного сообщения через всё Каспийское море от строящегося порта Лагань (Калмыкия) до Амир-Абада (Иран), что позволило бы России сократить время пути своих товаров (включая углеводородные) с 45 дней до двух суток. Россия через иранскую территорию и Персидский залив могла бы экспортировать свои товары в Юго-Восточную Азию, а Иран получать отчисления за провоз российских товаров ¹⁷.

Таким образом, ИРИ благодаря успешному экономическому развитию и открытию крупнейших запасов углеводородного топлива приобрела статус региональной державы. Этот статус ещё больше закрепляется благодаря геостратегическому положению, когда четыре других прикаспийских государства ищут пути использования иранской территории для транспортировки на мировые рынки, в первую очередь, углеводородного сырья.

В тоже время санкции, которые накладывают США и их союзники на Иран и на сотрудничающие с ним компании, ставят независимое государство перед необходимостью поиска выхода, особенно, в области траспортировки и экспорта природного газа. Видимо, Ирану и России, как обладателям наиболее крупных месторождений газа, следует проявить инициативу по созданию газовой ОПЕК. Как представляется, только два государства при участии других газозэкспортирующих стран совместными усилиями смогут защитить свои углеводородные ресурсы от разграбления, от игры цен на мировом рынке, от отчуждения значительной части национальных доходов.

¹ MEED, 19.06.1999, p.26.

² Oil and Gas Journal, L., p.29.

³ Азия и Африка сегодня, 1999, №2, с.2, 43; MEED, 28.02.1997, p.25.

⁴ Petroleum Review, january 1998, p.14.

⁵ НГ-Сценарии, 1997, № 11.

⁶ Независимая газета, 11.12. 1998.

⁷ НГ-Сценарии, 1999, № 2.

- ⁸ Имам Хомейни. Религиозное и творческое завещание, М., 1999, с.13, 14-15
- ⁹ Правда, 15-18.01.1999; МЕЕД, 10.04.1998, р.15.
- ¹⁰ НГ-Сценарии, 1999, №2.
- ¹¹ Более подробно см. Г.Старченков, "Страсти вокруг Каспия", Азия и Африка сегодня, 1999, № 1, с.2-9.
- ¹² Независимая газета, 20.11.1996.
- ¹³ НГ-Сценарии, 10.07.1997; Правда, 25-27.02.1999.
- ¹⁴ МЕЕД, 9.01.1998, р.12.
- ¹⁵ Финансовые известия, 23.02.1999.
- ¹⁶ ОПЕС bulletin, april 1997, р.18.
- ¹⁷ НГ-Регионы, 1998, № 15.

БОРЬБА С НАРКОТИКАМИ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

За последние десятилетия в мире значительно возросли посевные площади наркосодержащих культур, производство, контрабанда и потребление наркотиков, ставших ныне чумой для миллионов людей.

Проблема наркотиков достаточно остро стоит в Иране во многом потому, что его территорию продолжают использовать в качестве транзитного пути на рынки некоторых стран Азии, Западной и Восточной Европы.

Руководство Ирана, непосредственно президент Хатами уделяют серьёзное внимание проблеме наркотиков ¹. Под их контролем силы правопорядка проводят огромную и весьма результативную работу по борьбе с незаконным ввозом и вывозом наркотиков, а также с распространением их внутри ИРИ. Выполнение этих задач координирует Штаб, деятельность которого контролируется самим президентом ИРИ. В число его членов входят силовые министры и Генеральный прокурор. Штаб располагает компьютерной системой, банком данных, где содержатся сведения о наркодельцах, их деятельности не только в стране, но и на региональном уровне.

Использование этих сведений наряду с другими материалами, в том числе и спецслужб, позволяет разрабатывать стратегию борьбы с контрабандой и распространением наркотиков. Полученная информация классифицируется по отдельным рубрикам, а затем поступает в хранилища, где содержатся данные, на основе которых всесторонне анализируется деятельность наркодельцов на региональном уровне и разрабатываются пути и методы противодействия им. Под контролем Штаба в рамках сил правопорядка (внутренних войск) функционирует Главное управление по борьбе с наркотиками с центром в Тегеране. Его сотрудники проходят специальную подготовку и действуют в провинциях в рамках вооружённых сил командующих округами. Они осуществляют широкий спектр работ по противодействию контрабанде и распространению наркотиков, задерживают наркодельцов и наркокурьеров, изымают наркотики, выявляют места их хранения, а также рассле-

дуют преступные действия лиц связанных с наркотиками в самом Иране.

По данным компетентных источников поток наркотиков идёт по всей линии границ Ирана с Афганистаном и Пакистаном. Однако основными районами прохождения этого потока являются южные провинции. Ещё один район перевозки наркотиков находится у г.Серахса, недалеко от границы с Туркменией. Из Пакистана контрабандисты переправляют наркотики также морским и воздушным путями в аэропорты и иранские порты на побережье Персидского залива.

По сухопутным маршрутам наркокурьеры везут свои грузы караванами выскочных животных, на грузовиках, рефрижераторах, мотоциклах, а иногда прячут их на собственном теле, в одежде или заглатывают наркотики в целлофановых пакетах, причём один человек может проглотить до двух килограммов наркотического порошка. Примечательно, что в последнее время в качестве наркокурьеров всё чаще используют женщин².

Комплекс работ по недопущению контрабанды наркотиков в 1994-1997гг. во многом осуществлялся в Иране и Пакистане в соответствии с проектом ООН, предусматривающим повышение правоохранительного потенциала в пограничных районах. 25 сентября 1997 г. по просьбе Ирана и Пакистана был продлён срок действия проекта на 6 месяцев. Это было связано с расширением круга задач. Во-первых, имелось в виду закрепить достигнутое, т.к. в 1997 г. поток наркотиков из Пакистана в Иран несколько сократился, и, во-вторых, предполагалось разработать программу финансовой помощи ООН для осуществления проекта.

В отмеченный период и ныне важным направлением работы иранской стороны по борьбе с контрабандой наркотиков является охрана границ, в том числе путём возведения заградительных сооружений на ирано-афганской и ирано-пакистанской границах. На начало 1998г. на более уязвимых их участках были возведены 205 наблюдательных вышек, 212 передовых постов, 78км натяжений колючей проволоки, блокировано барьерами из бетонных плит 22 прохода через границу, вырыто 165 км глубоких и широких каналов, сделаны земляные насыпи и многое другое³. В целях безопасности жители некоторых приграничных деревень были переселены во вновь построенные деревни.

Всё это, естественно, требовало от Ирана огромных затрат. По данным на начало 90-х гг. на строительство защитных сооружений на границах уходило не менее полутора миллиардов иранских туманов⁴. Впоследствии в

связи с увеличением контрабанды эта сумма резко возросла. При этом все ассигнования отчислялись и отчисляются из государственного бюджета. Кроме помощи международной программы ООН по борьбе с наркотиками Иран никаких вложений не получал, хотя, препятствуя контрабанде и транзиту наркотиков, иранские силы правопорядка стоят на страже интересов многих стран. Это отмечают и высокие должностные лица, включая президента ИРИ, подчеркнувшего это обстоятельство в одном из официальных выступлений. Заместитель же секретаря Штаба по борьбе с наркотиками в интервью корреспонденту газеты «Вашингтон пост» прямо заявил, что «девятьюдесятью восемью процентами усилий ИРИ в борьбе с контрабандой наркотиков фактически предпринимаются ради европейских стран: наша активность в этой сфере приводит к уменьшению потока наркотиков в Европу»⁵.

Проведение операций по захвату наркокурьеров весьма часто сопровождается вооружёнными столкновениями. В этих столкновениях погибло почти две с половиной тысячи иранских граждан - солдат и офицеров, в том числе и высшего командного состава. Здесь следует назвать имя бригадного генерала Ходжи Хода Карамы, командовавшего Систанским военным округом и сыгравшего весьма значительную роль в осуществлении совместного с ООН проекта по борьбе с наркотиками в качестве его регионального директора в Иране⁶. Горьки и тяжелы утраты, но они не были напрасны. Рискуюя своей жизнью, верные долгу силы правопорядка изъяли у контрабандистов только в 1997г. около 195 тонн наркотиков, из них 162 тонны опия, 19 тонн гашиша, 2 тонны кокаина и несколько мелких партий других наркотических средств⁷. Однако, несмотря на усилия ИРИ наркотики продолжают поступать. Большая их часть распространяется в стране или переправляется за её пределы – наземными, морскими и воздушными путями, в Турцию, другие страны, в том числе в сопредельные Ирану государства СНГ. Видимо, именно поэтому между Ираном, с одной стороны, и Грузией, Арменией, с другой, подписаны соответствующие документы об объединении усилий в борьбе с контрабандой и наркобизнесом. Тем не менее полностью перекрыть пути контрабандистов пока не удается, что признается в Иране⁸. Вместе с тем, нельзя не отметить, что только в 1997г. были пойманы с поличным и задержаны 1547 иностранных граждан, занимавшихся контрабандой. В последнее время возросла эффективность борьбы с контрабандой. За период с января по июнь 1999г. на территории Ирана конфисковано около 170 тонн наркотических веществ (из них 110 тонн в южных провинциях) и арестовано около 6

тысяч наркокурьеров. Это иностранные граждане из Афганистана, Пакистана, других стран, в том числе и африканских⁹.

Задержание наркокурьеров и изъятие у них наркотиков не единственная, хотя и очень важная часть работы сил правопорядка и руководящих и контролирующих их деятельность Штаба и Главного управления по борьбе с наркотиками. Весьма важным аспектом их работы является осуществление комплекса мер внутри Ирана, направленных на предотвращение роста наркомании. Серьёзность этого направления диктуется многочисленными фактами распространения и употребления наркотиков в самом Иране.

Сведения, фиксирующие количество изъятых в 1979-1997гг. наркотиков в 27 городах и провинциях страны, позволяют считать, что необходимость усиления активности в данной области весьма велика¹⁰. Учитывая это, руководство ИРИ пошло на создание медицинских лечебных и реабилитационных центров, где больные проходят курсы лечения. Особое внимание в стране уделяется молодёжи, студентам. Для них читаются лекции о вреде наркокурения, открываются спортивные комплексы, устраиваются выставки с экспонированием соответствующих теме предметов, проводятся беседы с врачами-наркологами о пагубных последствиях злоупотребления наркотиками, демонстрируются фильмы, распространяется медицинская литература, проводятся различные акции, подобные церемонии, посвященной Международному дню борьбы с наркотиками 26 июня 1997 г. В этот день при стечении многих тысяч зрителей, в том числе членов правительства, других высоких должностных лиц представителей посольств и дипломатических миссий иностранных государств состоялась торжественная церемония, ярким моментом которой было предание огню 50 тонн наркотических средств. Аналогичные церемонии состоялись также в некоторых других крупных городах Ирана¹¹.

Учитывая, что увеличение производства, распространения и контрабанды наркотиков чревато обострением криминогенной обстановки, иранские власти значительно усилили меры уголовных наказаний за преступления, связанные с производством реализацией и транспортировкой наркотических веществ.

Рассматривая проблемы борьбы ИРИ с наркотиками, нельзя особо не подчеркнуть активную позицию иранского руководства, внешнеполитического ведомства страны по этому вопросу в том числе и на международной арене - в ООН, Организации Исламская Конференция, Организации Экономического сотрудничества, где Ираном неизменно проводится линия на объединение

усилий многих государств в борьбе с наркотиками и наркобизнесом во всех его проявлениях. Эта линия четко прослеживается и в двусторонних отношениях ИРИ, прежде всего со странами макрорегиона. Соответствующие международно-правовые документы, в том числе меморандумы взаимопонимания, подписаны с рядом приграничных государств и государств макрорегиона Центральной, Юго-Западной и Южной Азии - Турцией, Пакистаном, Бангладеш, Индией, Туркменией, Азербайджаном, Грузией и Арменией.

Говоря о стремлении Ирана к сотрудничеству с другими странами и привлечении их к борьбе с наркотиками, их производством, контрабандой и распространением, нельзя обойти вниманием участие иранских представителей в различных международных форумах и встречах. Весьма велика, например, была роль Ирана в созыве и проведении межрегионального совещания Интерпола, состоявшегося в конце сентября 1997 г. в Исфагане, в котором приняли участие тогдашний Генеральный секретарь Интерпола Р.Е.Кэндолл, Министр внутренних дел Ирана Абдулла Нури, представители 33 стран. Приветствие этому форуму прислал президент ИРИ. Многие проблемы, обсуждавшиеся на совещании, напрямую затрагивали интересы Ирана, свидетельствуя при этом о его лидирующей роли в борьбе против распространения наркотиков в макрорегионе Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока¹². Кроме всего прочего на совещании ставились вопросы о выполнении (или точнее далеко не полном выполнении) Пакистаном взятых на себя обязательств по предотвращению роста производства и контрабанды наркотиков, а также рассматривалась всё более четко выражающаяся тенденция превращения территории Турции в продолжение транзитного пути контрабанды афганских и пакистанских наркотиков в другие страны, особенно на Балканы.

Для ИРИ немаловажное значение имеет выполнение пограничного проекта Международной программы ООН по борьбе с наркотиками, их производством, контрабандой и распространением. В соответствии с планом упоминавшегося выше проекта в 1998г. в ИРИ приезжали заместитель Генерального секретаря ООН, глава Международной программы борьбы с наркотиками Пино Арлаччи и эксперт по правоохранительным вопросам Дерек Тодд. Оба высоко оценили усилия Ирана в борьбе с наркотиками и выразили сожаление, что его успехи и опыт не являются в должной мере достоянием мировой общественности. При этом был высказан ряд предложений и замечаний. Выезжая на границы и подробно ознакомившись с ситуацией в центре

и на местах, эксперт Д. Тодд с сожалением отметил, что хотя силы правопорядка, учитывая распространение наркомании в Иране, задерживают значительную часть контрабанды, пока ещё не все правоохранительные органы одинаково активно участвуют в борьбе с наркотиками. Так Министерство информации. Корпус стражей исламской революции и таможня только эпизодически перехватывают отдельные партии наркотиков, а дальнейшее расследование передают во внутренние войска¹³. Эксперт обратил также внимание на необходимость замены техники на более современную, например, средства связи, такие, как локационные сканеры, работающие на различных частотах, наземные радары и т.п. С целью повышения эффективности усилий в борьбе с контрабандой силам правопорядка было предложено использовать более мощные приборы ночного видения. Руководство Международной программы ООН по борьбе с наркотиками продумало и положительно решило вопрос об оказании Ирану соответствующей помощи. В конце июня 1999г. посетивший ИРИ заместитель Генерального секретаря ООН П. Арлаччи подписал в Тегеране программу по оказанию Ирану международного содействия в борьбе с наркотиками общей суммой 13 миллионов долларов. Эту сумму предполагается использовать на укрепление потенциала правоохранительных органов, профилактику и лечение наркомании, а также на оказание юридической помощи в совершенствовании национального законодательства по вопросам, связанным с проблемами распространения, употребления и контрабанды наркотиков. Имеется также в виду значительное усиление контроля за незаконным оборотом наркотиков на границах, прежде всего с Афганистаном и Турцией. При этом огромное внимание будет уделено мерам по ужесточению контроля в портовых городах и аэропортах. Основные доноры UNDCP - страны Запада поддерживают идею оказания помощи Ирану в борьбе с наркотиками. О своей готовности участвовать в оказании содействия Ирану в реализации названной программы заявили, в частности, Великобритания, Франция, Германия, Голландия и Норвегия. Летом 1999г. в Тегеране при участии иранского руководства и П.Арлаччи состоялась торжественная церемония открытия представительства UNDCP в Иране.

Изучение опыта ИРИ, оценка её деятельности и, конечно же, расширение сотрудничества с Международной программой ООН, другими странами послужит делу дальнейшего повышения эффективности борьбы с этим страшным бедствием человечества.

Со своей стороны позволю себе обратиться с предложением к коллегам - иранистам, востоковедам широкого профиля. Как представляется, было бы весьма полезно подготовить хотя бы небольшую по объёму работу о наркотиках, борьбе с ними в Иране, а возможно и в регионах Юго-Западной, Центральной Азии в целом с тем, чтобы издать её на нескольких языках, имея в виду дальнейшее распространение за пределами ИРИ. Уверена, что подобная публикация найдёт благодарного читателя во многих уголках мира и, прежде всего там, где проблема наркотиков стоит весьма остро.

¹ The visit of UNDCP mission, headed by Mr. Pino Arlacchi. From DR of Iran, Tehran, 1998, с.2-3.

² Anti-Drug Efforts of I.R. Iran in 1997. Tehran, 1998, с. 12.

³ The visit of UNDCP mission, headed by Mr. Pino Arlacchi. From DR of Iran, Tehran, 1998, с.8-18.

⁴ «Третий взгляд». Издание пресс-центра посольства ИРИ в РФ, №12, 1993, с. 20 и др.

⁵ Там же.

⁶ «Anti-Drug ...», с.59-60.

⁷ Там же, с.

⁸ Там же, с. 18-19.

⁹ Там же, с.

¹⁰ I.R. of Iran. «Statistical Report on Drug Control», Tehran, 1998, с.7-8 и след.

¹¹ «Anti-Drug...», с. 61-62.

¹² См. об этом подробнее «Anti-Drug ...», с.51-60.

¹³ «Третий взгляд», №62, 1998, с. 40.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА В КОНЦЕ XX ВЕКА

Прошедшие двадцать лет после Исламской революции 1979 г. не могли не повлиять на процессы развития персидского языка. В первую очередь изменения произошли в семантике словарного состава и фразеологии персидского языка. Появились новые слова и устойчивые словосочетания, отражающие социально-политические изменения иранского общества, изменения в устройстве административно-государственного аппарата страны. В прессе и других печатных изданиях стали чаще употребляться некоторые религиозно-философские термины ислама, изречения из Корана ¹.

Светское и религиозное руководство Исламской Республики Иран (ИРИ), в том числе первые лица государства, с самого начала революции уделяло и продолжает уделять большое внимание совершенствованию персидского языка. Это выражается в создании научных и научно-практических учреждений, которые призваны следить за развитием лексического состава языка и его грамматического строя, способствовать распространению персидского языка за рубежом. Стал издаваться ряд филологических журналов, на страницах которых обсуждаются вопросы исторического развития языка и литературы, современного состояния языка, даётся подробная информация об изучении персидского языка в Индии, Пакистане, Бангладеш, Таджикистане - в странах, которые были в средние века центром распространения иранской культуры, а также во вновь созданных независимых государствах Центральной Азии - в Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане.

В иранской прессе публикуются статьи и выступления разного рода руководителей ИРИ о роли персидского языка в повышении национальной культуры, о засилии в языке западноевропейских заимствований и необходимости их изгнания, о создании собственной научно-технической терминологии. С этой точки зрения представляет большой интерес выступление пи-

дара исламской революции аятоллы А.Хаменеи на заседании учёного совета Академии персидского языка и литературы в марте 1992 г. В этом выступлении он признал, что в определении основного пути развития персидского языка были допущены ошибки, под влиянием западноевропейских языков возникли не свойственные персидскому языку обороты. Необходимо ограничить заимствование европеизмов и употреблять исконно персидские слова ².

В октябре 1995 г. меджлис принимает решение о запрещении использования западноевропейских заимствований в государственных учреждениях. В свете этого постановления главным направлением деятельности Академии персидского языка и литературы - основным учреждением проведения языковой политики в стране становится изгнание европейских терминов и замена их на персидские. Но все ли заимствованные термины следует заменять на персидские. Думается, что в данном случае необходимо ввести определённые ограничения, связанные с областью применения термина и степенью его закреплённости и распространённости в языке. Вряд ли целесообразно заменять интернациональные термины, употребляемые одновременно во многих языках с одинаковыми значениями, но оформляемые в соответствии с фонетическими правилами данного языка. К сожалению, это не всегда учитывается.

Например, слово *КАМПЬУТЭР* "компьютер" было поспешно заменено на искусственно созданное слово *РАЙАНЭ*, и сейчас пытаются полностью изгнать этот интернациональный термин из употребления. Раздаются голоса о необходимости замены на чисто персидские слова таких терминов, как *ЭЛЕКТРОНИК* "электроника", *ТЭЛЕВИЗИОН* "телевидение", *ТЭЛЕФОН* "телефон" и некоторых других.

В последние годы руководство ИРИ стало уделять большое внимание распространению персидского языка за рубежом. Такое внимание к распространению языка является совершенно новым явлением для Ирана. Были созданы специальные учреждения при Министерстве культуры и исламской ориентации - Организация исламской культуры и связей (САЗМАН-Э ФАРХАНГ ВА ЭРТЭБАТАТ-Э ЭСЛАМИ) и Совет по распространению персидского языка и литературы (ШУРА-ЙЕ ГОСТАРЭШ-Е ЗАБАН ВА АДАБИЙАТ-Э ФАРСИ). На них возложена работа по подготовке кадров преподавателей и преподаванию персидского языка.

Благодаря деятельности Совета стали издаваться различные издания филологического характера, посвящённые истории развития персидского

языка и литературы, памятникам литературы и изучению их в самом Иране и за его пределами. В "Бюллетене Совета по распространению персидского языка и литературы" систематически даётся информация о преподавании персидского языка и литературы в различных странах мира, о конференциях и научных дискуссиях по вопросам иранской культуры, о встречах иранских учёных и преподавателей с зарубежными преподавателями и студентами, изучающими персидский язык.

В Иране стали регулярно проводиться занятия с иностранными студентами и преподавателями по изучению персидского языка.

В связи с возросшим вниманием к распространению персидского языка среди иностранцев перед исследователями и преподавателями персидского языка встают вопросы о необходимости совершенствования отдельных правил грамматического употребления слов, об установлении кодифицированных норм в области грамматики, фонетики и фонологии, орфографии. От скорейшего решения этих вопросов во многом зависит улучшение преподавания персидского языка не только иностранным студентам, но и в школах, и других средних и высших учебных заведениях ИРИ.

Остановимся на некоторых фактах, которые, по нашему мнению, мешают полноценно пользоваться современным языком и поэтому нуждаются в рассмотрении в первую очередь.

1. Об употреблении артикля, который на основании главной функции, выполняемой им в языке, назван нами выделительным³.

Мы не противопоставляем употребление артикля после определённого имени (антецедента), к которому относится придаточное определительное предложение, употреблению артикля после имени существительного, к которому не относится придаточное определительное, ибо общая выделительная функция артикля проявляется приблизительно одинаково и в том, и в другом случаях. Сравним два предложения - простое: *ШАХС-И ДАХЭЛ-Е ОТАГ ШОД* «Какой-то человек вошёл в комнату» и сложное: *ШАХС-И-КЕ ДУСТ-Э МАН АСТ ДАХЭЛ-Е ОТАГ ШОД* «Человек, который является моим другом, вошёл в комнату». И в том и в другом предложении артикль выделяет имя существительное *ШАХС* «человек» среди существительных того же класса. В результате существительное *ШАХС* в первом предложении, не имея определения, становится неопределённым, а во втором предложении благодаря наличию

придаточного определительного, наоборот, делается выделенным, определённым.

Но разве употребление выделительного артикля в современном персидском языке сводится только к обозначению неопределённости или определённости имени существительного? Случаи употребления артикля многообразны и они должны быть чётко охарактеризованы в виде конкретных грамматических правил. Выделительная функция безударного -И весьма сходна с индивидуализирующей функцией, свойственной артиклям западноевропейских языков. Персидский артикль может сообщать имени значение неопределённости или единичности, служить средством выделения предметов и явлений из ряда однородных, подобно указательным местоимениям. Отсутствие артикля означает, что предмет или явление берутся в наиболее обобщённом виде как представители класса предметов или явлений: Ср. *РУЗНАМЭ-И РУ-ЙЕ МИЗ АСТ* «Какая-то газета лежит на столе» и *МАН ХАР СОБХ РУЗНАМЭ МИХАНАМ* «Я каждое утро читаю газету».

Изучение случаев употребления постпозитивного артикля свидетельствует о том, что не только можно отграничить один случай употребления от другого, но и крайне необходимо сформулировать правила постановки артикля в составе словосочетаний и после субстантивных членов предложения. К сожалению, почти ни в одной из грамматик, изданных в Иране и в западноевропейских странах, мы этих правил не находим (за исключением случая выражения неопределённости имени).

Регулярное употребление артикля в одних и тех же синтаксических условиях и с одинаковыми грамматическими значениями приводит к формализации и стандартизации его основных случаев употребления, в результате чего артикль получает позиционную закреплённость. Случаи употребления артикля должны характеризоваться в учебниках и грамматиках в виде конкретных правил.

2. Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным существительным во множественном числе, требует установления нормы.

Известно, что если одушевлённые существительные в форме множественного числа выступают в роли подлежащего, то глагол-сказуемое всегда согласуется с ним в числе. Если же в роли подлежащего выступает неодушевлённое существительное, то чёткого согласования глагола-сказуемого с таким подлежащим не наблюдается, - возможны случаи согласования и несогласования.

3. Произношение некоторых слов в персидском языке нуждается в упорядочении и нормализации. К сожалению, в определении правильного произношения не всегда можно положиться на имеющиеся словари персидского языка. В словарях нередко указывается несколько вариантов произношения одного и того же слова. Например, употребительный глагол *НЭМУДАН* «показывать», «казаться», выступающий часто ещё и как эквивалент компонирующего глагола *КАРДАН* «делать», может иметь вместо гласного Э гласные А (*НАМУДАН*) и О (*НОМУДАН*). Эта неопределённость в употреблении гласных отражается и на произношении производных слов, образованных на основе этого глагола.

Существительное *ГАМАН* «предположение», «мысль» в современном языке может произноситься и как *ГОМАН*. Встречаются в языке и другие слова, которые имеют не один вариант произношения.

Другая важная проблема из области персидской фонетики и фонологии - это вопрос о наличии в языке гортанного смычного глухого согласного. В связи с этим возникает и другой вопрос, сколько согласных звуков имеется в персидском языке - 22 или 23? В фонетической транскрипции этот звук обозначается при помощи знака «апостроф», изображаемого в виде надстрочной запятой ' . Поскольку звучание смычного согласного ближе всего к звучанию орфографического знака «хамза» в арабском языке, он может быть условно назван звуком «хамза». К сожалению, несмотря на уже опубликованные солидные исследования по фонетике персидского языка, чёткого и ясно ответа на вопрос о том, имеется ли этот звук в современном языке, нет. В словарях и учебниках персидского языка существуют большие расхождения по вопросу о произношении и транскрибировании слов арабского происхождения, имеющих в своём составе орфографический знак «хамза» или букву «эйн».

Употребление звука «хамза» зависит от его позиции в слове и звукового окружения: в начале и в середине слов между гласными этот звук не возникает. Следовательно, в этих позициях этот звук не должен отражаться в транскрипции (например, в словах *ЭЛМ* «наука», *СААТ* «часы», *РЭАЙАТ* «соблюдение»). В отдельных случаях появление звука «хамза» имеет сугубо факультативный характер - он может совсем отсутствовать либо превращаться в прерыв голоса.

В ряде слов пропуск звука «хамза» невозможен, так как он имеет смыслоразличительное значение. Сравним слова с этим звуком и без него:

ДЖОЗ' «часть» и ДЖОЗ «кроме», СУ' «зло» и СУ «направление», МАН' «запрет» и МАН «я». Пропуск этого звука в названных выше словах мог бы привести к искажению смысла слов.

4. Нуждается в упорядочении и нормализации орфография некоторых исконно персидских и заимствованных слов.

1) О слитном и раздельном написании морфологических частей слова.

а) Производные слова пишутся то слитно, то раздельно с суффиксами и префиксами ГАР, ЧИ, БИ и некоторыми другими:

БАЗИГАР «актёр», «исполнитель», **ПОСТЧИ** «почтальон», **БИСАВАД** «неграмотный», **БИВАЗНИ** «невесомость».

б) Части сложных и полуаффиксальных слов пишутся то слитно, то раздельно. Например, сложные слова: **ЧЕШМПЭЗЭШК** «глазник» «окулист», **ДЭЛАГАХ** «чуткий», «осторожный». Глагольные полуаффиксы **ШЕНАС**, **САЗ** и другие часто пишутся отдельно от лексической основы: **ЗАБАНШЕНАС** «языковед», **СААТСАЗ** «часовщик» и т. п.

в) Глагольная приставка **МИ-** в настоящее время пишется отдельно от основ настоящего и прошедшего времени глагола, а другая глагольная приставка **БЭ-** всегда пишется слитно с основами: **МИГУИАД** «говорит», **МИНЭВИСАМ** «пишу», **БЭНЭВИСАМ?** «мне писать?», **БЭРАВИД** «идите». В шеститомном словаре М.Моина, признаваемом не только в Иране, но и во всём мире одним из лучших толковых словарей персидского языка и изданном в течение 1963-1973 годов, приставка **МИ-** в большинстве случаев писалась слитно с основами глаголов ⁴.

Известно, что в общей теории языкознания слово считается единой и цельной структурой, отличающейся этим от словосочетания. А из приведённых выше примеров видно, что в современном персидском языке слово как целостная языковая единица не получает чёткого орфографического оформления.

2) Изафетный показатель после слов, оканчивающихся на «ха-немое» (**ХА-ИЕ ГЕЙР-Э МАЛФУЗ**) имел два написания - через орфографический знак «хамзу» и букву «йа»: **ХАНЭ-ИЕ ПЭДАР**, «дом отца», **НАМЭ-ИЕ ДЖАЛЕБ** "интересное письмо". Примерно с 1996 г. изафет снова стали обозначать с помощью «хамзы».

3) Нуждается в нормализации орфография заимствованных слов.

а) Арабские заимствования с орфографическим знаком «хамза» (хамзованные слова) имеют разные «подставки» под это знак - то букву «алеф»,

то зубец то букву «вав». В результате одно и то же слово, имеющее одинаковое произношение, даже в одном и том же тексте может встречаться в разных написаниях: ХЭЙ'АТ «состав» (хамза употребляется над «подставкой» то в виде алефа, то зубца), МАСАПАТ «просьба», «мольба» (хамза употребляется над алефом или зубцом), МАС'УЛ «ответственный» (хамза употребляется либо над зубцом, либо над буквой «вав»).

б) Не имеют единообразного орфографического оформления многие слова, заимствованные из западноевропейских языков. При передаче на письме неустойчивого гласного О встречаются графические варианты, когда этот звук обозначается буквой «вав» или только огласовкой «пиш»: АТС'И «атом», ОПЭРА «опера».

Заимствованные географические названия иногда имеют два-три написания и соответственно произношения: АМРИКА, ЭМРИКА, АМРИКА «Америка», ЭФРИГА, АФРИГА «Африка». В данной статье были затронуты лишь некоторые вопросы морфологии, синтаксиса, фонетики и фонологии, орфографии современного персидского языка, которые, на наш взгляд, заслуживают пристального внимания специалистов. Несомненно, что их необходимо решать уже сейчас, не откладывая на будущее. Для этого, с одной стороны, требуется согласование противоречивых точек зрения и выработка единых взглядов и правил, а с другой, — необходимо устранить противоречивые факты, объективно существующие в самом языке.

¹ Об этом см.: Ю. А. Рубинчик. Некоторые особенности развития персидского языка в Исламской Республике Иран. — «Иран: эволюция исламского правления». М., 1998.

² НАМЭ-ЙЕ ФАРХАНГЕСТАН. Весна 1374/1995. Т. 1, с. 2 - 6.

³ Выделительным артиклем назван неударный -И - служебная морфема, которая в грамматиках и учебниках иранских и зарубежных авторов обычно именуется ЙА-ЙЕ НАКАРЭ, ЙА-ЙЕ ТАНКИР «-И неопределённости», ЙА-ЙЕ ВАХДАТ «-И единичности», ЙА-ЙЕ МАРЭФЭ «-И определённости», ЙА-ЙЕ ЭШАРЭ «-И указательное».

Употребление артикля после имён существительных с относящимися к ним придаточными предложениями и

без них послужило основанием для противопоставления в ряде работ двух артиклей - определённого и неопределённого. Однако грамматический анализ фактического материала показывает, что персидский язык не обладает двумя соотносительными формами артикля, а имеет один артикль, присоединяемый к именам существительным в разных синтаксических позициях.

Интересно мнение известного французского ираниста Ж.Лазара, который, ознакомившись с точкой зрения автора данной статьи, одобрительно отнёсся к оценке артикля как единого явления (см. G.Lazard. L'enclitique nominal -i en persan. - «Bulletin de la Societe de Linguistique de Paris». F.61. Paris, 1966, p. 250, 263).

¹ М. Моин. Персидский словарь в шести томах. Тегеран 1963-1973.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ИРИ: ИТОГИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Иран представляет собой многонациональное государство, на территории которого проживает более сорока крупных и малых народов, отдельных племен, этнических групп, и функционируют различные языки: персидский и большое количество национальных языков - азербайджанский (азери), курдский, белуджский, лурский, туркменский и другие. Особое место занимает арабский язык, который, с одной стороны, в диалектной форме используется арабами Ирана, проживающими в провинции Хузестан, а с другой, в своем классическом варианте функционирует в культовой сфере.

С начала XX века и далее во времена правления династии Пехлеви вплоть до исламской революции 1979г. единственным официальным и государственным языком считался персидский, хотя в первой конституции страны 1906г. не был законодательно зафиксирован статус ни одного из языков, функционировавших на территории Ирана¹. Языковая политика была направлена на насильственное насаждение персидского языка среди инационального населения и как результат на персификацию последнего. В основе такой политики лежала активно пропагандируемая в то время руководством страны идея «единой иранской нации», обязательным компонентом которой являлся «один, общий язык». Власти создавали преграды на пути использования национальных языков в различных областях жизни неперсидских народов. Запрещалось преподавание национальных языков и обучение на них, воздвигались препятствия на пути развития национальных культур, в частности литературы, вводились ограничения на использование национальных языков в средствах массовой информации. Исключение составляли лишь языки религиозных меньшинств. И все эти мероприятия проводились в стране, где общее число говорящих на национальных языках составляло и составляет не менее 50% всего населения.

Вместе с тем была предоставлена определенная свобода западнорев-

ропейским языкам, а функционирование арабского языка было ограничено сферой религиозного общения ².

После победы исламской революции 1979г. согласно новой Конституции страны наряду с персидским языком, объявленным официальным и общегосударственным, достаточно широкие права были предоставлены также национальным языкам, и был законодательно определен статус арабского языка как фактически второго по значимости в общей иерархии языковых образований. Позиции западноевропейских языков в Конституции не были отмечены ³.

До исламской революции лишь в период с конца 1945г. и до конца 1946г. после падения режима Реза-шаха, когда национально-освободительное движение в стране достигло наивысшего подъема и были установлены демократические режимы в Иранском Азербайджане и Иранском Курдистане, языки двух самых крупных национальных образований были объявлены официальными в пределах своих провинций. На них перевели обучение в школах, делопроизводство, стали издаваться книги, учебники и периодика. В Тебризе был открыт Азербайджанский государственный университет и радиостанция ⁴. Однако с ликвидацией демократических завоеваний все права говорящих на этих языках народов в национально-языковой области были упразднены. Более терпимо, как уже было отмечено выше, власти относились всегда к религиозным меньшинствам и, прежде всего, к армянам. На протяжении многих десятилетий работали армянские школы, где преподавание велось на родном языке. В Тегеранском и Исфаганском университетах функционировали армяноведческие отделения, из Тегерана и Тебриза велись радиопередачи на армянском языке. В конце 50-х годов открылись ассирийские школы, стала выходить в свет художественная литература на ассирийском языке ⁵ и т.д.

После революции 1979г. предоставление национальным языкам в Конституции юридического статуса породило у народов, говорящих на этих языках, надежду на справедливое решение национально-языкового вопроса. В первые годы после исламской революции были сделаны реальные шаги в этом направлении, в том числе и в ответ на требования некоторых народов Ирана, прежде всего курдов, о предоставлении им национальной автономии. Наиболее значительные мероприятия в этой области были осуществлены в Иранском Азербайджане и в Иранском Курдистане. В иранской прессе сообщалось, что в школах всех национальных районов разрешается преподава-

ние национальных литератур и национальных языков наряду с персидским. Появилась также информация о подготовке в университетах соответствующих районов курсов азербайджанского и курдского языков, а также курсов литератур на них, об активизации радио- и телепередач и выходе отдельных периодических изданий на этих языках. Менее значительные изменения характерны для небольших по численности национальных групп, например, для белуджей, туркмен и некоторых других ⁶.

Однако в результате обострения в 1983г. внутривнутриполитической обстановки в ИРИ большинство мероприятий в национально-языковой области не получило значительного развития. Это коснулось, прежде всего, азербайджанцев и курдов и в меньшей степени других народов, в том числе представителей религиозных меньшинств.

Что касается персидского языка в послереволюционный период, то в первые годы после революции, характеризовавшиеся интенсивной исламизацией всей жизни иранского общества, он, несмотря на свой высокий юридический статус и глубокие исторические корни, испытывал сильную конкуренцию со стороны арабского языка. Арабскому языку, ранее функционировавшему лишь в сфере религиозного общения, отводилась все более значительная роль в общественной жизни страны. Этому способствовали многочисленные мероприятия, направленные на придание (на наш взгляд, в значительной мере искусственное) арабскому языку более широких социальных функций и с этой целью в школах Ирана в обязательном порядке было введено обучение арабскому языку, созданы многочисленные курсы для его изучения, для подготовки преподавателей; на нем начали издаваться пресса, регулярно проводятся соревнования в мастерстве чтения Корана и т.д. ⁷

Ведущие религиозные и политические деятели на страницах периодических изданий неоднократно подчеркивали, что арабский язык - язык ислама, язык священной книги «Коран» и что человек, не владеющий им хотя бы в некоторой степени, не сможет понять смысл мусульманской религии ⁸. Идет процесс насыщения лексического состава персидского языка арабскими элементами, часть которых - слова и словосочетания, ранее употреблявшиеся в персидском языке, но с потерей занимаемых прежде арабским языком позиций вышедшие из сферы использования, другие - неологизмы.

Однако языковая политика руководства Ирана, направленная на внедрение арабского языка в различные сферы жизни иранского общества, не имела успеха, поскольку его чужеродность для большей части населения не

позволила арабскому языку (подобно персидскому) приобрести широкие общественные функции. Вместе с тем, высокий престиж этого языка как языка Корана и мусульманской религии сохраняется. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что в апреле текущего года в Тегеране прошла представительная конференция, посвященная арабскому языку. Академия персидского языка и литературы, созданная в 1990г. под патронажем и при активной поддержке тогдашнего президента ИРИ Хашеми-Рафсанджани, борясь с проникновением в персидский язык западноевропейских заимствований, предлагала в качестве их эквивалентов в том числе арабские лексические элементы,

что было совершенно не характерно для всех существовавших ранее учреждений подобного рода. И Академия языка и литературы, функционировавшая с 1935 по 1941гг., и Академия персидского языка, созданная в 1970г., предлагали заменять все иностранные слова исключительно исконными персидскими лексемами.

С начала 80-х годов и в еще большей степени с середины указанного десятилетия начинает постепенно изменяться соотношение между арабским и персидским языками, и вполне закономерно в пользу последнего. Персидский язык начинает все больше ассоциироваться с исламской культурой и мусульманской религией и рассматриваться как инструмент их распространения в другие регионы мира⁹, причем как в мусульманские страны, как например, Пакистан, Бангладеш, Турция и государства Центральной Азии, так и в страны с другими религиями - Россию, Китай, Польшу, Индию и т.д. Так в Пакистане уже давно начали раздаваться призывы к активизации процесса изучения персидского языка в средних школах и университетах страны, где усиление позиций персидского языка рассматривается как фактор, противодействующий упадку духовной культуры пакистанской нации¹⁰. В Индии, где персидский язык исторически занимает прочные позиции, он и персидская литература изучаются в университетах страны, являются предметом научных исследований¹¹. Один раз в два года в Дели проходит Всеиндийская конференция преподавателей персидского языка, а также функционируют специальные курсы повышения их квалификации¹². В Туркменистане помимо изучения персидского языка в Туркменском государственном университете им. Махтум Кули его также преподают в пяти средних школах Ашхабада, а также на достаточно представительных курсах при Иранском культурном центре. Курсы для иностранных студентов и преподавателей, аналогичные индийским, ежегодно функционируют и в самом Иране¹³.

Стабильность позиций персидского языка подтверждает и тот факт, что необходимость создания постельной Академии персидского языка в ратуры в ее программных документах объясняется в том числе, во-первых, тем, что персидский язык - второй по значимости язык исламского мира, во-вторых, тем, что он является одним из компонентов иранской культуры¹⁴.

В этой связи думается, что языковая политика мусульманского руководства ИРИ, направленная на внедрение арабского языка в стране, с самого начала была в значительной степени идеологизирована и обречена на провал, что, видимо, понимали и сами пропагандисты этих идей. В прессе не раз

появлялись высказывания такого рода, что персидский язык - национальный язык иранцев, он является признаком иранской нации и элементом иранской культуры. Поэтому перенос акцента в языковой политике с арабского языка на персидский представляется вполне закономерным. Это находит отражение и в самой системе персидского языка. Процесс пополнения его арабизмами практически приостанавливается, и в основном функционируют лишь те из них, которые вошли в лексическую систему современного персидского языка ранее.

Интересная ситуация сложилась с западноевропейскими языками. Если во времена правления династии Пехлеви наблюдалась тенденция к возрастанию их роли - главенствующее положение занял английский язык, на котором издавалась периодика, велись телевизионные передачи; социальная мобильность иранцев зависела от степени знания европейских языков и количества языков, которыми они владели - то после революции языковая политика была направлена на уменьшение их роли в жизни страны. Такой характер языковой политики явился отражением резко негативного отношения духовенства, стоящего у власти в Иране, в целом к Западу, его культуре и влиянию Запада на национальную самобытную культуру страны. Антизападные настроения проявились в принятии решений о запрещении преподавания западноевропейских языков в начальной школе, о расформировании всех иностранных школ в стране, переименовании улиц и площадей, названных на западный лад¹⁵, в запрете на использование с конца 1995г. иностранных слов в государственных учреждениях, что было узаконено законопроектom Исламского совета, и т.д.

Однако в настоящее время совершенно очевидно, что, несмотря на проводимую в стране антизападную языковую политику, западноевропейские языки продолжают занимать определенную нишу в системе

функционирующих в Иране языковых образований. Их изучают в иранских вузах, на них издается литература - двуязычные англо-персидские и персидско-английские словари, грамматики английского языка, учебники и учебные пособия, произведения классической английской литературы, например, романы Ч.Диккенса¹⁶ и т.д.

Что касается собственно лексической системы персидского языка, то процесс заимствования из западноевропейских языков в большей или меньшей степени шел постоянно. В некоторых случаях даже начинали возрождаться те европеизмы, которые в результате пуристической деятельности выходили из сферы активного употребления.

Таким образом в результате проводимой на протяжении двадцати лет руководством ИРИ языковой политики персидский язык занял в стране прочные и несомненно главенствующие позиции. При этом его юридический статус, декларируемый Конституцией 1979г., соответствует его фактической роли в жизни страны. Арабский язык, несмотря на все мероприятия, направленные на его внедрение, не смог приобрести широкие общественные функции. Что касается национальных языков, то многие из их прав либо с самого начала не реализовывались в достаточной степени, либо не получили дальнейшего развития. Более благоприятная ситуация в этом отношении характерна для языков религиозных меньшинств. Наконец, несмотря на антизападную ориентацию руководства Ирана и принимая во внимание существующие реалии, западноевропейские языки продолжают играть заметную роль в жизни страны.

¹ См.: Конституции государств Ближнего и Среднего Востока. М., 1956, с.173.

² Об этом см.: С.М.Алиев. К национальному вопросу в современном Иране.- Краткие сообщения Института народов Азии, №77, М., 1964, с.49,54

³ См.: Конституция Исламской республики Иран. Ст.2. Язык, письменность, история и флаг страны, разд. 15,16.

⁴ Подробно об этом см.: История Ирана. М., 1977, с. 357-359.

⁵ См.: С.М.Алиев. Указ.соч., с.59.

⁶ Об этом подробнее см.: М.С.Каменева. Политика исламизации в Иране и ее лингвистические последствия. НАА, 1981, №5; Кейхан, 22.11.1981, Кейхан, 06.05.1979, Эттелаат, 07.06.1979, Кейхан, 04.04.1979.

⁷ См.: Кейхан, 14.12.1981, Джомхури-йе эслами, 01.05.1982, 17.01.1982, 12.10.1982, Эттелаат, 26.и 7.1982, Кейхан, 02.11.1982.

⁸ См.: Кейхан, 26.11.1981.

⁹ Об этом см., например: Иран, 31.12.1996, Кейхан-е фарханги, №149, 26.02.1998.

¹⁰ См.: Эттелаат, 10.03.1990.

¹¹ См.: Забан-о адаб-э Фарси дар хэнд. -Персидский язык и литература в Индии. Техран, 1998.

¹² См.: Кейхане хаваи, 17.06.1998.

¹³ См., например: Кейхан-е хаваи, II.02.1998.

¹⁴ См.: Кейхан, 07.03.1990.

¹⁵ См.об этом: Кейхан, 14.07.1979, 01.07.1980.

¹⁶ См.: Кетаб-э хафтэ, 1997-1998.

МИРЗА КУЧЕК-ХАН - ЗАЩИТНИК РОДИНЫ И ИСЛАМА.

К истории объединения гилянских повстанцев в 1921 г.

"Советую Вам, если желаете дружить с большевиками, бросить религию", - посоветовал вождю дженгелийцев его левый соратник и будущий политический противник Эхсанулла-хан Дустар, когда утром 18 мая 1920 г. их разбудил грохот орудийных выстрелов подошедшей к Энзели советской эскадры¹. Но, совершая ошибки, вступая на шаткий путь компромисса или выбирая сомнительных союзников, Мирза Кучек-хан никогда не изменял родине, которую самоотверженно любил, и религии, которую ревностно исповедовал. С негодованием отвергнув совет "нигилиста" Эхсануллы, но решив воспользоваться помощью России для освобождения Персии от британского гнета и коррумпированного англофильского правительства шаха. Кучек-хан уже во время переговоров на пароходе "Курск" с главой Кавбюро ЦК РКП(б) Серго Орджоникидзе жестко поставил все точки над і, обусловив военный союз с большевиками их невмешательством во внутреннее управление страной и решительно потребовав прекращения "крайней максималистской" пропаганды прибывших из Баку иранских коммунистов.

Скрепя сердце, согласившись под давлением командующего флотилией Федора Раскольникова на провозглашение в столице Гиляна - Реште "Персидской советской социалистической республики", Мирза Кучек-хан воспринял это наименование лишь как навязанную ему "вывеску" новой власти и в торжественном манифесте, объявляя о свержении монархии, не преминул упомянуть, что его Временное правительство будет охранять права и собственность населения, а также "считает своим долгом защиту Ислама". Но уже 9 июля ЦК ИКП получил директиву от накануне созданного в Баку "Иранского бюро коммунистических организаций" (главную скрипку в котором играли воинствующие радикалы - член Кавбюро ЦК РКП(б) Буду Мдивани и секретарь

Бакинского комитета ДКП(б) Анастас Микоян), предписывавшую не только не допускать "никаких ограничений и искажений" в пропаганде и агитации основ коммунистической программы, но и использовать свое "терпимое отношение" к вождям джэнгелийцев ... "для постепенной парализации их личного авторитета".²

Директива попала в благодатную почву и, забыв недавние здравницы в честь "первого героя Персии", ЦК ИКП уже на следующий день принял секретное постановление, предлагавшее "убрать" Кучек-хана и его правительство, "как переставших быть вождями национально-освободительного движения", составив новую власть из левых джэнгелийцев (сторонников Эхсанулы, просившего принять его в партию) и персонально отдельных коммунистов. После этого в Гиляне вновь зазвучали митинговые речи с призывами к экспроприации богатей и поистине святотатственными для мусульманского Востока лозунгами:

"Долой гнилую религию - Ислам Магомета!" и "Да здравствует священная душа Маздака!". Как отмечал наблюдатель, большинство ЦК ИКП, в котором, кстати, решающее слово принадлежало представителю Кавбюро ЦК РКП(б) 21-летнему кабардинцу Батырбеку Абукову и его жене латышке Мильде Булле, полагало, что "необходимо сейчас же повести борьбу против ханов, прижать как следует верхушку купечества, дать о себе знать духовенству, опереться только на крестьян - и успех революции обеспечен".³

Для оценки настроений Кучек-хана в те дни характерно его поведение на устроенном в одной из главных мечетей Решта собрании более 5 тыс. горожан. Напоминая, что Кучек-хан содержит свои войска благодаря их финансовым пожертвованиям, состоятельные гилянцы просили предоставить "гарантию неприкосновенности их жилищ, религии и имущества". Стремясь успокоить собравшихся, Кучек-хан говорил: "Наши товарищи-коммунисты вовсе не желают идти против ваших религиозных убеждений и против ваших ремесел и торговли. Они не осведомлены надлежащим образом о настроении умов в Персии. Мы дадим им понять и обратим их внимание на то, что Персия - не Россия, коммунистический переворот не имеет здесь почвы и не может развиваться вместе с национальной революцией".

В свою очередь обращаясь к коммунистам, Кучек-хан еще терпеливо пытался убедить их изменить свою политику, подчеркивая, что персы консервативны и "говорить против их религии значит губить революцию". "Относительно богатства у них свои убеждения, основанные на религиозных поня-

тиях, - пояснял он. - В Коране сказано: "Люди властны в своих имуществах и в своих жизнях". Напоминая, что в Персии "революцию всегда поддерживало только городское население - ремесленники и торговцы", Кучек-хан предупредил, что, если вооружить их против себя, то "больше никто из персов не будет с нами солидарен..."

Единственный разряд населения, сочувствующий, понимающий и могущий служить нам поддержкой, - это горожане. Если они будут против нас - революция погибла".⁴

Однако неоднократные обращения Кучек-хана к властолюбивому юнцу Абукову, дабы тот принял меры к обузданию заговорщиков, были тщетны. В написанном тогда же наивном и путаном послании главе Совнаркома РСФСР, отправленном из Баку телеграммой 20 июля, Мирза Кучек-хан указывал на свое искреннее желание принять активное участие в "провозглашении по всем странам света справедливого течения Интернационала", освобождении Востока от английских поработителей и "наискорейшем достижении идеи коммунизма на основах общего равенства". Но, настаивал он, нужно учитывать условия Персии, ибо революция во всех странах не может совершаться одним путем. "Я, как знающий персидский народ, - зывал Кучек-хан к Ленину, - хочу предотвратить недоразумение, могущее вылиться в катастрофическую форму и тем самым погубить революцию..." Увы, ответ на свое послание он так и не получил.

Еще надеясь на успех отправленной им в Москву дипломатической миссии и не желая стать "причиной обострения конфликта и страдания многих невинных лиц" в Гиляне, Кучек-хан не нашел ничего лучшего, как ...временно отстраниться от власти. Покинув 19 июля Решт, он уезжает в родной Дженгель, где намеревается оставаться "до тех пор, пока не будут установлены нормальные взаимоотношения с братской РСФСР". "Если бы он не ушел сам, - цинично комментировал поступок Кучек-хана один из российских представителей в Гиляне, - его нужно было "уйти", убить политически как самозваного персидского вождя-революционера, а если бы он не успокоился, то убить и физически".⁵

Как объясняли потом дженгелийцы, они стояли тогда перед сложной дилеммой: "или арест и вооруженная борьба с лицами, замышляющими против правительства и мешающими достижению свободы, или удалиться от дел и передать их в руки недовольного элемента", понимающего свободу только как возможность "реквизиции чужого имущества, иначе говоря, как

свободу грабежа", и клеветущего на республиканские власти, которые мешают-де борьбе народа за независимость родины. Дабы несведущие люди не сочли эти обвинения правдивыми и во избежание кровопролития, было признано целесообразным отстраниться от власти, дабы на практике "выяснились дурные намерения недовольных лиц по отношению к истинным революционерам и то, что, кроме избранной последними линии поведения, всякая другая тактика только укрепит подгнившие устои тегеранского правительства и сыграет на руку английской политике". Решение дженгелийцев гласило: "До выяснения истины долг подлинных сторонников республики заключается в том, чтобы удалиться от дел и сохранить свою вооруженную силу".⁶

В своем очередном послании Ленину Кучек-хан выражал горькое сожаление, что его доверие к обещаниям представителей РСФСР не оправдалось: ведь он неоднократно повторял, что распространение коммунизма в Персии несвоевременно, ибо "население еще не подготовлено к столь идеальной программе" и может перейти на сторону англичан и шаха. "Мы, - заявлял Кучек-хан, - сделали первый шаг к своему освобождению от векового ига, но нам грозит опасность с другой стороны, а именно - если мы не предотвратим вмешательство иностранцев во все внутренние и внешние дела, осуществляемое помимо нашей воли, то сделанный нами шаг не будет иметь цены, то есть, сбросив одну иностранную власть, мы попадем под власть другой". Вследствие этого, объяснял Кучек, "я покинул Решт и возвратился в лес к месту своего прежнего пребывания".

Ультимативно требуя прекращения вмешательства во внутренние дела республики, обуздания ЦК ИКП с отзывом Абукова и защиты прав и имущества находящихся в АССР персидских подданных, Мирза Кучек-хан протестовал против самовольного, без разрешения его правительства, ввода в Гилян российских частей, считая, что в "период развития широкого националистического движения видимое влияние иностранных государств должно быть минимальным". Однако телеграмма с текстом послания Кучек-хана оказалась умышленно задержанной в Баку военными властями, а в ночь на 31 июля правительственные учреждения Решта были заняты красноармейцами, очередную партию которых Мдивани и Микоян лично привезли из Баку накануне.

В итоге власть в маленькой республике перешла к марионеточному Ревкому во главе со ставленником коммунистов Эхсануллой. "Переворотом в Реште, - признавался бывший наркоминдел АССР Мирза Давуд Гусейнов, -

руководил (и организовал) сам Мдивани, совместно с Абуковым и его женой Булле. Это они стояли во главе Красной Армии и давали соответствующие приказы, а не Эхсанулла и т.п.⁷ Смена власти не обошлась без эксцессов, которые произвели крайне тягостное впечатление на гилянцев, и символично, что первой жертвой заговорщиков стало мусульманское духовенство. Как рассказывал позже коммунист Мамед Гусейн Самед-заде, проходя в ночь переворота по улице, он услышал крики, раздававшиеся из дома почтенного муджтехида - Шариат Мадари Гиляни. "Я начал протестовать, - вспоминал Самед-заде. - "Вы знаете у кого производите обыск? Вы знаете кого оскорбляете? Ведь этот человек есть глава духовенства, которого слушает весь персидский народ!" Услышав это, агенты ушли, захватив с собой в Особый отдел целый мешок серебряных денег..." .

А через некоторое время Шариат Мадари бежал в Казвин, где, по словам Самед-заде, "выступал на митингах в мечетях, начал агитировать против Красной Армии и большевиков, побрил свою бороду и обращался с криком к народу: "Спасите Шариат, большевики оскорбляют вашу религию, избивают духовенство, грабят население". Безусловно, Шариат Мадари, пользующийся большим авторитетом и симпатией среди населения Казвина и Тегерана, имел сильное влияние, и его агитация, как молния, моментально распространилась по всей Персии, чему немало способствовали агенты англичан. Также появление Шариат Мадари в Тегеране..., его трехдневные митинги в мечетях и агитация против большевиков сильно повлияли на тегеранцев". Демонстративное возвращение лидера гилянцев в Дженгель и уход из Решта влиятельного муджтехида не могло не сказаться и на отношении населения к новой власти.⁸

Кучек-хан заявлял, что считает "бесчестным всякого, кто права народовластия и независимость своей нации приносит в жертву бессмысленным крайностям" и старается подчинить нацию кучке радикалов, стремящихся к достижению личных выгод и удовлетворению своего властолюбия. "Я, - продолжал Мирза Кучек, - добиваюсь независимости и свободы Персии. Я желаю счастья и довольства для персов и всех сынов человеческого рода без различия вероисповеданий и национальностей. Мы с честью жили, с честью вели нашу революционную работу и с честью умрем, никогда не согласившись с тем, чтобы во имя коммунизма и защиты трудящихся угнетали и уничтожали этих же самых трудящихся и всячески попирали заветы социализма".

Мирза Кучек-хан неоднократно напоминал муджахедам свою программу: "Независимость Персии должна быть неприкосновенна. Персидская нация должна быть свободна. Руководство революцией и власть в нашей стране должны находиться в руках персов. Судьба Персии должна решаться самими персами". Но, призывая моджахедов к единению, Кучек-хан все еще верил, что "Советская власть и ее подлинные представители ни в коем случае не согласны с бессмысленной агитацией и бесчинствами Абукова и ему подобных" и, как только российское правительство узнает о событиях в Гиляне, "оно несомненно воспрепятствует деятельности этих господ".⁹

Объявив по сути войну имущим слоям населения Гиляна, Ревком так и не смог завоевать доверие крестьян и ремесленников, во многом, безусловно, из-за активной антирелигиозной пропаганды коммунистов.

По словам очевидца, в ходе этой пропаганды "из дома одного муллы было устроено нечто вроде публичного дома, на митингах определенно отрицалось наличие бога и т. п.". ЦК ИКП, как признавался кооптированный в его состав Авенир Ханукаев (дербентский еврей, прибывший в Гилян из Ташкента), исходил в своих действиях "не столько из необходимости изгнания англичан из Персии (а может быть и из Индии), сколько из иллюзии установления социалистического порядка в полуфеодальной стране. Крестьянство отшатнулось от нас, батрачество не поняло и тоже ушло из сферы нашего влияния. Так называемая "экспроприация буржуев", коснувшаяся главным образом мелкого торгашества и крестьянства, шла в разрез с нашей восточной политикой нейтрализации мелкой и даже средней буржуазии, а беспринципное использование бывших помещиков в деле взъяснения налогов с крестьянства (да и сам факт наложения этих налогов) окончательно дискредитировало нас в глазах масс".

Последующие неудачи на фронте против англичан и шахских казаков и вероломные нападения на контролируемый Кучек-ханом лесной район не прибавили популярности Ревкому, державшемуся у власти лишь на штыках ввозившихся из Баку русских и азербайджанских красноармейцев. "С тех пор, как мы пришли в леса, - сокрушался Кучек в январе 1921 г., - я все время посылал письма и извещал, чуть ли не унижаясь до лести, чтобы нас оставили в покое, в нашем нейтральном состоянии... Никогда, ни разу, не обратили они внимания на мои предложения. Начиная с того времени и до сих пор, они ежедневно нападают на нас и продвигаются вперед. Мы, насколько можно, постоянно отходим, стараясь не вступать в столкновения... Вся цель англи-

чан сводится к тому, чтобы уничтожить нас руками большевиков и после этого, не имея больше в Персии противников, выгнать из нашей страны и их самих. Господа рещтские большевики все время помогали и помогают англичанам в этом намерении".¹⁰

Между тем Кучек-хан создает в лесу своеобразную Дженгелийскую республику. Проникший туда резидент Особотдела Кавфронта сообщал следующее: "Все комиссариаты исполняют срочную и усиленную работу, неся ответственность перед Советом, где председательствует сам Мирза Кучек. В Совете работают старые опытные руководители первой персидской революции, причем обращает на себя внимание общность идей в этой маленькой республике. Чрезвычайно устойчивый характер Мирзы Кучека, его необыкновенная чуткость, сострадание к окружающим и тяжелому положению крестьян и родины вызывают большое чувство уважения и любви к нему. У многих это чувство доходит до культа и в Мирзе Кучеке видят грядущего мессии - спасителя мира".¹¹

Чувствуя свое политическое банкротство, руководители рещтского Ревкома возобновляют переписку с Кучек-ханом, патетически предлагая ему забыть старые обиды и объединить силы в борьбе с англичанами. "Я всегда полагал и продолжаю полагать, - отвечает им 10 ноября Кучек Дженгели, а именно так подписывает он теперь свои письма, - что успех национального движения управляется общественным мнением, а не огнем и железом. Правдивая и искренняя пропаганда, уважение к народным и государственным обычаям и воззрениям лучше всякого стотысячного войска и огнестрельных орудий. Восточные народы, в особенности персы, всегда были религиозны, в известной степени отстали от прогресса мировой культуры и потому никогда не захотят следовать всякого рода крайним политическим программам".

Кучек напоминал, что в течение двух месяцев пребывания его правительства у власти революционная армия заняла Менджиль и угрожала Казвину, "весь Гилян и все гилянцы сочувствовали нам материально и духовно" и со всех концов Персии приходили вести о солидарности и готовности оказать поддержку. Под влиянием этого англофильский кабинет Восуг-эд-Доуле в Тегеране подал в отставку, действие кабального англо-персидского соглашения 1919г. было приостановлено и шах уже готовился бежать в Исфаган. Эхсанулла, действуя вместе с большевиками, взял власть в свои руки, и в итоге население цветущего Гиляна настолько обнищало, что не в состоянии обеспечить себя питанием, хотя "вы, тем не менее продолжаете выкола-

чивать из разоренных городов деньги и продовольствие"¹², а армия уже дважды откатывалась к Энзели.

Это послание Кучек-хана положило начало его долгим переговорам с Ревкомом и командованием Персидской Красной Армии о восстановлении единого фронта против англичан и шахского режима.¹³

В начале зимы Ревком обратился к нему с посланием, уверяя, что "не имеет других целей, кроме изгнания войск, враждебных делу освобождения Персии, перемены существующего в стране режима, помощи угнетенным и эксплуатируемым и установления всеобщего успокоения". "Приди к нам как прежде, по братски, - патетически приглашали Кучек-хана члены Ревкома во главе с Эхсануллой, - чтобы мы все вместе взвляли Красное Знамя Революции над Бехаристаном, погнали и уничтожили внутренних и внешних врагов, прославили наш древний народ и спасли его от угнетения и несчастья".

"Ваше почтенное письмо, - отвечал Кучек-хан,- заключающее в конце угрозу и ультиматум, получено мною... Подобно другому вашему посланию от 27 числа месяца Сафара это письмо также внешне составлено в духе согласия, дружелюбия и любви, однако в то время, когда я его читал, я услышал звуки выстрелов ваших войск, совершавших на нас нападение. Беглый просмотр письма подготовил меня к этим событиям, но, когда я прочитал его внимательно, то увидел, что проявление вашей враждебности откладывается на неделю. Во всяком случае, я обрадован тем, что уважаемые господа находятся в добром здравии и благодарю за память".

Напоминая, что со времени возвращения джэнгелийцев в лес им непрерывно, в течении почти семи месяцев, приходилось защищаться от нападений красноармейских частей, Кучек-хан язвительно подытоживал: "Из вашего письма для меня явствует одно: слова - "единение", "уважение смертельных недугов", "улучшение положения трудящихся" и т.д., до сих пор ничем не подтвержденные фактически, кажутся мне лишь средством, при помощи которого вы хотите дать понять неосведомленным людям, что мы, де, писали, но ничего не вышло, звали, но он не пришел. Другими словами, вы хотите заранее оправдать возобновление с вашей стороны враждебных по отношению к нам действий". Тем не менее Мирза Кучек соглашался принять представителей Ревкома для проведения личных переговоров, но лишь в случае, если его "целями, действительно, являются согласие, единение, исправление допущенных ошибок, улучшение в делах и отражение всех внутренних и внешних врагов..."

На весьма сдержанные по тону письма Кучек-хана и Совета "Дженгели" рештский Ревком немедленно откликнулся очередным и еще более возвышенно-поэтическим призывом к согласию: "Мы ничего не говорим о прошлом, чтобы не вдаваться в бесконечные пересуды. Мы снова заявляем: момент чрезвычайно ответственен, родина - в опасности. Мы убеждены, что ваша милость, отложив в сторону критику, взглянете на дело дальновидно и пронизательно и тогда мы, во имя Красного Знамени Революции, соединим наши усилия и, помогая друг другу, достойным образом накажем врагов и предателей... Тактика нашего общества в настоящее время такова: ниспровержение существующего в Персии строя, изгнание английских войск из Персии и уничтожение их вмешательства в персидские дела, помощь и содействие трудящимся и бедноте. Несомненно, когда между нами и вами установится согласие и единение, остальные детали и подробности будут выяснены..."

По поводу процитированного письма Ревкома Кучек-хан отозвался с горькой иронией: "Его красноречивые и сладкие объяснения и призывы вместо того, чтобы возвеселить меня и обрадовать, лишь увеличили во мне чувство горечи, скорби и сожаления".¹⁴ С посланием рештского Ревкома в феврале в Дженгель отправилась делегация в составе Хаджи Мохаммед Джафара Кенгавери, Ибрагима Амини Казвини и Ага Сеида Джавада Вамнеи, а также представитель Реввоенсовета Персармии и редактор русской газеты "Красный Иран" Алексей Костерин. Однако Кучек-хан уклонился от переговоров, послав вместо себя выборных Совета "Дженгели". Поскольку же договариваться с ними делегация не имела полномочий, она переправила в Решт очередное письмо, в котором Кучек заявлял, что подчинится воле Совета. Прошло еще несколько дней, пока делегация получила разрешение Ревкома вести переговоры с выборными дженгелийцев, но те, по выражению наблюдателя Вячеслава Мурзакова, "ударилась в амбицию" при проверке мандатов, протестуя против формулировки, что рештцы прибыли для переговоров "с представителями Кучек-кана" вместо должного - с членами Совета "Дженгели". В результате делегация вернулась назад ни с чем и, Мурзаков, комментируя срыв переговоров, высказывал предположение, что Мирза Кучек "не пойдет ни на какие сделки с Эхсануллой, столь резко изменившим ему, обманувшим его доверие". Кучек-хан, рассуждал Мурзаков, "слишком опытная и хитрая лисица, чтобы так доверчиво и простодушно идти на перегово-

ры с гилянским Ревкомом, который он презирует со всем пылом фанатичного дервиша".¹⁵

Впрочем, учитывая ожесточенную борьбу за первенство в партии между членами распущенного Баку и тесно связанного с ревком овцами ЦК ИКП (большевиков) и нового, занявшего более реалистичную позицию, ЦК ИКП (Адалет), Кучек-хан быстро находит общий язык с лидером последнего - активным участником иранской Конституционной революции Гейдар-ханом. Представители его ЦК в Реште также считали, что выезжавшие в Дженгель посланцы Ревкома не смогут добиться соглашения с Кучек-ханом, "ибо частично сами были замешаны в деле июльского переворота в Гилян". Более того, честолюбивый Эхсанулла и его товарищи, особенно влиятельный Сардар Мухи (приятельствовавший с Орджоникидзе еще со времен Конституционной революции, когда прославился как один из руководителей похода федаев на Тегеран, и издавна враждовавший с Гейдар-ханом и лидером дженгелийцев), вовсе не желали в душе никакого соглашения со своим вчерашним противником, не хотели делиться с ним властью, боялись его и всячески старались настроить против Кучек-хана своих российских союзников.

"До приезда миссии /Ревкома из Баку/ в Решт, - сообщали ревкомовцы Серге Орджоникидзе, - послано было Кучек-хану два письма, на кои были получены неопределенные ответы, а по приезде же нашем в Решт сделано ему. Кучек-хану, категорическое письменное предложение; если же и на него последует уклончивый ответ, то просим Вашего распоряжения о принятии Главкомом вместе с нами весьма энергичных и решительных мер, дабы раз и навсегда ликвидировать его движение". В другом послании, уверяя Орджоникидзе, что Кучек-хан якобы получил боевые задания от англичан, Эхсануллада и его товарищи писали: "Поэтому мы считаем нашей сегодняшней задачей также войну с ним и его приверженцами до полного уничтожения".¹⁶

Несмотря на то, что Гикало явно не доверял вожаку дженгелийцев, он все же попытался выступить в роли примирителя.

Прибывшие 4 марта в Решт с заданием переговорить с Кучек-ханом посланцы Серге Орджоникидзе - секретарь президиума бакинского "Совета пропаганды и действия народов Востока" Ибрагим Абилов и бывший бакинский уездный продкомиссар Баги Джафари - сразу же допустили оплошность: воспользовавшись гостеприимством Сардара Мухи, они поселились в его доме, что, естественно, не понравилось дженгелийцам. "Переговоры с Кучек-ханом, - докладывал Абилов Серге, - не привели к желательным последстви-

ям. Он отказывается работать с рештской группой, ставит ультимативное требование - абсолютное невмешательство в его внутренние дела; вывод наших войск; упразднение коммунистической партии и прекращение ее агитации; право преследования коммунистов, если они будут вести агитацию. Кроме своей республики, он не признает другой власти. Впрочем, работает с Гейдар-ханом. Рештская группа ничего не имела против совместной работы, если согласится Кучек-хан".¹⁷

Однако последнее утверждение прямо опровергалось самими ревкомовцами, которые писали: "Просим, товарищ Орджоникидзе, сделать со своей стороны распоряжение Вашим представителям в Рештэ о более корректном отношении к Ревкому и невмешательстве в наши дела, не зная точно наших условий: например, ...считать ли Мирзу Кучека нашим врагом или нет? В то время, когда мы определенно знаем, что Кучек Мирза куплен англичанами и работает против нас. Среди Ваших представителей существует тенденция считать его мирным соседом..." В свою очередь гейдархановцы и сторонники Кучек-хана обвиняли членов Ревкома, прежде всего Сардара Мухи, в связях с шахским правительством и англичанами, однако, в Баку уже понимали, что в Гиляне "ведется напряженная борьба между несколькими политическими группами, причем борющиеся пускают в ход всевозможные интриги, клевету, обвинения в шпионаже и т.п. Одна группа хочет уничтожить политически Кучек-хана, другая - Сардара Мухи".¹⁸

Как отмечалось на совещании Реввоенсовета Персармии с Абиловым и Джафари, при свидании их с Кучек-ханом выяснилось, что тот явно не желает идти на примирение с рештским "Комитетом освобождения Персии" (переименованным Ревкомом по требованию русских) и, хотя "с Советской Россией совместно действовать согласен при условии абсолютного невмешательства в его внутренние дела и вывода красных войск из Гиляна, но активно против нас выступать не будет, соглашаясь на присутствие и совместную работу только с Гейдар-ханом". Если лидер ИКП (Адалет), убеждал 23 марта Джафари Орджоникидзе, "согласится поехать в Персию работать с Кучек-ханом и не вести свои личные старые счета с "Комитетом освобождения Персии", то я даю слово, что игра будет нами выиграна". В конце концов в Баку на квартире одного из функционеров ЦК А.Фомова была организована встреча Гейдар-хана и Калу Курбана, который пообещал склонить Эхсанулла к примирению с Кучек-ханом.¹⁹

Между тем 7 апреля в Дженгель, с разрешения Реввоенсовета Персармии, отправился ответственный секретарь Гилянского обкома ИКП (Адалет) Абдул Джабар Мамедов, который после трехдневных переговоров получил, по его словам, некое "письменное подтверждение" о готовности сторонников Кучек-хана объединиться с рештскими революционерами. В связи с этим Сардар Мухи якобы пытался сначала подкупить, а затем организовать покушение на жизнь Мамедова, но "меня, - пояснял тот, - охранял сильный отряд военморов в 50 человек, и я жил в кабинете начальника Особого отдела". Скорее всего именно Мамедов привез в Решт послание Кучек-хана, текст которого приводит в своем неопубликованном очерке о Гилянских революции военный представитель РСФСР в Персии Михаил Свечников. "По-видимому, - замечает он, - Кучек-хан был вполне удовлетворен предложениями, сделанными со стороны ЦК ИКП, так как одному из товарищей, как посреднику между ним и ЦК, он прислал письмо от 15 апреля 1921 г. за №148, которое и послужило основанием для дальнейших переговоров, а затем и самого соглашения". "Неосведомленность русских революционеров в восточных обычаях, - писал Кучек-хан своему адресату (обозначенному осторожным Свечниковым лишь инициалом "Т."), - особенно, в зависимости всего населения Персии от религиозных принципов; максималистские устремления наших русских братьев к коренной перемене привычных национальных основ; утверждение полной социализации, по существу совершенно враждебной религиозным правилам персов; властолюбие некоторой части вновь прибывших; происки, хитрости и партийные интриги их при попытках добиться своих целей; солидарность их с группой корыстных, властолюбивых и эгоистически настроенных лиц и, наконец, влияние английских шпионов среди подобного рода людей - все это в конце концов привело к такому положению, что не только пропадали даром все долгие труды персидских революционеров, но и сама революция была задумана.

В противовес всем этим невыносимым ударам я не нашел другого средства как только удаление от дел, терпение и возложение ответственности за все ошибки, совершенные этими людьми, на них самих. Ныне, когда русские и азербайджанские революционеры уяснили себе истинное положение вещей и поняли причину безуспешности революционного движения и продолжающегося угнетения рабочих и крестьян Персии, - в том случае, конечно, если они хотят исправить совершенные ошибки и взяться за дело с

начала, - я не вижу иного средства как только соблюдение следующих положений:

1. Те люди, которые в настоящее время стоят во главе революционного движения в Реште, будь они честными исполнителями или изменниками, ввиду того, что они сделались предметом единодушной и всеобщей ненависти, должны быть отстранены от дел и отправлены на отдых в Россию, Это необходимо потому, что, если Общество "Джэнгели" будет вести революционную работу с большинством этих людей, то оно сделается ненавистным всем персам и выпустит из рук свое последнее оружие.

2. Военные силы русских и азербайджанских революционеров, открыто объявив об эвакуации ими Персии, должны быть выведены из Решта. Впоследствии в том количестве, которое потребуется, и отнюдь не официально они могут быть постепенно присоединяемы к военным силам Общества "Джэнгели". Этим способом может быть рассеяно предубеждение, сложившееся против них у персов под влиянием их прежней деятельности и, кроме того, прекратив свои враждебные действия против персидских революционных войск, они тем самым лишат англичан предлога оставлять свои военные силы в Персии и принудят их своим уходом к уходу войск из пределов нашего государства.

3. Руководительство революционным движением в Персии должно находиться в руках самих персов, и русские и азербайджанские революционеры должны отказаться от всякого прямого вмешательства во внутренние дела Персии. Таким образом, у персов появится уверенность в том, что результат революции и борьба с центральным правительством послужат на пользу им самим и что Персия будет принадлежать персам.

4. Сношения персидских революционеров с революционерами России и Азербайджана, а также переговоры о всякого рода помощи, которую они будут просить друг у друга, должны быть официальными, наподобие отношений, существующих между двумя соседними государствами, то есть на договорных началах.

5. Соблюдая четыре вышеупомянутые условия, революционеры должны до овладения столицей придерживаться следующих нижеизложенных положений и ни в коем случае не выставлять других требований, которые могут оказаться чрезвычайно вредными для дела персидской революции:

а) перемена существующего режима;

- б) установление формы правления согласно с волеизъявлением большинства нации и общественным мнением Персии;
- в) изгнание английских войск из Персии и уничтожение английского влияния".²⁰

С требованиями Кучек-хана приехавший в Баку Мамедов ознакомил главу АССР Н. Нариманова, членов президиума "Совета пропаганды и действия народов Востока" и Реввоенсовета 11-й армии Кавфронта, после чего была дана санкция на командирование в Джэнгель делегации из девяти человек, включавшей, в частности, Гейдар-хана, Эхсанулла, Халу Курбана и представителей командования Персармии. В ходе состоявшихся 7-8 мая переговоров удалось достигнуть соглашения об образовании коалиционного "Революционного комитета Ирана". Между прочим, свидетельствует Мамедов, было решено арестовать Сардара Мухи, причем Эхсанулла и Халу Курбан признали его виновность и заявили, что якобы были бессильны бороться с ним, ибо его поддерживали коммунисты из членов первого ЦК ИКП. Однако уже 14 мая заместитель командующего 11-й армией Александр Ремезов спешил успокоить Орджоникидзе: "Гейдар-хан просит передать Вам, что личная безопасность и неприкосновенность Сардара Мухи для вновь образованного Ревкома признана обязательной".²¹

В состав нового гилиянского правительства вошли по два представителя от Совета "Джэнгели" - Кучек-хан и Ага Мирза Мохаммеди - и от "Комитета освобождения Персии" - Эхсанулла и Халу Курбан, а также лидер ЦК ИКП (Адалет) Гейдар-хан. После этого Эхсанулла и Халу Курбан выпустили прокламацию, в которой патетически объявляли, что "примирились со своими старыми дорогими друзьями":

*"Скажи врагу надменному, как пламя,
Что невозможное свершилось и пришло.
Пусть сыплет прах на темя со слезами,
Утекшая вода вошла опять в русло".*

В подписанном членами Персревкома соглашении подчеркивалось, что их первой общей обязанностью являются "образование армии, укрепление стратегических пунктов и принятие необходимых мер к тому, чтобы Гилиянская область не оказалась во власти правительственных шахских войск, пока не окончится подготовка к наступательной войне..." Комментируя

восстановление коалиции, Гикало и Томашевский писали Абилову: "Нужно было приложить все усилия, чтобы спаять два противоположных лагеря. Мы знаем, что, если этот союз не имеет достаточно серьезного значения для России и ее мировой политики, то для Гиляна и Персии он является той базой, вокруг которой могут группироваться революционеры и при помощи которой они будут иметь возможность бесславно и быстро не погибнуть".²² Но, несмотря на эвакуацию из Персии российских войск, настоящего примирения так и не получилось... Уже в конце сентября 1921 г. взаимное недоверие между членами Персревкома привело к кровавой междоусобице, в результате которой отрубленная голова замерзшего в горах, но так и непокорившегося врагам Кучек-хана была доставлена в шахскую столицу одним из его лжесюзников - Калу Курбаном.

¹ Абих Р. Национальное и революционное движение в Персии в 1919-1920 гг. (Воспоминания Эхсан-Уллы Хана.) "Новый Восток". 1930. № 29, с. 101.

² Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф.544, оп.3, д. 93, лл. 29, 37; ф. 532, оп. 4, д.381, лл.53-54; ф. 17, оп. 84, д. 103, л. 15.

³ Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 157, оп. 8, д. 8, лл.3-5.

⁴ РЦХИДНИ, ф.495, оп. 90, д. 7, л.3; д.15, лл.77-78; ф.454, оп.1, д.2, л.70.

⁵ Там же, ф.85, оп.8, д.23, лл.120-122; ф.544, оп.3, д.93, л.44; РГВА, ф.157, оп.8, д.8, л.18.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5402, оп.1, д.517, л.97.

⁷ РЦХИДНИ, ф.544, оп.3, д.93, лл.42-44; ф.85, оп.1, д.114, л.111.

⁸ Там же, ф.17, оп.84, д.213, л.12.

⁹ Там же. ф.544, оп.3, д.93. лл.32-36, 29-31.

¹⁰ Там же, ф.17, оп.84, д.228, л.31; ф.544, оп.3, д.93, л.42.

¹¹ ГАРФ, ф.5402, оп.1, д.518, л.1.

¹² РЦХИДНИ, ф.544, оп.3, д.93, лл.37-40.

¹³ Там же, ф.85, оп. С, д.94, л.1; д.27, л.13; ф.558, оп.1, д.2004, л.1.

- ¹⁴ ГАРФ, ф.5402, оп.1, д.517, лл.91-93.
- ¹⁵ РЦХИДНИ, ф.544, оп.3, д.44, л.66.
- ¹⁶ ГАРФ, ф.5402, оп.1, д.525, л.2; РЦХИДНИ, ф.495, оп.90, д.47, лл. 133,129.
- ¹⁷ ГАРФ, ф.5402, оп.1, д.517, л.94; РЦХИДНИ, ф.85, оп. С, д.22, л.3.
- ¹⁸ Там же, ф.495, оп.90, д.47, л.133; ф.544, оп.3, д.63, лл. 320,202; д.35, л.4,
- ¹⁹ Там же, ф.85, оп. С, д.15, л.10; ф.495, оп.90, д.64, л.8.
- ²⁰ Там же, д.40, л.66; ф.532, оп.4, д.385, лл.21-24.
- ²¹ Там же, ф.495, оп.90, д.40, лл. 68-69; ф.85, оп. С, д.25, л.2.
- ²² Там же, ф.495, оп.90, д.46, лл.27-28,30.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хроника отношений Российской Федерации (СССР) с Исламской Республикой Иран. (с февраля 1979 г. до 1999 г.)

1979 год.

1.02. — аятолла Хомейни из Парижа прибыл в Тегеран и заявил, что в Иране с монархией покончено.

3.02. — аятолла Хомейни, выступая на пресс-конференции, заявил, что народ надеется достичь своей цели - создание республики — мирными средствами; Иран будет проводить независимую и мирную внешнюю политику, развививать всесторонние деловые и культурные международные связи.

5.02. — аятолла объявил Мехди Базаргана премьер-министром временного правительства Ирана, которое будет действовать до провозглашения Исламской республики Иран.

11.02. — вооружённое восстание в Тегеране. Монархия пала.

12.02. — СССР заявило о признании Временного правительства Ирана.

14.02. — состоялось первое заседание правительства под председательством Мехди Базаргана; принято решение о прекращении всеобщей забастовки; все заводы, магазины, школы и др. предприятия и учреждения должны начать работу с 17 февраля 1979 г.

17.02. — аятолла Хомейни заявил, что он за дружественные отношения с Советским Союзом, основанные на равноправии, и надеется, что все страны установят такие же отношения с Ираном.

В Иране (после трёхмесячной забастовки) возобновилась деловая жизнь — работа государственных учреждений, банков, промышленных и торговых предприятий, магазинов, школ; вернулись рабочие на промыслы и нефтеочистительные заводы. В городах вновь стал действовать общественный транспорт.

19.02. — официально объявлено о разрыве всех отношений Ирана с Израилем и высылке из страны около 70 сотрудников различных израильских представительств.

2.03. — тегеранское радио объявило о закрытии американской разведывательной базы близ города Кабекан по соседству с ирано-советской границей.

11.03. — министр иностранных дел Ирана Керим Санджаби в интервью парижской газете "Монд" заявил, что "Иран стремится поддерживать искренние дружественные отношения с СССР и отказывается служить базой для агрессии или враждебной пропаганды против СССР. Мы уже поддерживаем очень широкие отношения с СССР и хотим углублять культурные отношения".

1.04. — по результатам всенародного референдума провозглашена Исламская Республика Иран.

3.05. — вновь назначенный министр иностранных дел Ирана И. Язди в своём первом интервью изложил основные принципы внешней политики Ирана. В ответ на вопрос об СССР он сказал, что Иран будет добиваться "равноправных" отношений со всеми сверхдержавами.

8.05. — в Москве состоялась пресс-конференция нового посла ИРИ в СССР Мохаммада Мокри; посол выразил надежду на укрепление и улучшение в будущем отношений с СССР.

1.10. — министр иностранных дел Ирана И. Язди заявил, что "Между ИРИ и СССР существуют отношения дружбы и добрососедства".

4.11. — посольство США в Тегеране захвачено иранскими студентами — сторонниками аятоллы Хомейни, потребовавшими выдачи находившегося в США бывшего шаха Ирана; в качестве заложников задержано около 60 американских дипломатов.

4.11. — кабинет Базаргана подал в отставку. Функции управления страной взял на себя Исламский революционный совет.

12.11. — Исламский революционный совет утвердил решение правительства Базаргана об аннулировании соглашения о военном сотрудничестве между Ираном и США от 1959 г. и статей 5-й и 6-й советско-иранского договора от 26 февраля 1921 г.

26.11. — член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А.А. Громыко принял посла ИРИ М. Мокри; на встрече были затронуты вопросы развития посольства США, захваченный в Тегеране двусторонних отношений между СССР и Ираном.

1980 год.

8.01. – заявление ТАСС: Советский Союз выступил против использования Соединёнными Штатами факта задержания сотрудников американского посольства в Тегеране для шантажа и угроз против Ирана. СССР повторил свою позицию в отношении необходимости соблюдения всеми государствами Венской конвенции о дипломатических сношениях и урегулирования ирано-американского спора мирными средствами.

25.01. – в Иране избран президентом Банигадр, занимавший в правительстве Ирана пост министра экономики и финансов; одновременно на него возлагалось руководство министерством иностранных дел

18.03. – переговоры об установлении новых цен на природный газ, поставляемый из Ирана в СССР, окончились безрезультатно. Поставка иранского газа в СССР прекращена.

24.05. – в Тегеран прибыла советская делегация для участия в II-ой сессии советско-иранской конференции по судоходству и портам. 1981 год.

12.02. – приезд в СССР иранской делегации во главе с членом Высшего совета культурной революции Д. Фарси с целью объяснить цели, задачи и характер исламской революции в Иране. 1982 год.

27.12. – попытка проникнуть на территорию советского посольства, сорван государственный флаг СССР. 1983 год.

9.05. – высылка из Ирана группы сотрудников посольства СССР и других советских учреждений в Иране под предлогом причастности к сбору шпионских сведений об Иране и "связях с подрывными элементами".

В течение 1984-1985 гг. продолжалось нарастание антисоветской пропаганды; иранские власти односторонними актами прекратили культурные связи с СССР; была сокращена численность дипломатического состава Советского посольства в Тегеране; советским журналистам несколько лет не предоставлялись въездные визы и др.

1986 год.

4.08. – председатель Президиума Верховного Совета СССР принял зам. министра иностранных дел ИРИ Мохаммеда Джавада Лариджани; Лариджани передал послание президента ИРИ Сейеда Али Хаменеи о желании руководства Ирана развивать добрососедские отношения с СССР.

8.10. – председатель Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко принял посла Ирана в СССР Насера Хайрани-Нобари, который передал устное послание президента ИРИ Сейеда Али Хаменеи по вопросам, касающимся двусторонних отношений между СССР и Ираном.

1987 год.

13.02. – председатель Президиума Верховного Совета А.А. Громыко принял министра иностранных дел ИРИ Али Акбара Велаяти. Состоялся обмен мнениями по вопросам, касающимся советско-иранских отношений, а также по международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

4.07. - Заявление Советского правительства. СССР подтверждает свою принципиальную позицию в пользу скорейшего прекращения ирано-иракской войны, решения спорных вопросов между Ираком и Ираном не на поле боя, а за столом политических переговоров.

1988 год.

16.02. – по приглашению иранской стороны в Тегеране находился зам. министра иностранных дел СССР В.Ф. Петровский; обсуждены вопросы двусторонних советско-иранских отношений с премьер-министром М.Х. Мусави и министром иностранных дел А.А. Велаяти.

20.07. – руководитель ИРИ аятолла Хомейни объявил, что Иран согласен с резолюцией 598 Совета Безопасности ООН (принятой год назад) о прекращении огня на ирано-иракском фронте.

1989 год.

27.02. – министр иностранных дел Э.А. Шеварнадзе, находившийся с официальным визитом в Иране, встретился с имамом

Р.М.Хомейни; было заявлено что СССР намерен строить свои отношения с Ираном на принципах полного равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды.

31.03. – состоялась беседа А.А.Веляти с президентом СССР. Была достигнута договоренность о визите в СССР председателя парламента Ирана А.А.Хашеми-Рафсанджани.

22.05. – в Тегеране состоялся обмен мнениями зам.министра иностранных дел СССР Воронцова с президентом Ирана С.А.Хаме-ней по вопросам советско-иранских отношений, видения обеими странами интересующих их региональных проблем.

20.06. – в Москву с официальным визитом прибыл Председатель парламента, исполняющий обязанности верховного командующего вооружёнными силами ИРИ Али Акбар Хашеми-Рафсанджани.

22.06. - в Москве подписана Декларация о принципах отношений и сотрудничества между СССР и Ираном и Долгосрочная программа торгово-экономического и научно-технического сотрудничества на период до 2000 года. Состоялось также подписание на уровне министров обеих стран соглашения о товарообороте и соглашение о строительстве железной дороги Мешхед – Серахс – Теджен.

1990 год.

9.01. – Э.А.Шеварнадзе принял прибывшего в Москву зам.министра иностранных дел ИРИ М.Ваэзи. Были обсуждены вопросы советско-иранских отношений и двустороннего сотрудничества. В Москве и Баку состоялись советско-иранские переговоры по вопросам упрощённого перехода гражданами СССР и Ирана советско-иранской границы, а также по упрощению взаимных поездок граждан обеих стран к родственникам и по другим делам.

1991 год.

9.01. – осуществляется полный отвод всех войск Ирана и Ирака в пределы своих границ.

1992 год.

25.08. – подписано межправительственное российско-иранское соглашение о достройке в Иране I-ого энергоблока АЭС "Бушер". Заявлено о возможном расширении АЭС на 2-3 энергоблока.

1993 год.

24.12. – Министр экономики ИРИ Мохсен Нурбаш, выступая на ежегодном заседании МВФ и в Вашингтоне, заявил, что за последние 4 года темпы роста экономики Ирана составили в среднем 8% в год. Годовой доход на душу населения (57 млн. чел.) составляет 2170\$ и является одним из самых высоких показателей в регионе.

1994 год.

12.02. – президент ИРИ А.А. Хашеми-Рафсанджани заявил, что Иран готов сотрудничать со всеми странами мира, за исключением США и Израиля.

1995 год.

6.01.- президент Ирана А.А. Хашеми-Рафсанджани выразил сожаление в связи с использованием Россией силовых методов в Чечне, назвав действия Москвы ошибкой; он заявил, что акции России в Чечне "повлекут за собой негативный эффект на её отношения с исламскими государствами и только разожгут пламя мести в сердцах людей".

18.02. – администрация президента Клинтона призывает Россию пересмотреть своё намерение передать ядерную технологию Ирану. Госсекретарь США Кристофер заявил, что администрация президента Клинтона обеспокоена планами России предоставить Ирану атомные реакторы.

29.06. – в Москве в конце июня проходили заседания российско-американской комиссии Гор-Черномырдин, на которой обсуждался вопрос о контракте, заключённом Россией на достройку иранской атомной электростанции в Бушире. Россия расширяет в Иране две тепловые электростанции, строит другие промышленные объекты, развивается приграничная торговля, встаёт вопрос об организации паромной переправы между иранским портом Энзели и Астраханью.

30.11. – США резко выступили против подписанных Россией и Ираном соглашений в области мирного использования ядерной энергии.

25.12. – министр иностранных дел ИРИ Али Ахбар Велаяти заявил, что Иран и Россия придерживаются единого мнения по ряду вопросов, связанных с Каспийским морем, подчеркнув при этом, что Каспий принадлежит прибрежным странам.

1996 год.

5.03. – Иран и Россия подписали в Тегеране соглашение о сотрудничестве в правовой области (по гражданским и уголовным делам). Это соглашение, в частности, обеспечивает равный правовой режим для иранцев в России и россиян – в Иране, а также взаимную выдачу преступников. Подписание торгового соглашения – это первый этап в процессе развития двустороннего юридического сотрудничества.

3.12. – чрезвычайный посол ИРИ в России Мехди Сафари заявил, что строящаяся при содействии России атомная электростанция в Бушере (оцениваемая в миллиард долларов) "стала символом нашей дружбы с Россией"; было заключено соглашение о строительстве Россией крупного самолётосборочного завода в Тегеране, шинного завода в Кермане. Разработаны совместные проекты по производству меди.

26.12. – ашхабадская встреча министров иностранных дел по проблемам Каспия показала, что Иран и Россия могут находить пути решения трудных проблем.

1997 год.

31.08. – зам. министра иностранных дел РФ Виктор Посувалюк, находящийся в Иране с официальным визитом, заявил, что в ходе состоявшихся дипломатических консультаций иранские официальные лица подчёркивали стремление нового руководства ИРИ развивать и укреплять дружбу с Россией.

23.09. – Председатель парламента ИРИ А. Натек-Нури заявил: "Иран и Россия – влиятельные в регионе страны, имеющие ключевую роль в решение региональных проблем. Успешное сотрудничество между ними может стать для региона надёжной гарантией от каких-либо угроз извне". Он высоко оценил принципиальную позицию, занятую Россией в вопросе о расширении НАТО на Восток.

1998 год.

5.03. – в ходе заседания российско-иранской межправительственной комиссии (МПК) по экономическому сотрудничеству достигнута принципиальная договорённость о сооружении нескольких блоков Бушерской атомной станции. Подписано соглашение об избежании двойного налогообложения.

7.07. – в Тегеране достигнуто соглашение президентов Ирана и Туркмении – Мохаммада Хатами и Сапармурада Ниязова – в котором говорится о том, что ресурсы Каспийского моря должны быть справедливо поделены между всеми прикаспийскими государствами.

1999 год.

17.02. – в Тегеране состоялось пятое заседание ирано-российского "круглого стола"; Россия занимает лишь 12-ое место в списке основных торговых партнёров Ирана; участники форума сочли необходимым расширение ирано-российского торгово-экономического сотрудничества.

4.05. – Исфаган и Санкт-Петербург стали городами-побратимами. Ожидается открытие в Санкт-Петербурге исфаганского торгового представительства.

28.06. – министр внутренних дел ИРИ Сейед А. Мусави-Лари прибыл в Москву с официальным визитом для ведения переговоров о различных аспектах двустороннего сотрудничества (в области борьбы с наркобизнесом, ликвидации последствий стихийных бедствий, правового статуса Каспийского моря и др.).

7.09. – посол ИРИ в Москве Мехди Сафари заявил, что Иран не намерен заключать с Россией новые соглашения до тех пор, пока не будет завершено сооружение атомной электростанции в Бушере. Первоначальный срок завершения строительства – 4,5 года; точная дата будет определена в ходе предстоящего визита в Москву руководителя Организации по атомной энергии ИРИ Голям Резы Агазаде.

составил Орлов Е.А.

SUMMARY

Iranian Revolution which led to the fall of monarchy in February 1979 and the proclamation of the Islamic Republic of Iran produced great impression on the whole world. By that time Iranian leaders for nearly twenty years had been carrying out reforms, getting rid of the last traces of feudalism, creating high technological industry, surprising all the world with high rates of economic growth. And in less than two years Iran which was seen by many people as a model for imitation was sized mass antishah movement. The country was falling into crisis.

Islamic Rule in Iran tries to bring in conformity Islamic traditions, Islamic cultural values with the needs to modernize the society. After twenty years of postrevolutionary development understanding of Islamic Rulers of the process of modernization as of transaction from traditional society coincides with generally accepted notions.

In the 90-s the most impressive changes took place in the sphere of foreign policy which is now demonstrating desire to establish relations with the world community on the basis of generally accepted norms. And this is the merit of president Khatami, who was supported by young generation during the elections. Khatami's government tries to make the country attractive to foreign investments. That is why the experience of IRI is unique from the point of view of looking for the ways of development optimum for every country in its interrelations with the world community.

This collection of articles is made on the basis of International conference "Islamic Republic: Past, Present and Future", which was held in the Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science 3-4 March 1999. Representatives of different scientific centers of Russia, Islamic Republic of Iran and CIS took part in the conference. The Embassy of the Islamic Republic of Iran in Moscow helped in organizing this conference and gives financial support in publishing the collection of these articles.

Editorial board doesn't prevent authors to express their own points of view which don't always coincide with the official position of Russia and Islamic Republic of Iran.

CONTENTS

Introduction	4
M.Safari. The Unique Features of Islamic Revolution in Iran in comparison with the Great Revolutions in other countries of the World.	6
M.Sanayi. Islamic Revolution, International Law & the Dialogue of Civilizations.	12
S.Haqiqat. The Motives & Roots of the Islamic Revolution.	22
V.B.Klyashtorina. The Place of Iran in the World Dialogue of Cultures	25
A.Z.Arabadjan. Russia, Iran & Armenia: the Dialogue of Civilizations.	45
N.M.Mamedova. Experience of Iran's Social & Economic Development under the Islamic Rule.	52
S.B.Druzilovsky. The Social Policy of IRI after Islamic Revolution.	66
V.I.Sazhin. The Military Power of Iran: Twenty years.	71
L.M.Kulagina. The Foreign Policy of IRI : 90-s.	94
S.V.Grigoriev. Iran & Russia.	105
E.A.Orlov. Iran-Iraqian war (1980 -1988) & Attitudes of the USSR, the USA & the UNO.	110
E.V.Dunaeva. Kaspian region & Iran.	129
D.M.Anarkulova. How Iranian Revolution affected Tadjikistan.	138
V.Hutorskaya. Atomic Energy as one of the Strategic Fields in Cooperation between Russia& Iran.	144
G.I.Starchenkov. Iran - the New Gas - Exporting Country in the XXI-th Century.	156
M.R.Arunova. IRI's Struggle with Drugs.	166
Yu.A.Rubinctic. Some Problems of the Persian Language Improvement by the end of the XX-th Century.	173
M.S.Kameneva. The Results of the IRI Language Policy During 20 years.	181
V.Genis. MirzaKuchek-khan , the Defender of his Motherland & Islam. (The History of Gilan Rebels Union in 1921).	188
Appendix	204
SUMMARY	212
CONTENTS	213